

История XX века

ТАЙНЫЕ СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

— СУДЬБЫ —
— СОБЫТИЯ —
— ДОКУМЕНТЫ —
— ВЕРСИИ —

А. Ю. Бондаренко
Н. Н. Ефимов

ТАЙНЫЕ
СТРАНИЦЫ
ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Москва
Кучково поле
2009

ББК 68.54

Т11

Президиум Союза ветеранов госбезопасности выражает
благодарность за финансовую поддержку данного издания:

*Бердичевскому Ефиму Моисеевичу,
Егорову Борису Алексеевичу,
Колотенко Владимиру Дмитриевичу,
Ларикову Анатолию Тимофеевичу,
Минкину Марку Абрамовичу,
Морякину Михаилу Алексеевичу,
Пильгуну Александру Ивановичу,
Садовникову Николаю Григорьевичу*

Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н.

Т11 Тайные страницы Великой Отечественной. —
М.: Кучково поле, 2009. — 368 с.

ISBN 978-5-9950-0050-1

В эту книгу вошли материалы «круглых столов», на протяжении четырех лет проводившихся в редакции газеты «Красная звезда». Их участниками были известные историки, знаменитые военачальники, сотрудники спецслужб, дипломаты — в том числе и ветераны Великой Отечественной войны. В ходе этих бесед обсуждались самые острые вопросы, относящиеся к истории войны, давалась объективная оценка бытующим версиям и предположениям. Собранные в одной книге, эти материалы позволяют читателю понять или переосмыслить многие из тайных страниц Великой Отечественной войны, получить немало новой информации.

ББК 68.54

Т11

ISBN 978-5-9950-0050-1 © Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н., 2009
© ООО «Кучково поле», 2009

Предисловие

Проходят годы, однако интерес к истории Великой Отечественной войны в нашей стране не угасает, а ее многочисленные «тайные страницы» — малоизвестные, забытые и до сих пор не рассекреченные события — волнуют умы не только исследователей, но и всех тех, кому небезразлично прошлое нашей Родины. К тому же, не меньший интерес, чем военные действия, вызывает в обществе их политическая подоплека, нередко находящая свое отражение и продолжение в сегодняшних межгосударственных отношениях. Отметим и то, что «из тени» постепенно выходит деятельность спецслужб противоборствовавших государств, «на фронтах» тайной войны между которыми проводились операции, вполне сопоставимые с важнейшими сражениями Второй мировой войны.

На тему всех этих событий написаны и пишутся десятки и сотни книг, но, к сожалению, далеко не все из них отличаются непредвзятостью, должной объективностью и научной добросовестностью, а потому способны дать своему читателю исчерпывающие ответы на поставленные вопросы. Кроме того, авторы иных книг предлагают свои дерзкие версии, так переворачивающие все с ног на голову, что только годы спустя удастся возвратиться к исходному положению. Достаточно вспомнить скандальное утверждение, что гитлеровская агрессия явилась «превентивным ударом» по СССР, изготовившемуся к нападению на Германию. Какие велись вокруг него споры! Однако многократно развенчанная историками, эта версия сегодня фактически забыта.

В 2001 году — в канун 60-летия начала Великой Отечественной войны — редакция газеты «Красная звезда» провела посвященное этой дате заседание «круглого стола», достаточно неожиданно обозначив его тему: «22 июня 1941 года. Могло ли все быть по-иному?» В заседании приняли участие ветераны Великой Отечественной войны — доктор исторических наук, профессор О. А. Ржешевский, доктор

исторических наук А. С. Орлов и бывший военный разведчик генерал-лейтенант Е. И. Малашенко, а так же — доктор военных наук генерал армии В. Н. Лобов, сотрудник Службы внешней разведки В. Н. Карпов, кандидаты исторических наук М. Ю. Мягков и Ю. А. Никифоров. Разговор получился интересный, опубликованный материал вызвал обширную читательскую почту, а потому решено было одним «круглым столом» не ограничиваться...

Таким образом, на страницах «Красной звезды» было опубликовано двенадцать отчетов о заседаниях редакционных «круглых столов», посвященных как ключевым событиям Великой Отечественной войны — Сталинградской и Курской битвам, обороне Ленинграда, Ясско-Кишиневской операции, так и важнейшим вопросам оборонной и международной политики — в частности, деятельности органов государственного управления, взаимоотношениям руководства СССР с союзниками, а так же столь интересной и неоднозначной теме, как «Возможности реальные, но не реализованные» — о разработанных, но не претворенных в жизнь планах боевых действий. Завершающим стал разговор, посвященный 60-летию разгрома милитаристской Японии, — он был опубликован в октябре 2005 года.

Свидетельством высокого интереса специалистов к краснозвездским «круглым столам» на тему событий Великой Отечественной войны является тот факт, что круг их участников постоянно расширялся. Кроме ведущих и молодых перспективных специалистов-историков по Второй мировой войне в них принимали участие известные военачальники — генерал армии М. А. Гареев и Герой Советского Союза адмирал флота Г. М. Егоров, бывший первый заместитель начальника Первого Главного управления КГБ СССР (внешней разведки) генерал-лейтенант В. А. Кирпиченко, руководитель авторско-составительского коллектива многотомного сборника документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» В. П. Ямпольский, директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ — сначала это был П. В. Стегний, а затем А. А. Чурилин (первый из них впоследствии стал Чрезвычайным и Полномочным послом Российской Федерации в Турции, второй — в Румынии), и многие другие. Во время каждого из разговоров проблема

освещалась с различных точек зрения, с позиций не только представителей институтов Всеобщей и Российской истории Академии наук РФ, но и Министерства обороны и Министерства иностранных дел, Службы внешней разведки и Главного разведывательного управления Генштаба ВС РФ, Федеральной службы безопасности России и ряда других ведомств, а так же — активных участников Великой Отечественной войны. Достаточно сказать, что участник ряда заседаний генерал-лейтенант артиллерии С. Е. Попов в конце войны командовал 3-й гвардейской артиллерийской дивизией прорыва РГК, а летчик-истребитель Герой Советского Союза Г. А. Баевский — впоследствии генерал-майор авиации — весной 1945-го летал в небе над Берлином...

Участники разговоров активно обсуждали многие из до сих пор не проясненных вопросов, давали объективную научную оценку бытующим историческим версиям, аргументировано разоблачали ложные и ошибочные концепции.

В результате всестороннего обсуждения каждого из предложенных вопросов на страницах «Красной звезды» вышла серия материалов, в совокупности своей представивших достаточно интересный и аргументированный рассказ о событиях Великой Отечественной войны — с точки зрения разбора, освещения и оценки ее «утаенных страниц».

Теперь, опубликованные в виде отдельной книги, эти материалы представят для читателей особенный интерес и ценность. Тем более что, к сожалению, некоторые из участников этих «круглых столов», носители воистину уникальной информации, — Г. А. Баевский, Г. М. Егоров, В. Н. Карпов, В. А. Кирпиченко, Б. Я. Наливайков и С. Е. Попов — уже ушли из жизни...

Думается, что книга, подготовленная журналистами «Красной звезды» Николаем Ефимовым и Александром Бондаренко — авторами достаточно известных «Утаенных страниц советской истории» и «Загадочных страниц русской истории», займет достойное место в ряду историко-документальных произведений о Великой Отечественной войне, поможет читателям более объективно оценивать ее события. К тому же, именно осмысление событий прошлого помогает предвидеть и планировать будущее, избегать вероятных ошибок на пути движения вперед.

*Руководитель Департамента военной контрразведки ФСБ России
генерал-полковник Александр БЕЗВЕРХНИЙ.*

В заседаниях «круглого стола», проведенных редакцией газеты «Красная звезда», принимали участие ветераны Великой Отечественной войны:

Герой Советского Союза генерал-майор авиации *Георгий Артурович Баевский* — заслуженный военный летчик СССР; генерал армии *Махмут Ахметович Гареев* — доктор военных и доктор исторических наук, профессор, президент Академии военных наук;

Герой Советского Союза адмирал флота *Георгий Михайлович Егоров*;

генерал-лейтенант *Вадим Алексеевич Кирпиченко* — почетный профессор Академии внешней разведки, консультант СВР;

генерал-лейтенант *Евгений Иванович Малашенко*;

полковник *Борис Яковлевич Наливайко* — ветеран Службы внешней разведки;

Борис Ильич Невзоров — кандидат исторических наук, почетный профессор Европейского университета;

полковник *Александр Семенович Орлов* — доктор исторических наук (Институт военной истории Минобороны РФ);

полковник *Евгений Владимирович Попов* — ветеран военной разведки;

гвардии генерал-лейтенант *Степан Ефимович Попов* — командир артиллерийского полка в 1941 году, командир 3-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва РГК — в 1945-м, подписчик «Красной звезды» с 1928 года;

полковник *Олег Александрович Ржешевский* — доктор исторических наук, профессор (Институт всеобщей истории РАН), президент Ассоциации историков Второй мировой войны;

генерал-майор *Степан Андреевич Тюшкевич* — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института военной истории Минобороны РФ, президент Философского клуба Ассоциации офицеров запаса «Мегапир»;

генерал-лейтенант *Петр Спиридонович Шмырев* — член Совета ветеранов военной разведки.

Участниками заседаний «круглого стола» по проблемам Великой Отечественной войны также были:

полковник *Виктор Александрович Гаврилов* — кандидат психологических наук, начальник управления зарубежной военной истории Института военной истории, старший научный сотрудник;

полковник *Станислав Викентьевич Грибанов* — писатель;

капитан 1 ранга *Вячеслав Петрович Зимонин* — главный специалист Института военной истории МО РФ, доктор исторических наук, профессор;

полковник *Владимир Николаевич Карнов* — сотрудник Бюро по связям с общественностью и средствами массовой информации Службы внешней разведки Российской Федерации, писатель;

Олег Николаевич Киселев — аспирант Государственного университета гуманитарных наук;

Анатолий Аркадьевич Кошкин — доктор исторических наук, профессор, действительный член РАЕН;

Георгий Александрович Куманев — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН;

полковник *Борис Николаевич Лабусов* — руководитель Бюро по связям с общественностью и средствами массовой информации Службы внешней разведки Российской Федерации;

генерал армии *Владимир Николаевич Лобов* — начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР в 1991 году, доктор военных наук, профессор;

Михаил Юрьевич Мягков — кандидат исторических наук, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН;

Юрий Александрович Никифоров — кандидат исторических наук, доцент Московского открытого педагогического университета им. М. А. Шолохова;

Денис Викторович Рябочкин — аспирант Московского государственного открытого педагогического университета им. М. А. Шолохова;

полковник *Владимир Анатольевич Семидетко* — заместитель начальника Военно-мемориального центра ВС РФ;

Елена Спартаковна Сенявская — доктор исторических наук, ведущий сотрудник Института российской истории РАН;

Владимир Васильевич Соколов — кандидат исторических наук (Историко-документальный департамент МИД РФ);

полковник *Владимир Вениаминович Соколов* — заместитель руководителя Бюро по связям с общественностью и средствами массовой информации Службы внешней разведки Российской Федерации;

Петр Владимирович Стегний — доктор исторических наук, директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ. В настоящее время — Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Турции.

Дмитрий Борисович Хазанов — кандидат технических наук, помощник генерального директора НИЦ «СНИИП» по информационным вопросам;

генерал-майор *Валерий Юрьевич Черногор* — Главное организационно-мобилизационное управление Генерального штаба ВС РФ;

Александр Анатольевич Чурилин — директор Историко-документального департамента МИД РФ;

Николай Александрович Яковлев — специальный корреспондент студии общественно-политических программ и документальных фильмов телеканала «Россия».

полковник *Владимир Павлович Ямпольский* — кандидат юридических наук, руководитель авторско-составительского коллектива многотомного сборника документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне».

Заседание первое:

«22 июня 1941 года.

Могло ли все быть по-иному?»

Участниками этого заседания «круглого стола», проведенного 16 июня 2001 года — к 60-летию начала Великой Отечественной войны, были В. Н. Карпов, В. Н. Лобов, Е. И. Малашенко, М. Ю. Мягков, Ю. А. Никифоров, А. С. Орлов и О. А. Ржешевский. Ряд обсуждаемых вопросов взят из читательской почты газеты «Красная звезда».

— Одним из «знаковых», что называется, событий предвоенного времени, несомненно, можно считать речь Иосифа Виссарионовича Сталина перед выпускниками военных академий в Кремле 5 мая 1941 года. Тогда он неожиданно сказал: *«Мирная политика — дело хорошее, мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию... Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду в наступательном духе».* Сегодня некоторые историки склонны считать эти слова чуть ли не призывом к агрессии. Так ли это?

ОРЛОВ: Объективно оценивать цитату без контекста невозможно. Нужно помнить, что Сталин выступал перед людьми, которые пришли из войск, окончили академии и возвращались в армию уже весьма подкованными в военном отношении. Основная мысль выступления сводилась к тому, что армия за годы их учебы значительно

изменилась, выпускники почти не узнают ее. Дальше ведь он сказал — это главная, ключевая фраза, — что, проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом.

За эту фразу сейчас цепляются те, кто хочет доказать, что Сталин призывал к наступательной войне, к нападению на Германию. На самом деле эта фраза соответствует нашей Военной доктрине, политическая часть которой гласила, что СССР ни на кого не собирается нападать, но если на него нападут, то агрессор получит уничтожающий удар, будет отброшен от границ Советского Союза и разгромлен...

МАЛАШЕНКО: Армию надо готовить к боевым действиям — не только оборонительным, но и наступательным, особенно сложным по организации, — таков непреложный закон военного дела. Наша армия интенсивно перевооружалась, и Сталин определял ее главную цель, потому что выиграть войну лишь оборонительными действиями нельзя. Это наглядно показала Франция, которая полагалась только на оборону, надеялась укрыться за мощными укрепрайонами. Немцы ее разгромили.

КАРПОВ: Если оценивать ситуацию объективно, то Сталин прекрасно понимал, что командиры, направляемые на западные границы, едут практически на фронт...

— Напрашивается вопрос, интересующий многих и задаваемый в различных интерпретациях: насколько Сталин был информирован о надвигающейся военной опасности, почему не внимал предупреждениям разведки?

РЖЕШЕВСКИЙ: Прежде всего, следует отвести как несостоятельную «популярную» версию о том, что Сталин о предстоящем нападении Германии и его сроках знал почти все, но действенных мер не предпринял. Существовало три канала получения разведданных —

Разведывательное управление Красной армии, разведка Военно-морского флота и внешняя разведка Наркомата госбезопасности. Поступавшие от них сведения были противоречивы, осложняли анализ и без того запутанной обстановки, препятствовали раскрытию истинной цели дезинформационной деятельности гитлеровских спецслужб — достижению внезапности первого удара. Судя по доступным историкам документам разведслужб, наиболее объективная информация поступала из 1-го управления НКГБ, начальником которого был прославленный разведчик Павел Михайлович Фитин.

За его подписью 17 июня 1941 года было представлено Сталину спецсообщение из Берлина: *«Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью завершены, удар можно ожидать в любое время».*

— Что конкретно знало высшее руководство СССР о планах Гитлера?

КАРПОВ: Что именно удалось вскрыть разведке? Только военные приготовления и примерные сроки нападения. Остались неизвестными цели, которые преследует Гитлер, характер предстоящей войны, направление главных ударов. Не до конца было ясно, будет ли Германия вести войну против нас в одиночку или в коалиции и с кем именно.

Даже количество дивизий было установлено приблизительно, тем более что танковые соединения Гитлер перебросил к границам СССР буквально за двое суток до нападения. Благодаря утечке информации распространялись слухи, доходили до руководства в виде донесений о том, что Германия нападет на Советский Союз 15 апреля, 1, 15, 20 мая, 15 июня... Эти дни наступали, а война не начиналась. Ведь и Рихард Зорге называл несколько сроков, которые не подтвердились.

— Разве так? Еще в 60-е годы опубликована телеграмма «Рамзая» с предупреждением: война начнется 22 июня... После этого и говорилось: «Зорге точно назвал дату». Ну а Сталин, соответственно, как утверждалось, этому не верил.

КАРПОВ: Нет, это все фальшивка, появившаяся в хрущевские времена. К сожалению, разведка не назвала точной даты, не сказали однозначно, что война начнется 22 июня.

— Откуда же бралось это обилие дат?

КАРПОВ: Как известно, Гитлер 38 раз откладывал нападение на Францию, и поэтому, когда Париж получил сведения о 39-м сроке, то французы уже просто не поверили, что война начнется 10 мая 1940 года... Так сложилась ситуация и для нас.

РЖЕШЕВСКИЙ: Немцы придавали дезинформации огромное значение и в этом деле весьма преуспели. Вспомните заключение начальника внешней разведки, генерала, позднее — маршала Филиппа Ивановича Голикова, оставленное на донесении от 20 марта 1941 года: *«Сообщения о готовящемся нападении Германии на СССР необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от англичан и даже, может быть, германской разведки»*.

Некоторые сейчас утверждают, что Голиков стремился таким образом угодить Сталину, зная, что тот войны с Германией в сорок первом не ждет. Сомнительно! Филипп Иванович был опытным военачальником и человеком с убеждениями. Вряд ли он не понимал, что просчет, угоднические выводы будут иметь роковые последствия — в том числе и для него лично.

— А что вообще знала разведка о подготовке Германией нападения на СССР? Когда стала поступать об этом первая информация?

КАРПОВ: Первые сведения о появлении признаков военной угрозы со стороны Германии внешняя разведка

получила в июне — июле 1932 года, за девять месяцев до прихода Гитлера к власти. ИНО ОГПУ сообщал, что правительство Франца фон Папена стало склоняться к мнению, что с политикой заигрывания с СССР пора кончать. Берлин получил от Москвы все желаемое — в том числе и в области подготовки военных кадров, поэтому на повестку дня встал вопрос о начале секретных переговоров с Францией и Польшей по созданию наступательного союза против СССР.

Для нашей разведки, имевшей в ту пору прочные позиции в правительственных кругах Германии, в том числе и в руководстве нацистской партии, неизбежность прихода к власти Гитлера не являлась секретом, равно как и то, какую политику он будет проводить. Еще летом 1932 года начальник Иностранного отдела ОГПУ Артур Христианович Артузов разослал в резидентуры циркуляр, в котором предлагалось начать подготовку к работе в условиях войны Германии против СССР.

После захвата Гитлером власти разведка стала получать подробную информацию о подготовке Германией реванша за поражение в Первой мировой войне. Однако еще не было ясно, где будет нанесен первый удар — на Западе или на Востоке. С началом гражданской войны в Испании обстановка в Европе изменилась. Фашистские страны стремились установить контроль над Средиземноморьем, отнять колонии у Англии и Франции. В свою очередь, страны Антанты пытались найти компромисс с фашистами, предлагая Гитлеру кредиты и сырье — в обмен на гарантии мира. Запад ожидал, что фашисты начнут европейскую войну уже в 1938 году...

МАЛАШЕНКО: Кстати, Гитлер умело шантажировал мировых политиков. Так, 11 августа 1939 года он заявил в беседе со швейцарским бизнесменом Буркантом: *«Если Запад настолько глуп и настолько слеп, чтобы напасть на Германию, то я вынужден буду объединиться с Россией,*

чтобы разгромить Запад... Затем, еще усилив свою мощь в итоге победы на Западе, я нападу на Россию. Все мои планы и замыслы в принципе направлены против России».

КАРПОВ: Принято считать, что непосредственную подготовку к войне с СССР Гитлер начал в 1940 году. Но 10 февраля 1937 года внешнеполитическая разведка НКВД доложила о состоявшемся в конце ноября 1936 года совещании аппарата военного министерства, где министр фельдмаршал фон Бломберг, начальник генштаба генерал-полковник барон фон Фрич и главнокомандующий ВВС Геринг изложили несколько возможных вариантов этой войны. Совещание пришло к выводу, что решение о нападении на СССР не будет принято до тех пор, пока не будет решен «польский вопрос».

Ждать пришлось недолго — 1 сентября 1939 года, с провокации гестапо под Гляйвице, послужившей поводом для нападения Германии на Польшу, началась Вторая мировая война. С тех пор, кстати, Сталин начал опасаться похожих провокаций Запада с целью столкнуть Гитлера с СССР.

4 августа 1940 года резидентура в Виши, где, как известно, находилось коллаборационистское правительство Петена, сообщила о начале переброски гитлеровских войск из Франции к советским границам... Всего же с июля 1940 по июнь 1941 года разведка направила советскому руководству более 120 детальных сообщений о военных приготовлениях Германии к нападению на СССР.

— В том числе передала и копию плана «Барбаросса», плана нападения на СССР — то есть директивы № 21 от 18 декабря 1940 года?

КАРПОВ: Нет, утверждения об этом относятся к ряду мифов и легенд. Недавно, кстати, одно популярное издание сообщило, что план «Барбаросса» для Сталина якобы раздобыли такие источники, как князь Радзивилл

и Ольга Чехова. Однако в архивах внешней разведки никаких донесений от этих людей не существует.

На самом деле план был отпечатан в 9 экземплярах, три отданы командующим видами вооруженных сил, а шесть пролежали в сейфе Гитлера до конца войны. Ни одна разведка мира, включая британскую, имевшую агентуру в непосредственном окружении Гитлера, план не получила...

Наша разведка постоянно отслеживала военные приготовления Германии. В мае 1941 года удалось узнать не только количество стянутых к нашим границам дивизий, но и места их дислокации — вплоть до расположения батальонов, штабов частей. Уточнялись даже огневые позиции отдельных артиллерийских и зенитных батарей. В апреле — мае 1941 года Сталину были доложены мероприятия германского командования по последним приготовлениям к удару. «Корсиканец» — Арвид Харнак, руководящий сотрудник министерства экономики, — сообщал, что построение германских войск на границе с СССР в точности повторяет их построение накануне вторжения во Францию.

— «Корсиканец» — это один из руководителей знаменитой «Красной капеллы»?

КАРПОВ: Да, конечно... Разведка также информировала о хозяйственных и политических приготовлениях Германии к эксплуатации советских территорий — заранее назначались правительственные чиновники в крупные советские города, осуществлялись мероприятия по обеспечению спокойствия на Западном фронте и т. д.

17 июня 1941 года «Корсиканец» и «Старшина» — обер-лейтенант Харро Шульце-Бойзен (племянник гросс-адмирала Тирпица) сообщили, что *«военные приготовления Германии по подготовке к вооруженному нападению на СССР полностью закончены и удара можно ожидать в*

любое время». Сведения о близящейся войне поступали из резидентур в Хельсинки, Риме, Виши, Шанхае, Берлине, Женеве, Токио...

Никто не сомневался, что война неизбежна, однако никто не имел четкого представления о том, когда именно и как она начнется.

РЖЕШЕВСКИЙ: Разведка проделала огромную работу, чтобы раскрыть замыслы и планы нацистской Германии. Однако, будучи доложенной руководству страны в разобранном виде, информация о военных приготовлениях не создавала целостной картины происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли уже правителями Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать начала агрессии, какими будут стратегические и тактические цели боевых действий.

КАРПОВ: Да, информационного управления в разведке в ту пору еще не было, информация направлялась руководству по мере поступления...

Сталин не сомневался в неизбежности войны, однако сроки, названные разведкой, проходили, а она не началась. Возникла версия, что эти слухи распространяет Англия, чтобы столкнуть Гитлера с СССР. Поэтому на донесениях разведки и появлялись сталинские резолюции типа «А не британская ли это провокация?»

РЖЕШЕВСКИЙ: Кстати, 19 июня 1941 года советский посол во Франции телеграфировал в Наркомат иностранных дел: *«Здесь все журналисты болтают о всеобщей мобилизации в СССР, о том, что Германия предъявила нам ультиматум об отделении Украины и передаче ее под протекторат Германии... Слухи эти исходят не только от англичан и американцев, но и из немецких кругов. Повидимому, немцы, пользуясь этой агитацией, готовят атаку против Англии».*

КАРПОВ: На самом деле именно германское командование еще в сентябре 1940 года дало указание войскам о дезинформации СССР. Такого плана директивы издавались неоднократно вплоть до мая 41-го. Поэтому и в донесения разведки попадали дезинформационные сведения.

С конца апреля по начало июня гитлеровцы с целью дезинформации объясняли концентрацию своих войск у наших границ тем, что Германия якобы пытается оказать давление на СССР с целью принудить его принять условия тяжелейшего ультиматума о присоединении к оси Рим — Берлин — Токио и вступлении в войну на ее стороне. СССР якобы должен отдать в залог Украину и Прибалтику, а также значительно увеличить поставки сырья. В случае отказа Германия оккупирует Украину и Прибалтику. Разведка этот коварный прием не разгадала.

Получая дезинформацию из различных источников — разведывательных и дипломатических, сопоставляя их, Сталин и реагировал соответствующим образом. Он считал, что в случае германского ультиматума необходимо вовлечь Гитлера в переговоры и затянуть их до поздней осени с тем, чтобы избежать нападения Германии в сорок первом, — зимой ведь воевать гораздо труднее.

Мы, еще раз подчеркну это, не имели источников в ближайшем окружении Гитлера и не знали, что вопрос о нападении уже решен окончательно.

— А разве у нас были какие-то основания не доверять Англии?

КАРПОВ: В мае 1941-го в Лондон летит Рудольф Гесс — второе после Гитлера лицо в партии и ведет переговоры с англичанами. Нам известно содержание его переговоров: он фактически предлагал Великобритании — естественно, по заданию Гитлера, хотя тот всячески и отрицался от этого, — забыть старые распри и соединить усилия в борьбе против большевизма. Гитлер считал: если

англичане и немцы принадлежат к англосаксонской расе, то и интересы их совпадают. Славяне же — низшая раса, за счет которой и нужно решить все проблемы.

Но он не учел, что в кресле премьер-министра был уже не Чемберлен, а Черчилль, стремившийся любыми средствами и путями спасти Британскую империю от раздела и не желавший воевать против Советского Союза.

Тем не менее, англичане начали шантажировать США. Они заявляли: если Соединенные Штаты не вмешаются в вооруженный конфликт на стороне Великобритании, то Англия будет вынуждена принять условия Германии. А каковы были условия? Немцы требовали поделиться колониями — не только вернуть прежние, утраченные после Первой мировой войны германские колонии, но и отдать им Британскую Индию, Ближний Восток, то есть нефть и все прочее. Это привело бы к многократному возрастанию германского могущества, чего, разумеется, Соединенные Штаты никак не могли допустить...

ЛОБОВ: Америка сама претендовала на мировое лидерство, и недаром еще в 1932 году президент США Рузвельт говорил Черчиллю: *«Если Британия и США достигнут полной идентичности в своих экономических и политических интересах, они завладеют полным руководством в мире»*. По счастью, не достигли... Поэтому в 1941-м Черчилль и обращался к Рузвельту за помощью...

КАРПОВ: Да, но сообщение об этом оказалось и на столе у Сталина. Он понимал, что для Англии в данной ситуации нападение Гитлера на Советский Союз — дар Божий. Между тем Сталин знал, что хоть Черчилль и предупреждает его о переброске из Румынии в Польшу танковых дивизий, но одновременно ведет переговоры по линии МИДа с эмиссаром Гитлера. Можно ли верить Черчиллю?

В том, что Гитлер нападет на СССР, Сталин не сомневается. Но традиционно полагает, что война начнется

с какого-то ультиматума. А ультиматум, как мы уже говорили, еще не война...

— В последнее время, однако, немало пишется и говорится о планах и возможности превентивного удара Советского Союза по гитлеровской Германии. Сталин, мол, все уже подготовил, но опоздал, потому что Гитлер был вынужден — учитывая наши приготовления — начать раньше... Так ли это?

МАЛАШЕНКО: Вы излагаете версию не совсем точно. Версия эта, между тем, не нова — уже в заявлении МИДа Германии послу СССР в июне 1941 года указывалось, что серьезные угрозы со стороны СССР на восточных границах вынуждают рейх к ответным действиям. Но ведь Гитлер решил напасть на Советский Союз еще за год до того, как появились сведения о концентрации наших войск у границы.

Впрочем, еще в 1925 году Гитлер писал в «Майн кампф»: *«Немецкому народу необходимо жизненное пространство. Проблему жизненного пространства надо решать на Востоке, за счет России.*

Европа — для Германии. Германия должна владеть миром».

Гитлер начал войну на западе, развалил западные государства для того, чтобы использовать их экономические возможности и ресурсы при нападении на СССР.

МЯГКОВ: Сейчас действительно немало говорится и пишется по поводу выступления Сталина 5 мая 1941 года, предвоенной директивы о задачах политпропаганды — якобы в ней также просматриваются мотивы превентивного удара. В действительности наше руководство не хотело провоцировать Гитлера никоим образом. Стране необходимо было время для подготовки к обороне.

Возьмем, к примеру, приказ наркома обороны Семена Константиновича Тимошенко и начальника Генштаба

Георгия Константиновича Жукова от 18 июня 1941 года о строительстве оперативных аэродромов. В нем говорится, что состояние их ужасающее, и намечается дата завершения строительства этих аэродромов — не позднее октября 1941 года.

Как можно говорить, что мы якобы готовили нападение летом 1941-го, если и в этом, и во многих других приказах сроки исполнения назначались на осень, на конец года?

ОРЛОВ: Чтобы готовить такое нападение, которое было подготовлено против нас Германией, необходимы были определенные условия. Во-первых, нужно было политическое решение. Во-вторых, полностью отмотобилизованная, укомплектованная по штатам военного времени и желательна имеющая боевой опыт армия. В-третьих, необходим план разгрома вооруженных сил и захвата жизненно важных территорий страны. В-четвертых, нужна заблаговременно переведенная на военные рельсы экономика.

— Думается, на тот период все это было только у Германии...

ОРЛОВ: Да, политическое решение было принято Гитлером еще 31 июля 1940 года. Оно гласило: ликвидировать Россию. 18 декабря была утверждена директива «Барбаросса» — план, который прежде всего предполагал молниеносным ударом крупными массами танков и авиации уничтожить Красную армию, затем захватить жизненно важные области до рубежа Архангельск — Волга... Был вермахт — сильнейшая по тому времени армия, имевшая победоносный боевой опыт, уверенная в своей несокрушимости. Были не только укомплектованы все соединения и объединения, но и отлажено взаимодействие пехоты и танков, пехоты и авиации, взаимодействие между видами и родами войск...

А нашим политическим решением было — никоим образом не допустить войны с Германией в 1941 году. У нас были планы войны — но это были планы отражения агрессии, планы обороны. Первый пункт гласил: *«Активной обороной надежно прикрыть сосредоточение войск до полной мобилизации»*. У немцев была полностью отмобилизованная армия, а нам предстояло это сделать уже после начала войны.

— Но почему же не раньше? Мы ведь понимали, что война начнется не сегодня-завтра, что гитлеровская агрессия неизбежна...

ОРЛОВ: 41-й год был посвящен перевооружению армии. Трехмиллионная армия 1939 года трансформировалась в 5,5-миллионную армию 1941-го. Нужны были десятки тысяч людей, которые владели бы современным оружием и техникой — танками, самолетами, орудиями... А где было их взять в стране, 80 процентов населения которой 20 лет назад было неграмотным?

Конечно, делалось очень много в мирное время, особенно в тридцатые годы, когда была создана основа той экономики, которая впоследствии позволила нам выстоять, но в 41-м году все оборонное хозяйство находилось в стадии перевооружения, переоборудования и не было готово к испытаниям.

КАРПОВ: К слову, если у нас в стране танкистами становились вчерашние колхозники, только-только севшие на трактор, то у Гитлера — квалифицированные рабочие, которых было очень много. Мы не должны забывать, что Германия имела после США самый мощный станочный парк в мире, могла производить самые современные виды вооружений, техники... Если она захватила чехословацкие заводы Шкода, которые до этого снабжали вооружением и Англию, и Францию, то нам свои заводы надо было строить, надо было обучать людей. К тому же, немецкая армия

приобрела и опыт боевых действий. Мало иметь хорошие танки, хорошие самолеты — нужно еще и обучить личный состав, вооружить опытом тех, кто будет применять эту технику в бою.

ОРЛОВ: В общем, говорить о подготовке превентивного удара со стороны СССР объективно нельзя. И вопрос этот в мировой историографии давно решен: гитлеровская агрессия была ничем не спровоцированным нападением на Советский Союз.

НИКИФОРОВ: Кстати, следует помнить, что Сталин, как политик, не мог не учитывать все нюансы позиции Англии и США. При нападении СССР на Германию мы вряд ли могли рассчитывать на помощь англичан и американцев.

К сожалению, молодого, неподготовленного читателя сейчас активно стремятся убедить в обратном — в том, что агрессию готовил Советский Союз, что эта война не была Великой Отечественной, что Победой в ней нам не стоит гордиться.

— Мы с вами в основном говорим о политических и экономических причинах катастрофы 1941 года. А есть ведь, скажем так, и «военная составляющая». Вот, кстати, вопрос нашего читателя Александра Юрьевича Смирнова из Санкт-Петербурга: «Сейчас принято винить в поражениях Красной армии 1941–1942 годов только Сталина. А кто из руководящего состава РККА несет прямую ответственность за недооценку столь серьезного противника, как вермахт? Справедливо ли обвинять в непосредственной неподготовленности к отражению агрессии командование приграничных округов?»

ЛОБОВ: Без небольшого экскурса в историю тут не обойтись. Борьба Запада против России имеет глубокие корни — можно вспомнить хотя бы события Отечественной войны 1812 года. Обе войны начались по

довольно схожему сценарию и почти в один день — 22 и 24 июня. Начались неспровоцированным вторжением превосходящих сил агрессора, в состав которых входили войска различных европейских стран. Причем в обоих случаях руководство государства-агрессора декларировало перед тем намерение нанести удар по Англии. И в 1812 году, и в 1941-м наши войска были сконцентрированы у западных границ. Но здесь-то сходство и заканчивается.

Русским военачальникам 1812 года — прежде всего Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли, удалось увести войска из западных губерний почти до стен Москвы. Наполеон не смог, как он делал обычно, навязать нам генеральное сражение у границы, не смог окружить русскую армию. Почему? Да потому что русские полководцы того времени знали противника, его повадки, его способы действий — и соответственно могли предвидеть развитие событий.

И вот на той же фактически территории в первые дни Великой Отечественной войны у нас были окружены — и часть из них взяты в плен — около четырех миллионов человек, организованных людей, объединенных в полки, дивизии, армии. Реально наступали против них полтора-два миллиона, остальные составляли второй эшелон... Почему же наши войска не смогли оказать эффективное сопротивление «изнутри», в окружении? В чем вообще причина происшедшего в 1941-м? Нам есть над чем думать еще долгие годы...

КАРПОВ: В первую очередь, по-моему, причина в том, что все европейские армии, включая и нашу Красную армию, жили устаревшими представлениями о войне. Никто не придавал значения тому, что германский генштаб совершил по существу революцию в военном деле и война уже имеет характер, совершенно отличный от позиционной войны 1914–1918 годов.

ЛОБОВ: Кто-то из немецких теоретиков сказал: *«Потеря начальника генерального штаба равняется проигрышу войны»*. Военачальники же у нас тогда менялись часто, в том числе — начальники Генштаба. Восемь лет был маршал Борис Михайлович Шапошников, его заменил генерал Кирилл Афанасьевич Мерецков, буквально через год, перед самой войной, генерал Георгий Константинович Жуков — на полгода. А можно ли за полгода сразу охватить все, что есть у себя, у противника, — сопоставить, организовать противодействие?

Думается, Жуков сделал все, что можно было предпринять за эти полгода. И Мерецкова обвинять нельзя — он тоже сделал все, что мог сделать за год. Сложнее оценивать итоги работы маршала Шапошникова — мне кажется, что его мышление, я бы так сказал, было под влиянием времени, в котором он воспитывался как офицер. А тут ведь за восемь лет в стране произошли огромные, кардинальные перемены — коллективизация, индустриализация, строительство основ новых Вооруженных сил. Человеку его возраста было достаточно тяжело ориентироваться в динамичной, быстро изменяющейся обстановке.

ОРЛОВ: Безусловно, и нарком обороны Тимошенко, и начальник Генштаба Жуков были назначены на должности недавно, и многого сделать не смогли, не успели. Но в то же время нашему высшему командованию — и оно это потом признавало — не удалось избежать крупных ошибок. Прежде всего, в оценке противника. В декабре 1940 года проходило совещание высшего командного состава. Оценивая действия немецкой армии, Тимошенко заявил: *«С точки зрения стратегии, ничего нового нам этот опыт не дает»*. А там было все новое! Никаких приграничных сражений, никакого времени на развертывание — с первых часов вводились в действие массы танков и авиации с задачей не захватить территорию, а уничтожить армию, нарушить управление страной.

Жуков потом признавал: *«Нашим крупнейшим просчетом было то, что мы не изучали начальный период войны»*. Он имел в виду события 1939–1941 годов в Европе.

Хотя, что бы сейчас ни говорилось, мы все-таки были готовы к войне, и армия наша была боеспособна. Мы могли бы с самого начала хорошо воевать с японцами, поляками, французами наконец, если бы на то пошло — но не были готовы противостоять гитлеровскому вермахту.

— Гитлер стал рейхсканцлером 30 января 1933 года, Вторая мировая война началась спустя шесть с половиной лет. Возникает естественный вопрос: каким образом в столь короткие сроки бывший рейхсвер смог превратиться в первоклассную армию?

КАРПОВ: Дело в том, что Германия начала готовиться ко Второй мировой войне где-то в конце 1916 — начале 1917 года, когда стало ясно, что Первую мировую войну она проиграла. Это вообще характерно для немцев: к Первой мировой войне они готовились уже после разгрома Франции в 1870 году. Подготовили кадры, технику, убедились в том, что имеют военное превосходство над Тройственным союзом, — тогда Германия поспешила поддержать Австро-Венгрию, и началась Первая мировая война. Когда же они поняли, что эта война проиграна, они стали готовить новую войну.

В чем это заключалось? Сохранение офицерских кадров, ведение глубинной разведки, стратегической разведки, революция в военном деле — немцы ведь совершили подлинный переворот в стратегии. Раньше, говоря о блицкриге, называли его суть бредовой. Ничего подобного! Германия, не имея ресурсов, никакой иной войны, кроме молниеносной, вести не могла. Первая мировая была позиционной — и Германию медленно раздавили.

— Ошибки, как понимаю, были учтены германским военным руководством?

КАРПОВ: Да, немцы избрали совершенно другую стратегию: бронированный кулак — танки, штурмовая авиация — пробивают брешь в обороне противника, куда устремляется лавина машин. Именно так, не втягиваясь в бои, чтобы ломать какую-то оборону. Брестскую крепость, к примеру, без раздумий они оставили в тылу и дошли до Смоленска, где столкнулись с серьезным сопротивлением. Тут же танки генерала Гудериана повернули на юг... Такую стратегию не осваивала, такой стратегией не владела ни одна армия мира.

ОРЛОВ: Мы же планировали активной обороной прочно прикрыть развертываемое сосредоточение войск, а затем перейти в решительное наступление... Так вот, о том, как перейти в решительное наступление — думали, это мы отработывали. А вот то, как пятнадцать дней удерживать противника, к сожалению, продумано не было... Поэтому и были смяты. Если бы войска, как говорилось, были приведены в полную боевую готовность, то столь серьезных потерь, вероятно, не было бы, хотя все равно нам бы пришлось отступать. Не только потому, что были слабее. Мы были не готовы противостоять немецкой стратегии, не находили противоядия «блицкригу».

Лишь в 1943 году появились у нас воздушные и танковые армии соответствующего состава, началось массирование артиллерии, установлен штат стрелковой дивизии. На Курской дуге мы создали восемь рубежей обороны — глубиной на 300 километров, выдержали необыкновенной силы массированный удар танков и авиации противника, отразили его, а потом перешли в наступление и уже, можно сказать, не останавливались, пока не поставили победную точку в Берлине.

Вот это по идее и задумывалось в 1941 году — остановить наступающего противника, измотать его силы

активной обороной, а затем перейти в наступление. Но, к сожалению, тогда это не было исполнено. И, кажется, не могло быть исполнено в полном объеме.

— По-моему, мы как-то упустили из виду уже заданный вопрос об ответственности командующих приграничными округами — тех, чьи войска приняли на себя первый удар...

МЯГКОВ: Разговор об ответственности командующих приграничными округами, как и ответственности высшего командования РККА, простым быть не может... Мы знаем, что против Западного особого военного округа, где был командующим генерал армии Дмитрий Григорьевич Павлов, действовали сразу две танковых группы — немцы направили сюда наибольшие свои силы. На Украине удар был не такой мощности. Северо-Западный фронт тоже сумел отойти. Можно ли одних командующих противопоставлять другим?

Развединформация ведь поступала не только в Кремль, но и в штаб Западного ОВО. 4 июня 1941 года начальник разведки штаба округа сообщил Павлову, что немцы интенсифицировали военные приготовления. Стягиваются дополнительные войска, вагоны красятся белой краской, чтобы ночью солдаты могли занимать их, не натываясь друг на друга; на аэродромы приземляется авиация... Поступают подметные письма, что нападение будет 20, 21, 22 или 23 июня.

— И что же, по вашему мнению, мог сделать командующий, настроенный, как теперь известно, на недопущение провокаций?

МЯГКОВ: Вопрос сложный. Да, его ограничивали в самостоятельности, запрещали занимать оборонительные позиции непосредственно вблизи границы... Но ведь мосты через Буг были захвачены немцами практически

сразу, никто их не минировал, а первое, что начали делать гитлеровцы, перейдя границу, — уничтожать линии связи. Из-за того, что коммуникации не были должным образом охраняемы, противник получил возможность затруднить управление нашими войсками.

Известно, что и моральное состояние наших войск оказалось не на высшем уровне. Не было той дисциплины, которая позволила бы смягчить последствия трагедии первых часов войны... На генерале Павлове, конечно, лежит большая доля ответственности за тот шок, который испытали войска округа в первый же день войны. И вряд ли способствовал успеху его приказ о том, чтобы раненых оставляли на поле боя, чтобы красноармейцы в первую очередь занимались эвакуацией семей начсостава...

Кстати, в 1956 году генерал-полковник Василий Иванович Кузнецов, бывший командующий 3-й армией Западного фронта, писал начальнику военно-научного управления Генштаба генералу армии Владимиру Васильевичу Курасову, что перед самой войной, за несколько дней до ее начала, Павлов приказал вывести всю артиллерию в тыл, на стрельбы. Приказ был выполнен командующим 4-й армией и частично — 10-й армией. Сам Кузнецов проводил полевые занятия перед границей, потому выполнить приказ не смог. И вот — 22 июня, 10 часов утра. Первый и последний разговор Павлова с Кузнецовым. «Где твоя артиллерия?» — первое, что спросил Павлов. «На позициях, стреляет!» — «Да? Хоть один нашелся человек, который понимает, что нужно делать! Могу я обо всем этом докладывать в Москву?» — «Да, можете». На этом связь оборвалась.

Как объяснить этот факт? Пожалуй, каждый сделает это по-своему...

КАРПОВ: Конечно, очень бы хотелось разобраться во всех ошибках и просчетах, понять степень вины каждого — и командующих войсками округов, и руководства Наркомата обороны и Генштаба, и самого Сталина.

Когда, скажем, в начале июля 1941 года гитлеровцы дошли до Киева и генерал-полковник Михаил Петрович Кирпонос, командующий Юго-Западным фронтом, предложил сдать город, отвести войска на левый берег Днепра, Сталин это делать запретил. И, как считается, только потому, что пообещал американскому представителю: к концу года фронт будет проходить западнее Ленинграда, Москвы и Киева. А в результате — 600 тысяч человек попали в плен. Конечно, это катастрофа. Кто виноват?

МАЛАШЕНКО: И все-таки уже в 1941-м нам удалось развеять миф о непобедимости немецкой армии. Ни одно государство после такого удара, какой немцы нанесли по СССР — массированного, сосредоточенного на избранных направлениях, — не смогло бы дальше оказывать сопротивление. А мы смогли...

Дело в том, что мы имели значительные силы на востоке и в Сибири, и эти силы удалось перебросить на Запад. Немцам также не удалось сорвать мобилизацию — у них не было дальней авиации, поэтому они не могли нанести сильных ударов по нашему тылу.

— И все-таки не совсем понятно, почему закаленный в боях вермахт, фактически уже сокрушивший в приграничных сражениях Красную армию, довольно быстро потерял свой наступательный дух на полях Великой Отечественной войны? Казалось, до достижения цели — разгромить СССР, поработить славянский мир — было совсем недалеко. Почему же не получилось?

РЖЕШЕВСКИЙ: Мы прекрасно знаем, что основное содержание в войне составляет вооруженная борьба. Но главенство политики и здесь остается неизменным. Это касается внутренней и внешней политики государства, принятия политических решений, способствующих или не способствующих выполнению задач вооруженной борьбы.

В этом смысле военная стратегия напрямую связана с политикой. Найти союзников и разобщить противников, обеспечить на международной арене соотношение сил, необходимое для разгрома агрессоров, — в этом заключалась важнейшая цель внешнеполитической деятельности Советского государства в годы Великой Отечественной войны. Главная наша задача состояла в том, чтобы не допустить войны на два фронта — против Германии и Японии, способствовать созданию и укреплению антигитлеровской коалиции, союза государств и народов в борьбе с агрессорами. Эти важнейшие политические цели были достигнуты. С огромным трудом, с противоречиями, с просчетами, с неоправданными жертвами — но все же.

Действия Советского государства на международной арене во многом способствовали вооруженной борьбе с противником, открывали перспективу для успешного ее завершения объединенными усилиями государств и народов...

КАРПОВ: Хотя уже после Сталинграда, когда инициатива перешла в руки Красной армии, в мире поняли: судьба вермахта в историческом плане predetermined, мы практически сможем разгромить его в одиночку... Как я говорил ранее, Германия затяжную войну выдержать не могла, а на территории Советского Союза немцы впервые столкнулись с по-настоящему организованным сопротивлением. Когда они потерпели поражение под Москвой, стало понятно, что и окончательное поражение Германии — вопрос времени...

РЖЕШЕВСКИЙ: Тем более что внешнеполитический курс третьего рейха не только не обеспечивал необходимые международные условия для реализации целей военной стратегии, но медленно и неуклонно загонял ее в тупик. Действительно, в 1939-м, 1940-м и второй половине 1941 года Германия, а Япония — в первой половине 1942-го — одержали ошеломляющие победы. Но обратите

внимание, какие глубинные процессы развивались и крепили в это же время...

Разгромив в быстротечной кампании Польшу, вермахт неожиданно оказался перед лицом англо-французской коалиции. С разгромом Франции и подготовкой вторжения на Британские острова перед Германией и вермахтом возник призрак еще более мощной англо-американской коалиции...

Ко времени нападения на СССР вермахт был в зените своей зловещей славы. Под пятой захватчиков находились 12 стран Европы. Франция — великая держава, победитель в Первой мировой войне — была разгромлена за 40 дней. Итало-немецкие войска высадились в Северной Африке и развернули наступление на Египет. Вынашивались совместные германо-японские замыслы захвата Азиатского, а затем и Американского континентов. Крупные военные успехи, достигнутые вермахтом летом и осенью 1941 года на советско-германском фронте, а затем и вооруженными силами Японии в борьбе против США и Великобритании на Тихом океане, казалось, открывали перед агрессорами перспективы достижения целей войны. Но к этому времени соотношения сил противоборствующих коалиций, внешнеполитические условия ведения войны Германией, Японией и их союзниками уже не оставляли фашистскому блоку каких-либо шансов на конечную победу в войне.

— То есть немцы не рассчитали свои силы и возможности, поэтому им пришлось ввязаться в затяжную войну — и они выдохлись?

РЖЕШЕВСКИЙ: Нет, дело здесь не только в количестве и качестве вооруженных сил и других факторах, определяющих поражение или победу в войне. Главными были изначальные просчеты в политике стран-агрессоров, восполнить которые военная стратегия была бессильна. Проще говоря, каждая крупная победа в вооруженной

борьбе неизбежным, парадоксальным образом все более усложняла международное положение Германии и ее союзников. Их цели становились все более недостижимыми. Впрочем, я думаю, что нам, историкам, еще предстоит рассмотреть и изучить этот парадокс более детально.

ЛОБОВ: Вопрос действительно важный, в особенности учитывая то, что фактически все войны второй половины двадцатого столетия имели ярко выраженный «политизированный характер»... Что ж, наверное, сейчас, когда нам стало доступно немало новых материалов и фактов о Великой Отечественной и Второй мировой войне, это не только поможет должным образом осмыслить исторические события, но и раскроет глаза на их значение для будущего...

НИКИФОРОВ: Хотя мы сегодня уже говорили, что появилось много публикаций, извращающих исторические события, объективно наносящих вред, мне, как школьному учителю, все же хочется отметить и определенный прогресс в освещении кануна и начального периода войны. Еще пять-семь лет назад я говорил ученикам: вот, мол, внезапность, репрессии 1937 года... Выходило, что если бы не было внезапности и репрессий, то мы спокойно бы выиграли войну уже в 1941-м. Была в ходу весьма примитивная схема того сложнейшего периода.

Заседание второе:

«Еще полгодика, еще, может быть,
годик...»

В проведенном 23 марта 2002 года заседании «круглого стола» по итогам 1941 года и планам воюющих сторон на 1942-й, участвовали М. А. Гареев, Г. А. Куманев, М. Ю. Мягков, Ю. А. Никифоров, А. С. Орлов, С. Е. Попов, О. А. Ржешевский, В. А. Семидетко, В. В. Соколов и П. В. Стегний.

ГАРЕЕВ: По-моему, сейчас в военно-исторической науке сложилось крайне неблагоприятное положение дел, и по существу история войны начинает опустошаться. Попробуйте, например, сказать, что у Сталина были ошибки — хотя он сам это признавал, — на вас немедленно обрушатся газеты ортодоксального толка: как, самого Сталина критиковать! Когда же я раскритиковал концепцию писателя Астафьева, на меня обрушились с «правого фланга»: как, самого Астафьева критиковал! Но ведь из истории нельзя никаких выводов извлечь, если не анализировать ее критически.

Притом, если одни хотя бы прикрываются патриотическими соображениями, вторые просто кричат, что вообще победы не было, а врага мы завалили трупами... Но ведь наука всегда отталкивалась от крайностей и приходила к золотой середине. К сожалению, сейчас между двумя этими крыльями нет золотой середины, здравого смысла. Наша задача — показать читателю, что такие подходы не годятся, не имеют ничего общего с наукой.

— Согласен. Цель, которую преследует редакция, проводя этот уже не первый «круглый стол» по проблематике Великой Отечественной войны, — как можно ближе подойти к истине. Вопросов много, и сегодня хотелось бы понять, почему немцы оказались под Москвой осенью 41-го, можно ли было не допустить их до Сталинграда летом 42-го?

ГАРЕЕВ: Крупнейшая ошибка не только отдельных журналистов и публицистов, но и некоторых историков, когда они битву под Москвой или события 1942 года начинают рассматривать в отрыве от того, что было в начале войны...

СОКОЛОВ: ...и даже от того, что было еще до ее начала. Например, перед войной советское руководство уделяло большое внимание нашим Дальневосточным рубежам, где с 1931 года, когда Маньчжурия, северо-восточные провинции Китая, были захвачены Японией, где непрерывно происходили вооруженные столкновения. Кстати, на погранзаставе в Гродеково отбивал нападения японцев будущий посол в Китае Панюшкин...

— Думаю, имя Александра Семеновича Панюшкина прозвучит сегодня не раз, а потому уточню, что он служил в Погранвойсках, затем — во внешней разведке. Был послом в Китае и в США, причем — это уже не секрет — совмещая (что случалось крайне редко) эту работу с работой резидента. В 1953–1955 годах генерал-майор Панюшкин руководил внешней разведкой.

СОКОЛОВ: Так вот, буквально за два месяца до начала войны советской дипломатии удалось заключить с Японией договор о нейтралитете. Причем министр иностранных дел Мацуока, который приехал в Москву из Берлина, где вел переговоры с гитлеровским руководством, узнал о планах по нападению на СССР и все-таки пошел на заключение договора о нейтралитете. Более того, 12 апреля

он сказал Сталину, что возможен конфликт Германии с Советским Союзом, которые в ту пору находились вроде бы в дружбе. В этом случае, сказал министр, вы не должны опасаться каких-либо действий со стороны Японии... Между прочим, впервые за всю свою практику Сталин лично провожал министра на Северном вокзале!

— То есть устоявшаяся точка зрения — Рихард Зорге сообщил, что Япония не нападет, и Сталин сразу перебросил под Москву войска с Дальнего Востока — представляется несколько упрощенной...

СТЕГНИЙ: Да, серьезные предупреждения о готовящейся фашистской агрессии поступали не только по линии военной и политической разведки, но и по линии посольств. Опубликованная нами недавно апрельская телеграмма посла в Берлине Деканозова из 20 пунктов — относительно неизбежности нападения Гитлера на СССР — вносит коррективы в устоявшиеся оценки степени активности действия советской дипломатии. Такие предупреждения шли потоком — даже в индивидуальном порядке. Так, первый секретарь посольства в Турции Татьяна Жданова после проведения глубоких и заслуживающих внимания контактов напрямую информировала руководство о 15 июня как дне нападения фашистов.

ГАРЕЕВ: И все же вследствие недооценки этой информации, известных политических ошибок война в самом начале сложилась для нас крайне неблагоприятно.

Мы потеряли основную часть авиации, наиболее опытных летчиков. По существу — основную часть регулярной армии. Миллион с лишним только в плен попали. Мы потеряли наиболее опытных командиров. Да, перед войной мы имели больше авиации, артиллерии, чем немцы — не столько, сколько говорят, но действительно имели. Уже в первые дни войны этого превосходства не стало. Под

Москвой мы воевали против превосходящих сил противника — и количественно, и качественно.

ПОПОВ: Могу сказать, в каком состоянии мы начали войну. В моем артиллерийском полку было до 800 лошадей. Мне ставят задачу: выйти на рубеж, удаленный на 25 километров, встретить и отбить атаку танков. Спрашиваю, как я смогу упредить немецкие танки, идущие со скоростью 30–40 километров в час? Мне говорят: вы понимаете задачу? Чувствую, чем дело может для меня закончиться. Командую: по коням, за мной! Но пока я шлепал эти 25 километров, то оказался в тылу противника...

ГАРЕЕВ: В 1941-м мы попали в тяжелое положение, в частности потому, что не понимали, что такое стратегическая оборона. На чем все эти резуны-«суворовы» спекулируют? Мол, мы не собирались обороняться! Собирались, но не представляли себе правильно, что такое современная оборона против превосходящих сил противника. Нельзя было рассчитывать силами армий прикрытия накоротке отразить такое наступление — нужно было подготовить длительные оборонительные операции с большим количеством оборонительных сражений, контрударов... Подготовлены они не были.

— И все же мог ли быть при тех условиях иной вариант развития событий летом 1941 года?

ГАРЕЕВ: Сейчас немало пишут, что мы неправильно определили направление главного удара немцев... Мы на западном направлении сосредоточили свои не главные силы, а немцы — главные. На юго-западном направлении, наоборот, мы сосредоточили основную, а немцы — меньшую часть сил. Но мы и на юго-западном направлении те же неудачи потерпели! Все дело в том, что в момент нападения наша армия оказалась на положении мирного времени, не была приведена в боевую готовность. Если бы войска заняли оборонительные рубежи и провели хоть ча-

стичное оперативное развертывание — или после неудачных пограничных сражений приняли решение закрепиться на Днестре, куда бы последовательно отходили войска первого эшелона, подходили все резервы, создавалась бы группировка — то война уже в 1941-м пошла бы совсем по-другому. Может, и до Москвы не отступали бы...

ПОПОВ: Не надо забывать и о состоянии наших военных кадров.

Гитлер, после того как пришел к власти, не выгнал из армии ни одного человека, воевавшего в 1914–1916 годах. Признаем, что он прекрасно понимал, что военные — особая каста людей. Это и особая подготовка, и особая любовь к родине.

Я хорошо знаю, как прошли по нашей армии репрессии, каких талантливых военачальников и командиров мы лишились! А в результате из всех командующих округов смогли быть командующими войсками фронтов только Кирилл Афанасьевич Мерецков, Георгий Константинович Жуков и Иван Владимирович Тюленев... Остальных несколько раз подбирали и выбирали. В общем-то ни один командующий войсками округа сразу не справился даже с задачей командира полка... Но были такие, кто, как Константин Константинович Рокоссовский, встал и справился со своими задачами; как Николай Федорович Ватутин, который сказал: «Дайте, я буду управлять корпусом!»; уже в первый период 1941 года проявили себя Иван Данилович Черняховский, Иван Васильевич Болдин, Василий Иванович Кузнецов... Напряженная боевая обстановка заставила мыслить и действовать по-другому, она выдвинула новых людей.

СТЕГНИЙ: Те же самые проблемы, кстати, были и в Наркомате иностранных дел. После 1939 года, смены «литвиновского» курса на «молотовский», НКВД был буквально выкошен чистками, оказался в чрезвычайно ослабленном состоянии. Достаточно сказать, что из восьми

заведующих отделами налицо были только двое. Был просто всеобщий вопль всех послов, всех полпредов в странах Запада о катастрофической нехватке квалифицированных кадров даже с минимальными знаниями иностранных языков! Доходило до того, что первые беседы Молотова в НКВДе переводил первый заместитель наркома Потемкин, поскольку других специалистов со знанием языков не было. Вспоминаю об этом потому, что в те дни особенно остро ощущалась прямая связь военной стороны и политико-дипломатической... Героические сражения нашей армии и работа на дипломатическом фронте — они практически неразделимы, это две части одной работы, имевшей единую цель.

— Это в традиции нашего народа — вдруг мобилизовать все свои силы перед лицом смертельной опасности... Но давайте подробнее рассмотрим этот вопрос: как нам удалось не только остановить, но и разгромить гитлеровцев у стен Москвы?

ПОПОВ: Наша 21-я армия до 13 июля занимала оборону на Днестре в районе Жлобина — Рогачева, а затем перешла в контрнаступление, отогнала противника под Бобруйск, где мы на целый месяц задержали его наступление на Гомель и Брянск и дальше — на Москву. Перед нашим 63-м корпусом, которым командовал Петровский, стояли немецкие 24-й и 26-й танковые корпуса. А мы их держали! Отсюда, по-моему, и началась большая битва за столицу нашей Родины.

КУМАНЕВ: Хотя историки считают началом Московской битвы 30 сентября, но она началась гораздо раньше — с воздушных сражений за Москву, с 22 июля 1941 года. Браг рассчитывал, прежде чем начать генеральное наступление на Москву, всю ее сокрушить и разбомбить. Несмотря на потери, которые понесли наши ВВС и силы ПВО, мы одержали здесь несомненный успех...

РЖЕШЕВСКИЙ: Действительно, ни один массированный налет не принес ожидаемых результатов. К столице прорывались отдельные самолеты, редко — небольшими группами... Мне самому довелось быть свидетелем первого налета на Москву. В то время, окончив 9-й класс, я учился в Центральном аэроклубе СССР им. Чкалова, мы уже начали летать на У-2. Тушинский аэродром прикрывали зенитная артиллерия, пулеметы на крышах близлежащих домов. Нас придали их расчетам. Налет начался поздно вечером, и картина была потрясающей. В перекрестьях прожекторов под огнем зениток к городу прорывались немецкие самолеты и сбрасывали свой груз. К концу ночи все было объято взрывами и пламенем — нам казалось, полгорода разрушено.

Утром мы пошли на станцию, доехали до города. Прошли от Белорусского вокзала до площади Маяковского — все вроде бы цело, только улица покрыта осколками битого оконного стекла.

В тот вечер к Москве направлялось около двухсот немецких самолетов — 22 из них были сбиты. Все же разрушения и потери были немалые. Только с 22 июля по 22 августа погибли более семисот москвичей. Но разрушить столицу даже в той степени, в которой был разрушен Лондон — не говоря уже о Ковентри или Роттердаме, немцам не удалось...

КУМАНЕВ: Да, противовоздушная оборона Москвы была в целом подготовлена неплохо. Ни одна другая европейская столица такой системы ПВО не имела.

— К воздушному нападению на Москву мы были готовы. А к самой операции «Тайфун»?

КУМАНЕВ: Начало наступления группы армий «Центр» так или иначе явилось и для Ставки ВГК, и для командования трех фронтов внезапным и неожиданным. Да, предполагали, что это произойдет. Об этом свидетель-

ствуют хотя бы предупреждения, которые были направлены Ставкой командованию Брянского, Резервного и Западного фронтов 10 и 27 сентября. Но они были недостаточно конкретными: «Надо подготовиться к активной обороне», «враг может перейти в наступление», но когда это произойдет, Ставка не знала. Здесь и наша военная разведка, я считаю, сработала недостаточно четко. Впрочем, на этот счет есть признания маршала Александра Михайловича Василевского, начальника штаба Брянского фронта генерала Леонида Михайловича Сандалова...

ГАРЕЕВ: Мы часто остерегаемся критиковать Генштаб — это святая святых. Генштаб дал ориентировку и Брянскому фронту, и Западному, где ждать удара противника. Потом Андрей Иванович Еременко и Иван Степанович Конев получают данные разведки, которые говорят, что удар будет в другом месте. Но все равно, чтобы обезопасить себя, они исходят из того, что сверху сказано. А немцы прорвались в слабом месте, зашли в тыл резервам — и резервы нельзя было использовать.

КУМАНЕВ: Результат внезапного начала операции «Тайфун» — пять окруженных армий! Казалось, это полная катастрофа. Ведь позади этих армий не было никаких сил, способных задержать дальнейшее продвижение противника. Враг предвкушал скорое взятие Москвы и полную победу. Но этого не случилось. Какое чудо произошло?

Одно из чудес совершили воины окруженной группировки, которые не прекратили, как надеялся противник, сопротивление, а встали насмерть и в отдельные дни приковывали к себе до 28 вражеских дивизий. Но поскольку они попали в окружение, то о них практически забыли. Слово «окруженец» у нас было не в почете...

ГАРЕЕВ: Откуда, кстати, пошла боязнь окружения? Когда в конце XIX — начале XX века проводились маневры, то само столкновение не отрабатываюсь. Если

одна сторона зашла во фланг другой, создала опасность окружения, то надо было отходить. И это такая зараза получилась! Иногда говорят: мало ли что делается в мирное время на учениях, а в военное время будет все по-иному. Нет, все будет так, как в мирное время завели... Поэтому всю русско-японскую войну, как только во фланг нам заходили, — начинали отходить. Потом это перешло на 1941-й.

А затем Ульрих, Вышинский и Мехлис придумали издать директиву, что те, кто был в окружении, люди вроде бы неполноценные. Полагали, что при таком подходе войска не будут попадать в окружение. К чему это привело? Полк храбро сражается, соседи справа и слева бежали, стойкий полк оказывается в окружении. Значит, полк плохой. А те, кто в окружении не был — хорошие. В 1942-м стали бояться окружения больше, чем противника! Потому и эти отступления пошли — после Харьковского сражения и вплоть до приказа № 227.

КУМАНЕВ: Окруженные армии дрались, и именно они были спасители Москвы! *«Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, — писал в своей книге Георгий Константинович Жуков, — мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались ненепрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в дело защиты Москвы, еще ждет достойной оценки»*. Так ведь до сих пор и ждет!

ГАРЕЕВ: Сентябрьскую оборонительную операцию Конев и другие провели очень неудачно. По существу, из 500-тысячной группировки Западного фронта остались 90 тысяч — когда Жуков приехал из-под Ленинграда, все было оголено. Полководческое искусство Жукова — это один из факторов, который обеспечил нашу победу под

Москвой. Отличие Жукова от многих других в том, что он умел не только мыслить самостоятельно, но и отстаивать свою позицию...

— В чем же конкретно проявилось тогда это искусство?

ГАРЕЕВ: Скажем так, чем брал Жуков, когда все развалилось — в октябре-ноябре, пока еще резервы не подошли...

Он ведь во главу угла своей деятельности поставил разведку. Каждого разведчика, который возвращался из тыла противника, сам расспрашивал — прежде всего, хотел узнать, где немцы планируют нанесение главного удара. И это небывалое дело в истории военного искусства — на направлениях, где противник наносит главный удар, он собирал не основные силы, как и положено, а буквально все, что у него есть. Просто оголял другие направления! Если бы он ошибся, это привело бы к катастрофическим последствиям. Но Жуков не ошибался, ему действительно удавалось раскрыть замысел противника.

Кстати, у Жукова под Москвой были собраны исключительно талантливые и очень способные люди — Константин Константинович Рокоссовский, Афанасий Павлантьевич Белобородое, Иван Васильевич Панфилов, Михаил Ефимович Катуков... Ну и, конечно, добавим героизм солдат и офицеров...

— Ход и итоги Московской битвы — предмет для отдельного большого разговора. Поэтому, не отдаляясь от темы нашего «круглого стала», ограничимся ее оценкой в контексте 1941 года.

ГАРЕЕВ: Но я все-таки хотел бы обратить внимание на одну частность. В канун празднования 60-летия победы под Москвой один известный «экономист» решил дать ей в прессе свои оценки, не слишком разбираясь в военной истории. Он написал, например, что мы напрасно истяза-

ли население рытьем окопов — нет никаких данных, что эти окопы и рвы какую-то роль сыграли. Зато далее он похвалил грамотно сооруженные немцами укрепления на подступах к Берлину и Кенигсбергу, «которые наши войска взяли с очень большим трудом». Смешно получилось! Мы Москву отстояли — значит, все-таки окопы рыли не зря. Зато «грамотные» немецкие укрепления мы преодолевали за одну-две недели и взяли Кенигсберг и Берлин. Как тут свести концы с концами? Должен же быть какой-то здравый смысл?

ОРЛОВ: В первые дни, когда началась война, народ в большей своей части еще благодумствовал, не понимал, что это не какой-то кратковременный конфликт типа Хасана или даже финской кампании, а началось именно вражеское, фашистское нашествие. Когда же враг подошел к Москве, все уже было предельно ясно. Ну а в России всегда крайне отрицательно относились к завоевателям... И тогда наступило, как сказал Пушкин, «остервенение народа»: либо умрем, либо выгоним иноземцев.

Под Москвой произошел перелом в сознании всего мира — в том числе и у немцев, потому что рухнул блицкриг, а германские военные понимали, что без блицкрига им победить нельзя. К тому же вступила в войну Америка. Если в июле 1941-го Гитлер уже считал, что Россия завоевана, и отдал приказ переключить военное производство с техники для сухопутных войск на авиацию и флот, то после Московской битвы этот приказ был отменен.

КУМАНЕВ: Финал Московской битвы многие датируют 5-6 декабря. Войска перешли в контрнаступление — победа достигнута. Что было дальше — уже не интересует. Вот и в нынешнем году — вся пропаганда 60-летия Московской битвы уже в начале декабря была на сто процентов свернута — нет статей, молчат телевидение и радио. Между тем этот финал растянулся аж до 20 апреля, он был достаточно кровавым и тяжелым...

СЕМИДЕТКО: Да, освещение темы Московской битвы в прессе прекратилось, как по команде. Кроме «Красной звезды» и частично патриотических изданий, эта дата уже забыта. Большая просьба — продолжать эту рубрику! Наша сегодняшняя встреча — подтверждение тому, что историкам есть еще что рассказать...

ОРЛОВ: Я хотел бы привести несколько цитат. Вот что после войны писал начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер: *«Был разбит миф о непобедимости немецкой армии. С наступлением лета немецкая армия добьется в России новых побед, но это уже не восстановит миф о ее непобедимости»*. А это — из письма Черчилля Сталину: *«Я никогда еще не чувствовал себя столь уверенно в исходе войны»*. Генерал Макартур, командующий американскими войсками на Дальнем Востоке: *«Размах и блеск сокрушительного наступления Красной армии, заставившего немцев отступить от Москвы, явившись знаменательным достижением всей истории»*.

СОКОЛОВ: Между тем 28 ноября, в самый канун начала контрнаступления под Москвой, министр иностранных дел Мацуока даст указание японскому послу в Берлине лично сообщить Гитлеру, что Япония имеет сложные отношения с Соединенными Штатами и ее намерения — двигаться на юг. Никакого наступления на север она не планирует. Для советского руководства это была информация первостепенной важности.

СТЕГНИЙ: Да, наше контрнаступление под Москвой совпало с событиями на Тихом океане — это был свой круг проблем, виртуозно решенных путем взаимодействия государственных органов и руководства Советского Союза, дипломатов и военных. Так, 9 или 10 декабря американцы высказали на одной из пресс-конференций идею о том, что необходимо приостановить военные поставки Советскому Союзу. Но после целого ряда очень решительных согласо-

ванных шагов нашего политического руководства и ведущих дипломатов эту вот заминку удалось преодолеть.

— 8 декабря США и Великобритания объявили войну Японии, 11-го — Америка вступила в войну с Германией. Наверное, вполне закономерно прозвучали бы предложения, чтобы СССР также объявил войну Стране Восходящего Солнца?

СОКОЛОВ: Конечно! Американцы рассчитывали, что и Советский Союз теперь сразу же вступит в войну с Японией. Они исходили из того, что наши взаимоотношения с этой страной всегда были сложными... Как ни странно, наш новый посол в США Максим Максимович Литвинов тоже предложил советскому руководству вступить в войну с Японией, не дожидаясь, пока она нападет сама...

Чан Кайши прямо предложил нашему послу Панюшкину: «Мы объявляем войну Германии и Италии, а вы — Японии». Но было ясно, что Китай с Германией, а тем более с Италией воевать не будет, зато для нас однозначно открывается второй фронт.

На личное обращение Чан Кайши Сталин ответил письмом от 12 декабря. Этот документ мало кому известен:

«Антияпонский фронт на Тихом океане, равно как и антияпонский фронт в Китае, являются участком общего фронта государств, воюющих против агрессоров. Но антигерманский фронт имеет решающее значение. Основную тяжесть войны против Германии несет СССР. Победа СССР на антигерманском фронте будет означать победу Англии, США и Китая против государств оси. Я прошу вас поэтому не настаивать на том, чтобы СССР немедленно объявил войну Японии. Конечно, Советскому Союзу придется воевать с Японией, т. к. Япония, безусловно, нарушит пакт о нейтралитете, и к этому надо быть готовым, но не сейчас».

Чан Кайши был вынужден согласиться. Однако китайская печать использовала не совсем удачное высказывание генерала Чуйкова, нашего военного атташе и руководителя группы военных советников, который, зная о послании Сталина, неосторожно заявил, что когда СССР разгромит Германию, то примется за Японию... Начался шум, Василию Ивановичу пришлось из Китая уехать. Сталин ему заявил: «Дипломата из вас не получилось — возглавьте 1-ю резервную армию».

— Из сказанного становится ясно, что Советский Союз, буквально у самого сердца которого все еще находился враг, уже тогда превратился в основную действующую и наиболее авторитетную силу антигитлеровской коалиции.

ОРЛОВ: Да, народы Европы и всего мира поняли, что есть такая сила, которая успешно противостоит доселе непобедимой немецкой армии, и это способствовало развертыванию партизанского движения. После победы под Москвой у нас начали формироваться партизанские отряды из групп окруженцев, которые просто отсиживались в лесах. Например, на Смоленщине бойцы, попавшие в окружение в августе 1941 — январе 1942 года, создали партизанский отряд имени Ворошилова. Отряд «Мститель» возник в феврале 1942 года на базе окруженных солдат 204-й дивизии. Немецкий тыл всколыхнулся и зашатался...

Кроме военной победы под Москвой, мы одержали и большую психологическую победу.

КУМАНЕВ: Хотя преувеличивать результаты, достигнутые к концу 1941 года, не стоит, но все же надо учесть, что мы добились контрнаступления после небывалой катастрофы, которая произошла для наших войск в начале гитлеровской операции «Тайфун» под Вязьмой и Брянском.

РЖЕШЕВСКИЙ: Коснусь, однако, вопроса, который не прозвучал еще в достаточной степени четко, — о по-

терях. Если мы, например, возьмем немецкие данные и наши данные о потерях в воздушной битве за Москву, то получается совершенно различная картина. Это отнюдь не означает, что немецкие данные считаются достоверными — тем не менее, как военно-историческое управление бундесвера объявило свои определенные данные, так они на этих цифрах и стоят. А мы не в состоянии даже получить доступа ко всем их материалам. Допустим, наш 6-й истребительный авиационный корпус представляет данные о 89 немецких самолетах, сбитых в июле — августе 1941-го. Немецкие данные подтверждают только 32. Где же правда?

Это очень большая проблема, которую стопроцентно решить невозможно, и поэтому не нужно ставить перед собой такую задачу. Абсолютной истины в истории никогда не бывает — в этом ее прелесть как науки. Конечное в бесконечном! Пожалуй, наиболее реальный путь, который оправдывает себя на конкретных примерах, — разработка совместных работ с немецкими историками. Только так можно создать более-менее объективную картину...

— Военные итоги 1941 года примерно понятны. А что принес этот год на дипломатическом, внешнеполитическом фронте?

СТЕГНИЙ: В первую очередь, стратегическое значение имело то, что были заложены основы антигитлеровской коалиции. Здесь значительную роль сыграли наши послы в США — Максим Максимович Литвинов, в Лондоне — Иван Михайлович Майский. Очень близкие личные контакты Майского с Черчиллем способствовали тому, что британский премьер одним из первых послал сигналы абсолютной солидарности с СССР и во многом, как мне кажется, повлиял и на позицию США. Нельзя забывать и про огромный успех сентябрьской Московской конференции, на которой были согласованы вопросы

военных поставок, — это имело очень серьезное значение накануне начала битвы под Москвой.

Хотя осенью — зимой 1941 года формирование взаимодействия в треугольнике Вашингтон — Лондон — Москва проходило со значительными и тревожными попятными явлениями... В 8-м номере журнала «Международная жизнь» нами опубликована подборка материалов о контактах Черчилля и Сталина. Она показывает, насколько глубок был кризис в их личных отношениях, когда Сталин добивался объявления Великобританией войны Финляндии, Венгрии и Румынии, а также обсуждался вопрос о присутствии высокопоставленных английских военных представителей для ознакомления с положением на фронте. Опубликовано рукописное письмо Сталина Майскому — оно раскрывает новые аспекты и реальные трудности работы по формированию коалиции...

РЖЕШЕВСКИЙ: Внешняя политика Советского государства способствовала вооруженной борьбе с противником, ее завершению объединенными силами государств и народов. Между тем, внешнеполитический курс третьего рейха медленно и неуклонно загонял военную стратегию в тупик... Разгромив Польшу, вермахт оказался перед лицом англо-французской коалиции. С разгромом Франции и подготовкой вторжения на Британские острова перед Германией возник призрак мощной англо-американской коалиции... Каждая крупная победа — это совершенно парадоксально! — одержанная Германией и ее союзником, еще более усложняла их международное положение, а их цели становились все более недостижимыми. Крах блицкрига, итоги битвы под Москвой, начало коренного перелома в войне указывали на то, что Германии противостоит мощнейший противник в лице СССР и Красной армии, о силе и потенциальных возможностях которого гитлеровское политическое и военное руководство не имело реального представления.

СТЕГНИЙ: Кстати, в этой связи нужно обратить особое внимание на информационную работу наших дипломатов. Если сейчас мы все понимаем значение информационной войны, то в 1941-м ее первые уроки постигались на практике.

Например, в Стокгольме выпускались на шведском и английском языках сводки Совинформбюро, которые доводились до редакций ведущих газет и формировали ту атмосферу, в которой руководство западных стран принимало политические решения...

Эффективным политическим оружием информационной войны стали даже симфонии Шостаковича — Пятая, Шестая и Седьмая. Руководитель Бостонского симфонического оркестра Кусевицкий, когда исполнил Седьмую симфонию в августе 1942-го, писал Шостаковичу: *«Ваша великая 7-я симфония принесла нам в Новом Свете надежду и вдохновение»*. Музыка, категория межнационального общения, вдруг оказалась очень неожиданным рычагом активизации симпатий к нашей стране. В газетах публиковались телеграммы по поводу исполнения Седьмой симфонии, и это создавало тот благоприятный фон, на котором наши дипломаты добивались решения своих политических задач.

Говоря относительно тех новых форм дипломатической работы и информационной войны, которые родились в 1941-м, нельзя не сказать, что были установлены очень продуктивные контакты с эмигрантским движением — естественно, с ее патриотически настроенной и идейно незашоренной частью. Вот уникальная запись из личного дневника посла в США Майского: *«Был на «Сорочинской ярмарке» в театре «Савой». Поставлена она группой «белых» под управлением «короля черной биржи», некоего выходца из Харькова. Весь сбор с представления предназначен в Красный Крест для нужд СССР. Вместе с нами в ложе была жена Черчилля... Перед на-*

чалом представления исполнили «Боже, храни короля!» и «Интернационал».

— Из всего вышесказанного можно понять, что прогнозы военных событий на 1942 год у советского руководства должны были быть весьма оптимистическими...

ОРЛОВ: В начале января Верховным главнокомандующим была поставлена задача: обеспечить в этом году полный разгром гитлеровских войск. Но были ли для этого силы? Мы же еще характер войны до конца не понимали...

КУМАНЕВ: Заседание Ставки ВГК по вопросам дальнейшего ведения войны состоялось 5 января 1942 года. Воодушевленный первыми успехами, Сталин изложил свое представление о том, как должны развиваться события, что должна делать, предпринимать наша армия. Суть его предложений заключалась в том, чтобы развернуть решительное наступление на трех стратегических направлениях, нанести поражение основным группировкам противника, не давая передышки войскам вермахта. *«Гнать, — говорил Сталин, — эти войска на Запад, без остановки, заставить их израсходовать все резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у противника таких резервов не будет. Больше у немцев нет резервов. И таким образом обеспечить полный разгром гитлеровских войск в 42-м году».*

ОРЛОВ: Но ведь в это время наша промышленность фактически находилась еще на колесах, разворачивалась на востоке, а часть ее вообще погибла. Помощь по лендлизу еле-еле идет...

ГАРЕЕВ: Можно сказать, 1941–1942 годы — переломный период с точки зрения материально-технического обеспечения. Эвакуация. Одно потеряли, другое еще не создали...

ОРЛОВ: У нас на фронте было тогда приблизительно 2200 танков. 5400 самолетов, 30 000 орудий. Вроде

бы, силы есть, если опять считать так, как мы считали в 1941-м: у нас танков — столько-то, у немцев — столько-то. Но с автотранспортом было очень плохо, служба тыла работала с перебоями... Не хватало боеприпасов. В январе к 155-мм минометам было три процента боеприпасов, к 82-мм — 55 процентов. По артиллерии — 44 процента. Как же тут воевать?!

КУМАНЕВ: Я напомним о выступлении тогдашнего заместителя председателя Совнаркома СССР Николая Алексеевича Вознесенского — он курировал производство боеприпасов: *«У нас нет боеприпасов. Нет боеприпасов в необходимом количестве. Если мы будем наступать на всех фронтах, то за счет каких резервов боеприпасов? Их нет».*

ГАРЕЕВ: Соотношение сил в любой операции мы определяем по самолетам, по танкам, по личному составу. Но никто нигде не пишет, сколько было боеприпасов. Однако какой толк иметь пушки, если стрелять нечем?! В ноябре 1941-го были такие моменты, когда Жуков приказывал делать из орудия в день не более одного-двух выстрелов. Не было снарядов!

ОРЛОВ: 14 февраля 1942 года Жуков писал в Ставку: *«Как показал опыт боев, недостаток боеприпасов не дает возможности проводить артиллерийское наступление. В результате системы огня противника не уничтожаются, и наши части, атакуя малоподавленную оборону противника, несут большие потери, не добившись надеждавшегося успеха».*

КУМАНЕВ: Я считаю, что Жуков был стопроцентно прав, когда заявил: *«У нас сейчас нет резервов, нельзя их распылять. Если девять фронтов одновременно будут наступать, за счет каких резервов? Мы это распылим. А надо сосредоточить все основные силы на Западном направлении».* Речь Жукова была не о том, что надо оголить все остальные фронты: нужно было резервы — именно, резервы — сосредоточить на Западном направлении.

ГАРЕЕВ: Да, на всем фронте перейти к стратегической обороне, а на одном-двух направлениях наступать...

КУМАНЕВ: Но Сталин навязал свое мнение — ведь за ним было последнее слово. Жуков вспоминал: *«Сталин требовал от нас наступать, он говорил: если у вас сегодня нет результата — завтра будет. Тем более вы будете сковывать противника, а в это время результат будет на других участках»*. Жуков подчеркивает: *«Конечно, эти рассуждения были младенческие. В итоге жертв было много, расход материальных средств большой, а общестратегического результата — никакого»*. *«А если бы, — сказал он далее, — имевшиеся у нас силы и средства были использованы на Западном направлении, то итог был бы иной»*.

МЯГКОВ: Позвольте поспорить! Общепринята точка зрения, что Жуков настаивал, чтобы все основные войска поставить на Западном направлении, а на других участках фронта перейти к стратегической обороне. Если посмотреть по ведомостям, то маршевое пополнение на Западный фронт действительно было самое большое. Но что было бы, если бы мы свели только на Западный фронт все маршевые батальоны и дополнительные резервные? Не дало ли бы это возможность немцам беспрепятственно перебрасывать свои войска с других участков фронта именно на это направление? Не сыграло ли бы это еще более злую шутку с нашими войсками, не были бы в таком случае наши потери еще большими?

ОРЛОВ: Резервы равномерно распределили по всем фронтам, и они были нерационально растрочены, потому что не было направления главного удара, куда надо было бы их направить. Вместо того, чтобы создать две воздушные армии, раздали авиацию общеармейским соединениям. Хотя так произошло потому, что армии надо было обеспечивать — а нечем. То же самое с танками — от сорока до шестидесяти процентов танков были неисправны,

но ни средств эвакуации, ни ремонтных баз не доставало. Отсюда и потери. Вот только в Ржевско-Вяземской операции зимой было потеряно 950 танков, 550 самолетов, 7 тысяч орудий...

Я смотрел формуляр моей родной 17-й танковой бригады, в дальнейшем — 9-й гвардейской. 15 февраля 1942-го бригада сосредоточилась в заданном районе в составе: танков Т-34 — двенадцать, Т-60 — это вообще танкетка — семнадцать, Т-26 — один. И все это называется «танковая бригада»! А ей задачу ставят — наступать в направлении трех поселков сразу. Как же можно такую задачу выполнить?

КУМАНЕВ: Я думаю, Сталин в это время оперативным искусством не владел — это, кстати, и Жуков, и Василевский подчеркивают. Например, в ночь на 11 января был отдан приказ Ставки войскам Калининского фронта — взять Ржев... 11 января! И ни в коем случае не 12-го, а именно — 11-го!

Мы знаем, что этот «орешек» удалось разгрызть только через год с лишним. Думается, если бы был принят другой план боевых действий на 1942 год, то успех оказался бы гораздо больше.

ГАРЕЕВ: Как трудно в военном деле, в военном искусстве постигаются некоторые вопросы! Жуков предложил: где-то в одном месте нанести удар, но все-таки перейти к стратегической обороне. Так что же, говорит ему в ответ Сталин, мы должны пассивно сидеть и ничего не делать? Он считал, что обороняться — это ничего не делать. Мы только в 1943-м, под Курском, поняли, что такое стратегическая оборона, какую именно оборону надо подготовить... А в 1942-м мы и не оборонялись, и не наступали. Силы и средства оказались распланы на семи-восьми направлениях ударов, войска как следует к обороне не подготовились — вот что, в итоге, привело к харьковской катастрофе и выходу противника на юг.

МЯГКОВ: Вспомним мартовское совещание — план апрельско-майских операций 1942-го. Западный и Калининский фронты — Ржевско-Вяземская операция, завершение того, что предлагал Жуков; Карельский фронт и 7-я отдельная армия — улучшение оперативного положения и оборона; Ленинградский и Волховский фронты — деблокада Ленинграда... Это что, все второстепенные участки? Ленинград находится в кольце блокады — там тысячи жертв ежедневно... Юго-Западный фронт — Харьковская операция, то есть освобождение Донбасса, а это уголь и руда, которые так необходимы Советскому Союзу. Я хотел бы подчеркнуть эти три направления как важнейшие для общего укрепления обороны государства и дальнейшего ведения войны.

С позиции Верховного, с позиции общего видения войны здесь возникают серьезные вопросы...

ГАРЕЕВ: Однако ведь еще со времен Эламинонда было всем понятно, что действовать активно на всех важных участках — невозможно. Без сосредоточения основных сил на главном направлении рассчитывать на успех нельзя. Это особенно важно учитывать в обстановке 1942 года, когда сил и средств не хватало.

ОРЛОВ: Действительно, сил в 1942 году не было! Были благие намерения — а за счет чего?! Жуков сто раз был прав, потому что сил хватало только-только нанести удар по группе армий «Центр», по Вяземско-Ржевскому углу, который потом, как заноза, сидел до 1943-го. Вот в чем он был прав! И надо, конечно, было прислушаться к нему, а Сталин его оборвал: молчите и сидите! И приказал наступать шести фронтам на трех стратегических направлениях...

КУМАНЕВ: При том, что ни на одном из девяти наших фронтов мы не имели превосходства перед противником в живой силе и технике...

СЕМИДЕТКО: Сил и средств действительно не было! Вот некоторые цифры из донесения Военного совета Западного фронта от 18 апреля 1942 года. Войска фронта обеспечены пулеметами-пистолетами и противотанковыми ружьями всего на 26 процентов, ручными пулеметами — на 28, малокалиберной зенитной артиллерией — на 50, 122-мм минометами — на 40 процентов, противотанковыми пушками — на 35, 76-мм пушками дивизионной артиллерии — на 65 процентов. Стрелковые дивизии были укомплектованы личным составом только на 50–70 процентов... А немец, между прочим, стоял в 200 километрах от ворот Москвы.

— Однако приведу цитату из только что вышедшей книги знаменитого советского разведчика Павла Анатольевича Судоплатова «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год», которая вызвала огромный читательский интерес, потому что содержит очень много нового, подчас совершенно неожиданного материала. Вот информация, имеющая непосредственное отношение к нашему разговору: «В оценках перспектив развития обстановки на советско-германском фронте ошибались не только мы, но и разведка союзников, и аналитики финской военной разведки. Гитлеру после поражения под Москвой предсказывали на Западе решительное поражение в зимней кампании 1942 года. Французские и финские эксперты ошибочно полагали, что для немецкого командования ничего не остается, кроме как пойти на отчаянный бросок к Москве летом 1942 года, чтобы решить исход войны в свою пользу». Несколько ниже в тексте прилагается разведдонесение французского генштаба о положении германских войск на Восточном фронте от 3 января 1942 года. «Указывалось на итоги боев: три четверти дивизий и бронетанковых сил немцев, участвовавших в сражениях, были полностью истощены материально, физически и морально».

Неудивительно, что Сталин верил в скорую победу...

ГАРЕЕВ: Почему только Сталин? И народ в это верил...

— Хорошо. Но долго ли длилась эта уверенность Сталина?

КУМАНЕВ: О том, что надо обеспечить победу в этом году, также говорилось в приказе Станина как наркома обороны по случаю 23 февраля. А последний раз эта надежда прозвучит в приказе от 1 мая. Но выражена она была уже в несколько завуалированном плане: *«Еще полгода, еще, может быть, годик, и гитлеровский зверь рухнет под тяжестью своих преступлений»*.

МЯГКОВ: Мне хотелось бы упомянуть еще один интереснейший документ. В Лондоне находилось польское эмигрантское правительство во главе с Сикорским. У него были неплохие контакты с Черчиллем, Иденом, американской дипломатией. А в декабре 1941-го он был у Сталина. В марте 1942-го Сикорский писал премьер-министру Черчиллю: *«Теперь мы верим, что Россия не потерпит военного поражения. Она может проиграть одно или несколько сражений. Значительные усилия потребуются Красной армии, чтобы удержать за собой нефтяные месторождения на Кавказе. Если немцы удержат за собой существующую сегодня линию фронта, то, вполне вероятно, они ударят в скором времени в направлении Ростова и Краснодарского края»*. Далее Сикорский говорил, что союзникам необходимо осуществить высадку в Нормандии, там остались только второстепенные немецкие дивизии, и второго Дюнкерка союзники не получают. Необходимо срочно высаживаться в Нормандии, чтобы тем самым помочь Красной армии...

НИКИФОРОВ: Советскому руководству в Москве трудно было предполагать, что страны Европы, по суще-

ству, покорно терпят оккупацию. Как мне представляется, если бы французы развернули настоящую партизанскую войну, если бы оказывали сопротивление Чехословакия и другие оккупированные страны, если бы, наконец, англичане действительно предприняли попытку высадиться во Франции — то этими совместными усилиями гитлеровская Германия могла быть разгромлена уже в 1942 году... Ведь если сравнивать поведение французов и сопротивление оккупации со стороны сербов, белорусов, украинцев, то я не думаю, что будет преувеличением говорить, что западноевропейцы «покорно терпят» и работают на то, чтобы Германия могла продолжать войну...

— Недавно я прочитал про чешское сопротивление: выражая свою непокорность нацистам, свободолюбивые и отважные чехи демонстративно приходили на работу в черных траурных костюмах и... добросовестно изготавливали военную технику для захватчиков.

НИКИФОРОВ: Кстати, Михаил Мягков обнаружил документ, который сейчас будет опубликован в 4-й книге «Мировых войн». Оказывается, даже в 1944 году Германия огромное количество военных материалов получала из Латинской Америки — транзитом через Швецию, а союзники, Америка и Англия, не считали нужным мешать этому транзиту. Но кто у нас тогда мог бы такое себе представить?

ГАРЕЕВ: В общем, может быть, не совсем реальной была постановка задачи, но целый ряд реальных возможностей для скорой победы был. Особенно — в отношении союзников. Сталин, думаю, даже не предполагал, до какой степени коварства они дойдут и будут тянуть до 1944 года. Он все-таки ждал, что союзники воспрянут после Московской битвы и что сопротивление в Европе будет больше, и во Франции все будет совсем по-иному, и десант будет высажен... Конечно, если бы десант был высажен, и

не катастрофа под Харьковом, то пусть и не в 1942 году, но «полгода еще или годик», как было сказано — и война, действительно, могла бы быть завершена.

НИКИФОРОВ: Так что, думаю, мы слишком критично относимся к Сталину в его надеждах и расчетах на более успешное течение войны в 1942 году, чем это было на самом деле.

— Ну а что мы в то время реально имели на Московском направлении?

СЕМИДЕТКО: Весной 1942-го, после контрнаступления под Москвой, мы имели очень извилистую линию соприкосновения войск. Если взять северный участок фронта, то по прямой это было полторы тысячи километров, а по линии фронта — три тысячи. Противник удерживал Ржевско-Вяземский выступ, и войска Калининского фронта — 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус — охватывали эту группировку врага только с запада. 2-я ударная армия глубоко вклинилась в группировку противника, и коридор, связывающий ее с нашими войсками, составлял 5–6 километров.

МЯГКОВ: А вот — сводки отдела иностранных армий Востока генштаба сухопутных войск Германии, оценки нашего контрнаступления 1942 года: *«С невероятной храбростью русские пробивались через узкие проходы, проделанные ими же самими в ходе боевых действий, но благодаря успешным действиям (тут перечисляются немецкие части) эти проходы удаюсь закрыть, а противника отрезать. Подводя итоги, нужно сказать, что противник имел смелый план операции, который был смело осуществлен. Однако русское командование переоценило возможности своих солдат и недооценило боевые способности наших. Наш фронт восстановлен, ожидается, что противник возобновит наступательные действия с целью скорее найти слабые участки, чтобы осуществить прорыв из окружения».*

Мне думается, переоценка сил, которая произошла в ходе контрнаступления в начале 1942 года, сыграла недобрую службу войскам наших Западного и Калининского фронтов. В особенности — тех нескольких армий, которые попали в окружение.

ГАРЕЕВ: Повторюсь, но если сравнить, сколько было боекомплектов под Сталинградом и сколько в Ржевско-Вяземской операции — здесь просто было нечем эту операцию проводить!

— А вообще, был ли смысл держать столь крупные — исходя из общего тогдашнего количества наших сил и средств — силы на Московском направлении? Может быть, своевременная переброска их на юг позволила бы избежать выхода гитлеровцев к Сталинграду и к Кавказу?

МЯГКОВ: Многие историки говорят, что наша разведка в начале весны 1942 года определила, что немцы будут наносить главный удар опять-таки на Московском направлении, и якобы не учла значение южного направления, куда Гитлер намечал нанести главный удар — на Кавказ и в район Сталинграда. Считается, что это был просчет Сталина, который переоценил значение немецкой группировки на центральном участке фронта и недооценил участок южный. Есть мнение, что всему причиной — немецкая дезинформация, план «Кремль», подготовленный весной.

Но ведь даже после Московской битвы группа армий «Центр» оставалась наиболее многочисленной группировкой немецких войск на советско-германском фронте. Недооценивать ее и ее потенциальные возможности было бы весьма опасно.

— А не получилось ли так, что эту потенциальную возможность, мягко говоря, несколько переоценили? Причем, без достаточных на то оснований?

МЯГКОВ: Вот развединформация о визите японского посла в Берлине Хиросо Осима на германо-советский фронт в августе 1942 года, которая была доложена Сталину. Посол передавал в Токио план немецких операций. В нем говорилось, что основной участок — это южный, главная задача — разгром армий Тимошенко, захват Кавказа и Сталинграда. При этом центральная группа войск — от Валдая до Курска — сковывает Красную армию. Однако при переброске больших сил Красной армии с центра на юг будет незамедлительно начато наступление на Москву. Немецкое командование и в конце лета 1942 года предполагало, что удар на Москву остается возможным и его можно начать в зависимости от операций, которые проводятся на юге.

РЖЕШЕВСКИЙ: Вопрос о намерениях германского командования все-таки нанести основной удар в 1942 году на Московском направлении у нас не исследован в достаточной степени. Зато он очень здорово исследован на Западе, там очень много публикаций об операции «Марс» — особенно обращает на себя внимание изданная в США книга «Крупнейшее поражение Маршала Жукова».

Но очень многие косвенные сведения говорят о том, что Ржевская группировка немцев оставалась очень сильной, и они ее все время держали — несмотря на ожесточенные сражения на Юго-Западном фронте, несмотря на Сталинградскую битву... Мне кажется, надо все это тщательно исследовать, и мы тогда получим более логическое объяснение всей операции «Марс», которая, может быть, и не позволила противнику нанести удар на Москву в 1942 году. Но для этого нужно, прежде всего, глубокое изучение немецких документов.

НИКИФОРОВ: В последние годы приходится нередко читать, что Ржевско-Вяземская операция проводилась напрасно. Мол, наши войска были обречены на поражение, поскольку операция была не обеспечена ни в

оперативном, ни в материально-техническом плане. 33-я армия Ефремова и группа Белова чуть ли не сознательно были завлечены немцами в ловушку, которую они без труда захлопнули.

В этой связи хочу, опять-таки, обратить внимание на монографию Михаила Мягкова. Судя по его выступлению, мне показалось, что он сам до конца не осознал значимость тех немецких документов, которые ему удалось привлечь в своей работе. Он посмотрел на битву под Москвой с немецкой стороны, и эти документы, как мне представляется, показывают, что для немцев в тот момент ситуация была воистину критической: стоило им допустить одну ошибку, какому-нибудь генералу дрогнуть или Гитлеру разрешить отход — где-то, условно говоря, проколоться, и исход сражения мог быть иным. Чаша весов могла склониться в нашу сторону. Они предприняли чудовищные усилия, чтобы не допустить разгрома группы армий «Центр»...

Вот немецкий историк Вейнгарт писал: *«Несмотря на все меры, принимаемые Гитлером, ОКХ и Клюге, группу армий [«Центр»] нельзя было бы спасти, если бы ей противостоял сильный, умеющий использовать свои преимущества противник».*

— И вы согласны с таким обвинением в адрес наших войск и их командования?

НИКИФОРОВ: Нет! Почему мы не обращаем внимания на условия, в которых протекало наше зимнее наступление? Когда речь идет о неудачах немецкого наступления под Москвой, то обсуждается, насколько немцам помешали морозы, распутица, насколько они задержали их продвижение и т. д. Наши войска наступали в еще более худшей ситуации — глубочайший снежный покров затруднял снабжение, увеличивал потери наших войск — и, может быть, где-то здесь сил и не хватило.

— Ну а что, как вы думаете, помогло в этой ситуации немцам?

НИКИФОРОВ: Гитлер объявил, что Ржев — ворота Берлина и надо напрягать все силы, чтобы ни в коем случае не допустить разгрома группы армий «Центр». За счет чего ему удалось спасти положение? За счет привлечения сил не только Германии, но и всей Европы. Отправляясь на фронт, немецкий рабочий оставлял свой станок — и его заменял какой-нибудь француз, бельгиец, голландец... Швейцария хоть и нейтральная страна, но она поставляла Германии какую-то высокоточную технику.

А если говорить о самой германской армии, то достаточно, думаю, сказать, что даже соединения элитных, как сейчас говорится, войск СС были только немногим более чем наполовину укомплектованы немцами и фольксдойче. Остальное составляли добровольцы из Бельгии, Голландии и т. п.

— То есть опять-таки, как и в 1812 году, России приходилось воевать против объединенных сил Европы... Конечно, внешне все это выглядело совершенно по-иному.

Заседание третье:

«Парад планет» — «Уран», «Марс» и «Малый Сатурн»

16 ноября 2002 года, в канун 60-летия перехода Советских войск в контрнаступление под Сталинградом, было проведено заседание очередного «круглого стола», посвященное грандиозной битве на Волге, положившей начало коренному перелому в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Участниками разговора стали Г. А. Куманев, В. Н. Лобов, М. Ю. Мягков, Ю. А. Никифоров, А. С. Орлов, О. А. Ржешевский и В. Ю. Черногор.

— Хотя зимой 1941/1942 года гитлеровцы и потерпели под Москвой серьезное поражение, однако известно, что немецкая армия не только не была еще разгромлена, но и находилась достаточно близко от советской столицы, представляя для нее реальную угрозу...

КУМАНЕВ: Да, немецко-фашистские войска были отброшены от Москвы всего на какие-то 120–150 километров — сегодня это расстояние можно преодолеть на электричке за два часа.

— Но почему же тогда гитлеровцы оказались под Сталинградом, а не попытались решить исход войны новым сокрушительным ударом на Московском направлении, где, кстати, у них имелись в наличии немалые силы?

КУМАНЕВ: Вопрос это очевидный и естественный — даже Сталин был убежден, что Гитлер снова предпримет наступление на нашу столицу. Прогноз такого наступления был, вроде бы, довольно обоснованным. Москва, как мы сейчас сказали, находилась совсем рядом... На самом деле, однако, планы немецкого командования были совершенно иные.

Мне хотелось бы остановиться на этом просчете Ставки ВГК, точнее — Сталина, относительно планов немецкого командования на весенне-летний период 1942 года, относительно главного направления нового немецкого наступления. Сталин пытался определить, каковы были расчеты гитлеровского командования. Снова на Москву? Или были какие-то другие намерения?

ЛОБОВ: Интересно провести параллель с событиями 1812 года, 190-летие которых мы сейчас как раз отмечаем. По сути, Гитлер поначалу скопировал стратегию Наполеона. Если у Бонапарта были планы разгромить войска и овладеть столицей какого-то государства, после чего оно естественно капитулировало, то и Гитлер пошел приблизительно по такому же направлению. И по началу войны, и по театру военных действий, и по стратегическому направлению, он, по сути дела, копировал Наполеона: там же сосредоточил войска и удар наносил на Москву, стремясь до нее как можно быстрее, в надежде, что после этого Россия капитулирует.

— Недаром же еще Александр Сергеевич Пушкин писал: «Мы все глядим в Наполеоны...»

ЛОБОВ: Вот-вот! Да не у всех это удастся... Так и Гитлеру не удалось. Тогда он решил лишить нас бакинской нефти, то есть тех сырьевых источников, без которых не только остановилась бы наша боевая техника, но и встала бы оборонная промышленность...

КУМАНЕВ: Да, главным направлением немецкого наступления на лето 1942 года было избрано южное. После наступления на Кавказ с выходом в нефтяные районы Гитлер планировал перевалить через Главный Кавказский хребет, дойти до нефтеносных районов Ирана и Ирака.

— Это находит какое-то отражение в документах?

КУМАНЕВ: Конечно, и во всей полноте. Уже 3 января 1942 года, то есть еще в разгар битвы под Москвой, Гитлер в беседе с японским послом Хиросо Осимой заявил, что он пока не намерен проводить наступательные операции в центре фронта, и что его главная цель — операции на южном участке фронта, в направлении Кавказа, кавказской нефти. Сталинград и выход к Волге были в то время в планах немецкого командования второстепенным направлением.

28 марта состоялось совещание в Ставке Гитлера, на котором обсуждался план летнего наступления немецко-фашистских войск. Генерал Варлемонт, присутствовавший на том совещании, позднее отметил, что *«Москва как цель наступления пока совершенно отпала»*.

5 апреля 1942 года Гитлер подписывает директиву ОКВ № 41, в которой прямо говорится: все силы сосредотачиваются для проведения главной операции — на южном участке, с целью захвата нефтеносных районов Кавказа, перехода через Кавказский хребет и дальнейших действий в южном направлении.

— Ну а у нас какими были планы на 1942 год? Хотя мы подробно обсуждали этот вопрос на заседании предыдущего «круглого стола», нелишне было бы вспомнить о его сути и сегодня.

ОРЛОВ: 1942-й год мы встречали с энтузиазмом: на полях Подмосковья шла великая битва за Москву, декабрьское контрнаступление показало, что блицкриг

терпит крах, и все рассчитывали, что наше победоносное наступление продолжится...

5 января 1942 года в Ставке состоялось совещание с высшим руководящим составом, где Сталин сказал, что нужно продолжить наступление на всех трех стратегических направлениях — силами шести фронтов. Генерал Жуков возразил, отметив, что сил на все направления не хватит, что наступление с надеждой на успех можно развернуть только на одном, центральном, главном направлении. Его поддержал председатель Госплана Вознесенский, уточнив, что при широком наступлении будут большие трудности с боеприпасами — их не хватает.

Сталин с этим не согласился. Он резко оборвал Жукова и заявил, что Красная армия должна развернуть наступление на всех трех стратегических направлениях. Поставленная им задача была оформлена как директивное письмо № 03 от 10 января: сделать 1942 год годом разгрома гитлеровского вермахта.

— Выходит, всему причиной волюнтаризм Сталина, о котором так любят рассуждать наши отдельные историки?

ОРЛОВ: Да нет, здесь все гораздо сложнее — недаром в связи с этим в историографии возникает целый ряд вопросов. Жуков вроде бы предлагал все правильно, и Вознесенский тоже обо всем обоснованно говорил, но ведь и Сталин тоже информацию не с потолка брал. Почему же он поставил войскам задачу, оказавшуюся впоследствии нереальной, невыполнимой?

Теперь стало известно, что в конце декабря — начале января в Москву поступали сведения от наших разведчиков из Германии — от «Красной капеллы» в частности, и от других источников о том, что немцы деморализованы, что 75 процентов немецких дивизий истощены. Они, мол, не способны к наступательным действиям, не хватает горючего, боеприпасов...

КУМАНЕВ: Разведка дала Сталину завышенные данные о потерях противника — что немецкие войска вместе с союзниками потеряли более 6,5 миллиона человек, из которых более 5 миллионов приходится на вермахт. Это позволяло Сталину считать, что у Гитлера армия выдыхается, что новых резервов нет, и поэтому можно выступать против противника на всех фронтах одновременно.

ОРЛОВ: Такую же оценку в отношении немцев, даже более резко, дал французский генштаб, о чем сведения поступили к Сталину 3 января. Там говорилось, что после разгрома под Москвой немцы будут способны к броске на советскую столицу только к маю 1942 года, но для этого им нужна оперативная пауза. Если же Красная армия не предоставит им этой паузы, то есть если она зимой продолжит наступление, то немцы в 1942 году вообще не смогут оказать ей серьезного сопротивления.

На совещании 5 января Сталин почти дословно повторил этот вывод. Сведения, добытые нашей разведкой, не были дезинформацией — это была действительная, но ошибочная оценка ситуации французским генштабом.

— Не получилось ли так, что разведка информировала Кремль о точке зрения, соответствующей настроением Сталина? Ведь никто более за рубежом, кажется, не разделял французского оптимизма?

ОРЛОВ: Да что вы! Крах блицкрига под Москвой всколыхнул всю Европу. Вступление в войну США породило у человечества надежду, что с гитлеровской армией будет покончено очень скоро. Не случайно, наверное, в марте 1942-го американцы уже начинают разрабатывать план высадки в Европу...

ЛОБОВ: Конечно, наши союзники опасались, что война может закончиться без их участия, и тогда они во всех отношениях окажутся в проигрыше.

ОРЛОВ: Это факт. Надежды, что еще немного — и враг будет разбит, не только владели умами людей в Кремле, но и вдохновляли сторонников антигитлеровской коалиции во всем мире...

Они, однако, оказались иллюзорными — сил действительно не хватило. Наступление началось на трех стратегических направлениях, и хотя мы владели стратегической инициативой до апреля 1942 года, поставленные Верховным задачи решены не были. Потери оказались очень большими, успеха добивались далеко не везде и не всегда — начиная с Ржевско-Вяземской операции, где не удалось развить успех наступления 33-й армии и кавалерийской группы Белова...

КУМАНЕВ: Мы с полковником Николаем Яковлевичем Комаровым недавно подготовили книгу «Великая битва под Москвой. Летопись важнейших событий». Когда изучали документы, то еще раз убедились, что финал Московской битвы был для нас очень тяжелым, кровавым. Чего стоили одни неудачи в Ржевской операции?

— Ржевско-Вяземская операция Калининского и Западного фронтов закончилась 31 марта, когда наши войска споткнулись на заранее подготовленном противником оборонительном рубеже. Почему этот «первый звонок» не заставил Ставку скорректировать планы кампании 1942 года?

КУМАНЕВ: Мнение Сталина на заседаниях Ставки было решающим, а он считал необходимым вместо активной стратегической обороны — как предлагал Генштаб — осуществить серию частных наступательных операций Крыму, в районе Харькова, Львовско-Курском и Смоленском направлениях. А также — в районе Ленинграда и Демянска. Несмотря на определенные возражения начальника Генерального штаба маршала Бориса Михайловиче Шапошникова, Сталин дал главкому Юго-

Западного направления маршалу Семену Константиновичу Тимошенко разрешение наступать на Харьков. При этом Генштабу было запрещено вмешиваться в какие-либо вопросы по данной операции. И, как потом отмечал в своей книге «Воспоминания и размышления» Георгий Константинович Жуков, *«события мая и июля показали, что в этом решении был чрезвычайно большой просчет».*

А тут еще в руки нашего командования попала карта одного третьестепенного немецкого офицера, на которую был нанесен маршрут обходного удара на Москву с юга. И там у него были пометки, его примерные расчеты, когда гитлеровцы будут в Москве — такого-то числа они берут один город, второй, потом Арзамас, обходят Москву — и она взята...

Этот документ, показавшийся Сталину достоверным, подтверждал, что он был прав в своих прогнозах о том, куда будет нацеливать свои основные усилия противник.

Однако враг готовился наступать на южном фланге советско-германского фронта, тогда как наши главные силы были сосредоточены в центре...

ОРЛОВ: Последующие наши неудачи — Крымская и Харьковская катастрофы, открыли немцам дорогу на Сталинград...

КУМАНЕВ: Сталинград поначалу был всего лишь вспомогательным направлением... Если взять директиву № 51, то там ясно сказано: главное направление — это Кавказ, кавказская нефть, с выходом на нефтеносные районы Ирана и Ирака. Это уже потом обстановка настолько изменилась, что Сталинград стал играть на этом направлении решающую роль.

— А почему?

ЛОБОВ: Во-первых, Сталинград — это мощный экономический узел. Во-вторых, через него шли все комму-

никации на юг и на восток. И третье — это, опять-таки, был путь на Кавказ, к кавказской нефти.

К тому же через Волгу была одна переправа — именно в районе Сталинграда. Через этот мост осуществлялась эвакуация промышленных объектов: сотни заводов — не только промышленное оборудование, но и сами рабочие с семьями. По нему шла масштабная эвакуация скота, о которой сегодня мы абсолютно забыли. А ведь ГКО принял решение: сохранить буквально все, что можно. Проводилась эвакуация на восток сельского населения... Кроме того, здесь проходила огромная масса отступающих войск, разгромленных на Украине, в Белоруссии — без командования, потерявших связь со своими частями... Кроме того, управляемые войска, державшие оборону, тоже отходили, сопротивляясь на новых рубежах. А с другой стороны, из глубины выдвигались резервы. Сегодня даже трудно представить себе ту, извините, «бутербродную» ситуацию, которая в то время сложилась на Волге.

Там была масса людей, масса техники, масса скота...

— Наше руководство понимало опасность прорыва немцев на этом направлении?

ЛОБОВ: Конечно, понимало! Вот как писал об этом Николай Константинович Байбаков, в ту пору — заместитель наркома нефтяной промышленности СССР. В беседе с ним Сталин подчеркнул, что все наши танки и самолеты — это металл, железо, которое, если не будет горючего, железом и останется. Гитлер это хорошо знает, поэтому и рвется на Кавказ, и надо все сделать, чтобы он туда не дошел. А, во-вторых, надо все сделать, чтобы промыслы в районе Грозного, в районе Баку не достались немцам. Если будет угроза сырьевым источникам, придется их ликвидировать. Если же мы можем их спасти, то ни одной скважины трогать нельзя.

Сталин тогда сказал так: если хоть одна скважина будет законсервирована, немцы к ней не подойдут, вы будете расстреляны. Если же немцами будет что-то захвачено, вы тоже будете расстреляны. Байбаков тогда посетовал: «Вы же мне выбора не даете!» — «А я вам дал право думать», — ответил Сталин. Байбаков сразу же вылетел на Кавказ...

— Да, Николай Константинович Байбаков мне об этом рассказывал — в интервью для «Красной звезды»... Так что же происходило в это время в самом Сталинграде?

РЖЕШЕВСКИЙ: Позвольте мне ответить на этот вопрос следующим образом... Так повернулась судьба, что много-много лет назад, по заданию опять-таки редакции «Красной звезды», ныне покойному Петру Михайловичу Деревянко и мне было поручено взять интервью у маршала Александра Михайловича Василевского — в связи с его 70-летием.

— То есть это было в 1965 году...

РЖЕШЕВСКИЙ: Мы тогда задали традиционный вопрос, какие дни войны маршалу запомнились особо, и он сказал, что это, прежде всего, 23 августа 1942 года — самый тяжелый день Сталинградской битвы...

Вы знаете, что немцы тогда прорвались к Волге, был колоссальный авиационный налет... Александр Михайлович Василевский, член ГКО Глеб Максимилианович Маленков, командующий ВВС Александр Александрович Новиков и еще два-три человека находились в штабе фронта, в тоннеле под рекой Царицей, где был подготовлен КП... Кругом все горело — кошмар, да и только... Ожесточенность боев была запредельной, но все же длительное время остановить противника в средней излучине Дона не удавалось. Некоторые наши части и соединения отступали под сильнейшим напором немецких войск, нередко это отступление превращалось в бегство, войска охватывала паника, и на

каком-то этапе создалось совершенно критическое положение. Нужно было принимать чрезвычайные меры. Одной из них, на мой взгляд — самой известной и результативной, был приказ № 227 «Ни шагу назад!», которым давалось право командирам — и не только им — расстреливать тех, кто отступал без приказа. Создавались заградотряды, со всеми вытекающими из этого последствиями...

Мы прекрасно знаем, что в современной литературе немало отрицательных и необдуманных оценок этого приказа. Мол, это приказ варварский, неоправданный, из-за него погибло очень много людей...

— Ну, почему же — необдуманных? В нынешней идеологической войне это как раз один из очень точно выбранных пунктов — сегодня ведь в абсолют возводится вседозволенность, так что есть чем попугать «свободного россиянина», особенно — с неокрепшей психикой и отсутствующим гражданским сознанием.

РЖЕШЕВСКИЙ: Действительно... Но вот в то время, на мой взгляд, — и, думаю, не только на мой, — этот приказ был оправдан. Положение было отчаянное, нужно было спасать фронт, а может быть даже страну...

Да, приказ действительно был жесток и категоричен, но его оценка фронтовиками и в то далекое уже время, и сегодня — положительная.

ЧЕРНОГОР: К 227-му приказу можно относиться по-разному. Некоторые вспоминают только о заградотрядах и штрафных ротах. Но разве приказ об этом? Вчитайтесь в текст приказа, вдумайтесь в само его название — «Ни шагу назад!»...

РЖЕШЕВСКИЙ: Текст сильнейший! «Безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда...»

ЧЕРНОГОР: Вот в чем суть... У нас ведь вот до чего искажены понятия: захотел что-то выхватить для себя нужное — и можно этот приказ трактовать как антинародный, антигуманный и прочее. Можно же совсем по-другому на него посмотреть... У нас ведь ныне даже слово «патриотизм» интерпретируют, как хотят, но чаще всего как «последнее прибежище негодяев».

МЯГКОВ: К слову, те, кто сегодня критикуют 227-й приказ, видимо и не знают о том, что в декабре 1941 года немцы издали свой приказ «Держаться!». Здесь можно провести параллель, абсолютно оправданную: недаром же Сталин говорил, что надо учитывать и опыт врага.

РЖЕШЕВСКИЙ: Невольно задумываешься, как же нашей стране удалось создать такой, я бы сказал, фронтовой организм, когда в тяжелейшей, казалось бы, безысходной ситуации и солдаты стояли намертво, и командиры оказались достойные — с самого низшего звена до самого высокого? Когда народ, гражданские люди представили собою единый сплав с армией, сломать который было невозможно? Разве что уничтожить его — только тогда он не имел бы возможности оказывать сопротивления...

Как это все удалось создать? Откуда взялись те великие силы, которые питали армию и народ в годы Великой Отечественной войны, апофеозом которой стали битвы под Москвой и Сталинградом?

ЛОБОВ: Как патриот, как аналитик могу прямо сказать: таких людей воспитала советская идеология, идеи социализма...

МЯГКОВ: Да, если взять поколение «отморозков», которое сейчас у нас в стране воспитывается, они бы точно Сталинград не удержали.

— По счастью, наша современная «система воспитания» дает сбои...

ЛОБОВ: Согласен... Но, возвращаясь к тем временам, скажу, что мы не должны забывать и о подборе людей, как тогда предпочитали говорить — «кадров», на важные участки. Те же секретари обкомов, горкомов, районные власти, которые организовывали оборону города, организовывали просто немислимую по масштабам эвакуацию населения...

Второе — военные люди тоже были подобраны соответствующим образом. Мы теперь всех их по фамилиям, по имена знаем: Андрей Иванович Еременко, Константин Константинович Рокоссовский, Николай Федорович Ватутин, Василий Иванович Чуйков, Иван Ильич Людников, Михаил Степанович Шумилов... Они ведь не просто пришли откуда-то, не «по благу» были назначены. Их подбирали, в них проникали, и они себя проявляли в боях. Помните, «Красная звезда» недавно писала, как генерал Еременко обещал Сталину, что остановит Гудериана? Вряд ли Сталин верил, что тот действительно это сделает, но он видел, сколь крепким был боевой дух у этого военачальника... А потом его воля, энергия, уверенность, подготовка передавались войскам, командирам, личному составу. Это немаловажный фактор — умение подобрать кадры стратегического звена, которые в условиях сложной обстановки не терялись бы, а принимали правильные решения — те, которые ведут к успеху...

ЧЕРНОГОР: Сталинградская битва — расцвет полководческого таланта тех военачальников, которых подбирали Ставка и лично Сталин...

ЛОБОВ: Фронтами командовали генерал-полковник Еременко, генерал-лейтенанты Ватутин и Рокоссовский. Кстати, заметьте — не маршалы! Даже не генералы армии... Начальники штабов и члены военных советов — они все вообще были генерал-майорами. Казалось бы — стечение обстоятельств? Нет, очень продуманный шаг. Людей увидели, оценили и дали им эти ответственные участки,

чтобы еще раз их проверить... После Сталинградской битвы им присвоили очередные звания, потом они повели фронты к Победе, их полководческий талант проявился в новых наступательных операциях... Значит, в высшем стратегическом руководстве думали обо всем этом постоянно.

ЧЕРНОГОР: Уже потом, на Нюрнбергском процессе, фельдмаршал Паулюс признал, что в битве под Сталинградом *«советская стратегия оказалась настолько выше нашей, что я вряд ли мог понадобится русским хотя бы для того, чтобы преподавать в школе унтер-офицеров. Тому доказательство — исход битвы на Волге, в результате которой я оказался в плену, а также то, что все эти господа сидят здесь на скамье подсудимых».*

ОРЛОВ: Я добавил бы еще, что нужно отдать должное стойкости и самоотверженности нашего солдата, нашего народа. Свойство народа российского, особенно русского: он долго выдерживает, когда его сжимают. Но когда эта пружина разжимается, то все оковы разлетаются в прах. Помните, как у Симонова: «Надоело бояться! Пусть нас бояться!»

Этот сплав — подготовленных кадров верхнего эшелона и мужества народного, решительность солдат, которым надоело вечное отступление, — и решил судьбу битвы под Москвой, под Сталинградом и всех последующих операций.

НИКИФОРОВ: Если посмотреть шире на проблему, о которой мы говорим, и вообще посмотреть на историю России, то в годы Великой Отечественной войны мы видим какой-то удивительный феномен. У нас все время между народом и властью был как бы некий зазор, все время проявлялось какое-то напряжение. После Петровской Руси вообще было словно бы «два народа в одном» — дворянство и крестьянство были напрочь отчуждены друг от друга... Впрочем, и сейчас большинство

населения России — неважно, какую идеологию кто при этом исповедует, — критически оценивает власть и желало бы каких-то перемен, прежде всего в области внешней политики.

А в годы Великой Отечественной войны этой пропасти не было. Люди воспринимали представителей власти именно как своих представителей.

— Кстати, это явление традиционно... Известно, что и Отечественная война 1812 года дала небывалый дотоле образец единения всех слоев, всех классов российского общества, и в Русской армии в то время царил невозможный для Европы демократизм, когда солдат, офицер, генерал на равных делили и опасности, и трудности похода, и славу... Даже медаль за 1812 год для всех была одна! Однако в 1814 году русские полки вернулись в Отечество — всё вместе с тем возвратилось «на круги своя»...

НИКИФОРОВ: Да, к сожалению... Во время Великой Отечественной войны люди «взвешивали» представителей партии, генералов и самого Сталина, я бы сказал, на весах жизни и смерти. Они видели какие-то просчеты и недостатки руководства, но все равно другая чаша весов перевешивала. Выбор, который люди делали, нашел выход в совершенно необъяснимом: в том, что позднее назвали «культом личности Сталина». Сегодня ведь утверждают, что никто в атаку с именем Сталина не ходил. Неправда: имя это звучало не раз. Посмотрите мемуары участников войны...

— Ну, мемуары пишутся уже после событий, я бы сказал, на холодную голову, и в них нередко присутствует элемент заданности, конъюнктуры...

НИКИФОРОВ: Согласен. Но если обратиться к сборнику документов ФСБ «Сталинградская эпопея», то можно даже статистически узнать, какое количество людей

было настроено патриотическим образом, сколько было критических высказываний. В сборнике этом, в частности, помещены материалы военной цензуры по Сталинградскому фронту, и они убеждают, что из просмотренных ста с лишком тысяч писем пятьдесят тысяч, насколько помню, были пронизаны патриотическим содержанием, верой в неминуемую победу...

РЖЕШЕВСКИЙ: Нет, их было более семидесяти тысяч.

— Прочие — исключительно личного содержания?

НИКИФОРОВ: Да нет, порядка пяти тысяч — только! — были с какими-то критическими замечаниями. Даже не читая писем, можно судить, как была настроена армия, а значит — и весь народ...

Кстати, критические замечания не относились ни к порядку в войсках, ни к Советской власти. Чаще всего это были жалобы на плохое питание и т. п. Пораженческих же настроений вообще нет.

— Можно уточнить, что фронтовики, наверное, не слишком подстраивались под военную цензуру — достаточно вспомнить, что Александр Исаевич Солженицын совершенно спокойно ругал в своем письме к другу Сталина, за что и был перемешен с передовой в лагерь... А уж он-то, наверное, понимал, что можно писать, а чего — нельзя...

МЯГКОВ: Кстати, из всей кипы просмотренных писем всего в двух присутствуют матерные выражения. Значит, народ-то у нас был чистый. И все общество соответственно...

ЛОБОВ: Воспитание народа... Как в семье родители воспитывают детей, так, думается, и в стране крайне необходимо заниматься воспитанием народа на лучших патриотических, национальных и культурных традициях. В Советском Союзе эти вопросы были продуманы спол-

на, поэтому народ считал себя единой семьей и оказался готовым к самым трудным испытаниям...

НИКИФОРОВ: Сейчас очень ругают само это понятие — «коммунистическое воспитание», забывая при том, какие же качества воспитывали... А детей, молодежь приучали к тому, что надо быть честным, что Родину надо любить и быть готовым ее защищать, что ради нее надо трудиться... Это и было «коммунистической идеологией»! Хотя, может, я что-то идеализирую.

МЯГКОВ: Вернемся, однако, непосредственно к Сталинградской битве. К осени 1942 года была по существу создана новая армия — взамен потерь, понесенных в зимних боях 1941 года в Крыму, под Харьковом и на других участках фронта... В сентябрьском постановлении ГКО говорилось о призыве 400 тысяч воинов 1924 года рождения, о переводе в действующую армию личного состава из других войск, тыловых структур и проч. Эта армия не с ходу вводилась в бой — в основном люди шли в запасные части, создавались именно те резервы, которые потом и нанесли удар по противнику под Сталинградом.

ЛОБОВ: Но сначала Верховному командованию нужно было найти стратегическое решение, позволяющее задержать наступление немцев, а потом нанести огромной силы контрудар...

КУМАНЕВ: А как, кстати, родился план контр наступления? Известно, что немало наших высоких военных руководителей приписывали себе чуть ли не первостепенную роль в его разработке. Но мне посчастливилось встречаться с Маршалами Советского Союза Александром Михайловичем Василевским и Георгием Константиновичем Жуковым, которые рассказывали обо всем в деталях.

12 сентября 1942 года они были вызваны в Москву — к Сталину. Положение под Сталинградом было тогда очень тяжелым, и Верховный предлагал задержать продвижение противника контрударами, ослабить его натиск и хотя бы

частично изменить ситуацию к лучшему. Однако у Жукова с Василевским возникло иное мнение: концентрированными ударами — подтянув резервы, перегруппировав силы — ударить по слабым флангам немецкой группировки. Почему слабым? А там были румынские части...

«Выслушав наши соображения, — говорил Василевский, — Сталин немедленно отправил нас в Генштаб, чтобы мы там подготовили конкретные предложения. Потом мы поехали под Сталинград, чтобы на месте еще раз все взвесить. Сталин между тем сомневался, хватит ли у нас резервов, сил, чтобы провести операцию по окружению большой вражеской группировки... Вернувшись, мы доложили Сталину о реалистичности нашего замысла. 13 ноября на заседании Политбюро и Ставки этот план был утвержден...»

МЯГКОВ: Новые для историков архивные документы говорят о том, что замысел все же выработывался в недрах Генштаба. Да, конечно, с ним непосредственно связаны Жуков, Василевский, Сталин, но именно работники Генерального штаба — в частности, полковники Рыжов, Боков и другие офицеры в относительно невысоких званиях, участвовали в выработке этого уникального, ставшего, в конце концов, бриллиантом в общем замысле, плана операции на зимнюю кампанию 1942–1943 годов.

— А почему все-таки так много очень уважаемых военачальников уверенно заявляли о своей причастности к подготовке этого плана?

КУМАНЕВ: Ставка требовала, чтобы они представили свои предложения, связанные с этим планом. Ведь детали, общий замысел до поры до времени держались в большом секрете...

ЛОБОВ: Любая кампания или стратегическая операция Великой Отечественной войны готовилась и планировалась не одну неделю. Я как-то поинтересовался, как

по срокам выработывалось стратегическое решение — это как раз касалось Сталинградской битвы...

Хотим мы того или нет — выпячивать личность приходится, ведь решения принимал лично Верховный главнокомандующий. Самое интересное, как он готовился к этому. Заканчивалась очередная кампания, а он уже приглашал конструкторов, индивидуально беседовал с каждым из них, выяснял, сколько самолетов, боеприпасов, танков и прочего может быть произведено. Затем как бы дублировал информацию — приглашал директоров заводов, буквально на 5–6 минут. Интересовался резервами горючего, продовольствия, людскими резервами... Приглашал разведчиков, выяснял, что делается у немцев, какие там резервы, планы и т. д. Беседовал с наркомками, с военачальниками — Жуковым, Василевским...

— То есть Иосиф Виссарионович Сталин начинал с того, что собирал всестороннюю информацию?

ЛОБОВ: Да, и только после этого на заседании ГКО предлагал свой вариант, советовался. Потом все всесторонне обдумывал, анализировал — и лишь тогда у него созревал окончательный замысел, и он объявлял решение...

ЧЕРНОГОР: То, о чем говорит Владимир Николаевич, нашло свое отражение в документах и директивах Ставки. Кстати, авторский коллектив Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба под руководством генерал-лейтенанта Виталия Александровича Жилина второй год работает над выпуском документальных изданий, посвященных основным событиям Великой Отечественной войны. В прошлом году в свет вышел двухтомник «Битва под Москвой», а сейчас выходит «Сталинградская битва». Здесь чистая хронология событий — по дням. Это сводки Информбюро, приказы и многие другие документы, многие из которых ранее не публиковались...

РЖЕШЕВСКИЙ: Книги, подготовленные под руководством генерала Жилина, можно считать достижением. Однако не только в нашей стране, но и за рубежом Сталинградской битве, как и вообще событиям на советско-германском фронте, по-прежнему уделяется значительное внимание. Только за первые три месяца этого года в англоязычных странах опубликовано около 400 книг по Второй мировой войне. Из них порядка 20 — о советско-германском фронте Великой Отечественной войне.

Кстати, два года назад в смоленском издательстве «Русич» была опубликована книга британского историка Бивера «Сталинград», в Англии вышла книга Джефри Робертса, историка нового поколения — «Сталинград. Битва, которая изменила ход истории». Есть предварительная договоренность, что она будет выпущена в переводе издательством «Международные отношения». Вскоре в Москве выйдет просто удивительная книга американского историка Аксела «Герои России» — о героях Великой Отечественной войны, и там есть, конечно же, сталинградские сюжеты...

ЛОБОВ: Таких сюжетов, очевидно, должно быть немало...

Итак, нашему стратегическому руководству надо было уловить момент, когда иссякнут наступательные возможности немецких войск. Было известно, что их боевые порядки растянуты, ближайших стратегических резервов не предвидится, есть только оперативные. Для изучения того, что происходит в тылу у немцев, делалось буквально невозможное.

А самое главное — под Сталинградом было организовано просто невероятное сопротивление. Каждому солдату, офицеру, каждой части, каждой дивизии была поставлена задача стоять насмерть и максимально перемалывать немецкие войска. Стягивать их, молотить, стягивать, молотить...

Под прикрытием обороны выдвигались резервы на фланги, справа и слева от Сталинграда. Выбирался момент для нанесения контрудара...

— То есть Сталин, в конце концов, осознал свою ошибку относительно направления главного удара противника?

КУМАНЕВ: Нет, даже когда уже совершенно явно обозначилось, что план немецкого командования — это южное направление, и туда были брошены все основные гитлеровские силы, мы продолжали сосредоточивать свои главные силы на Московском направлении.

— Но почему?!

МЯГКОВ: Еще в августе Сталину на стол легло разведдонесение, которое, видимо, пришло из Англии: сообщение о поездке японского посла Хироси Осима на Восточный фронт... Немцы говорили японскому дипломату, что сейчас идет наступление на Сталинград, что захват Кавказа — это первая задача, а вторая, как сообщалось в этом донесении, — это наступление на Москву в течение месяца.

Что оставалось думать Сталину? Мог ли он рассчитывать на то, что сопротивление под Сталинградом автоматически предотвратит наступление на Москву? Сталин был реалистом и предпринимал все возможные меры, чтобы обезопасить и западное направление. А также не допустить оттягивания немецких сил от Сталинграда на другие участки фронта. В этом отношении я клоню к знаменитой операции «Марс», вокруг которой ведется много дискуссий и много копий сломано.

ОРЛОВ: Известный американский историк Гленс посвятил этой операции книгу, названную «Самое большое поражение маршала Жукова». На самом деле, это была отвлекающая операция... По своим срокам она была при-

вязана к «Урану» — Сталинградской операции. Переносилась по срокам та операция — переносилась и эта. «Уран» готовился втайне, а «Марс» чуть ли не демонстративно: было много перебежчиков, у немцев вдруг оказались наши пленные, которые примерно знали, сколько сил будет наступать, полосу наступления... 4 ноября немцам была подброшена информация, что свое главное наступление осенью 1942 года Красная армия начнет 15 ноября под Ржевом.

МЯГКОВ: Однако Гленс пишет, что операция «Марс» планировалась наряду с операцией «Уран» как мощный одновременный удар... По его мнению, Ставка придавала ей чуть ли не большее значение, чем «Урану», и всей своей книгой доказывает, что советское командование делало расчет на окружение немцев на Московском направлении. То, что это не получилось, и есть, собственно, «самое большое поражение Жукова».

ОРЛОВ: Стратегическая задача операции «Марс», которая началась наступлением Северо-Западного и Западного фронтов на западном направлении, состояла в том, чтобы сковать под Ржевом и Смоленском лучшие немецкие резервы.

Если силы, противостоявшие нашим войскам на западе и юге, были вроде бы равны по численности, то на качество войск противника надо обратить особое внимание. Под Сталинградом половину гитлеровских войск составляли союзники — итальянцы, венгры и т. п. На флангах оборонялись румынские армии, и потому именно здесь нашим командованием было решено нанести главный удар... Зато в районе Ржева, в 150 километрах от Москвы, стояли закаленнейшие немецкие дивизии, составлявшие порядка 40 процентов всех немецких — по национальной принадлежности — войск.

МЯГКОВ: Можно сказать, что операция «Марс» имела двудеиную задачу: оттягивание немецких сил с южного на-

правления и предотвращение неожиданного удара немцев на Москву. Если бы в разгар Сталинградской битвы 9-я и 2-я танковые дивизии, 3-я немецкая танковая армия вместе с 9-й немецкой армией перешли в наступление на Москву, о каком Сталинграде можно было бы говорить?

РЖЕШЕВСКИЙ: Конечно, немцы замыслили при благоприятных обстоятельствах внезапный удар на Москву, и изучение этого вопроса может принести чрезвычайно интересные открытия. Нужно бы обратиться прежде всего к документам 9-й немецкой армии. Если мы найдем наступательные планы немецкой группировки, это будет большой удачей.

— Однако, сохраняя мощную группировку войск на Московском направлении и, возможно, планируя внезапный удар, немцы продолжали наступление на юге?

ЛОБОВ: Да, от своих планов они не отказывались. Но 4-я и 6-я армии были растянуты по степям, по Волге; естественно, надо было подтянуть резервы, перегруппировать войска, сосредоточить их на новое направление... Немцы надеялись на союзников, они полагали, что фланги у них хорошо прикрыты, что румыны готовы сдерживать натиск наших войск, но самое главное, они никак не предполагали, что контрудар может быть нанесен.

РЖЕШЕВСКИЙ: Известно, что немцы рассчитывали на сопротивление Красной армии, но считали, что для сопротивления, способного сломать их планы, у Красной армии просто не хватит стратегических резервов. Это был главный аргумент: не хватит резервов для сопротивления...

ЛОБОВ: Генерал Йодль пишет: *«Этот удар для нас оказался совершенно неожиданным. Казалось, что вчера на этом месте ничего не было, и вдруг там появились такие силы, которые нанесли этот удар совершенно неожиданно...»*

— За счет чего же нам удалось достичь этой внезапности?

ЛОБОВ: Сталинградское контрнаступление — это образец достижения стратегической внезапности. В степи, на голом месте, удалось так сосредоточить войска, что немцы этого не заметили! Они думали, что это просто очередные подкрепления подходят. Выдвижение осуществлялось ночью, без фар, предпринимались все меры маскировки, самым строжайшим образом была организована комендантская служба, налажены авиационное прикрытие, противовоздушная оборона — все самолеты противника сбивались...

ЧЕРНОГОР: Для достижения внезапности была проведена огромнейшая работа, и то, например, что на километр фронта у нас было сосредоточено свыше трехсот орудий, для немцев также оказалось полнейшей неожиданностью...

— И как же они все это проглядели?

ЛОБОВ: Немцев подвели плохая разведка, недостаток времени, незнание нас и наших резервов, и, наконец, по своему сказали зазнайство и самоуверенность.

РЖЕШЕВСКИЙ: Внутреннее кольцо окружения было замкнуто 23 ноября, и в нем оказались более 330 тысяч немецких солдат и офицеров. Наше командование рассчитывало, что будет от 70 до 90 тысяч.

НИКИФОРОВ: Кстати, фронт немецких войск в окружении под Сталинградом был организован достаточно грамотно. И гитлеровцы держались так долго именно потому, что был создан такой фронт в кольце. Мы ведь знаем, что одна из ошибок наших войск под Вязьмой в октябре 1941 года была в том, что вовремя не создали фронт в окруженной группировке, а сразу пошли на прорыв.

— Ну а войска Паулюса могли вырваться из окружения?

ЛОБОВ: Мы же осуществляли прорывы стратегического фронта и выходили к себе в начале войны! Значит, такая возможность была и у противника. Но если брать характер немцев и то, что у них была мощная трехсоттысячная группировка, кто из них мог тогда думать о спасении, об отступлении?

ОРЛОВ: Да еще учитывая, что Гитлер приказал держаться...

ЛОБОВ: Поначалу у них и мыслей таких не было. К тому же был создан воздушный мост — подпитывать окруженные войска. Им говорили: мы вам дадим все необходимое, держитесь, потом дальше пойдете... Надо учитывать и то, что к этому времени немецкие армии были не только растянуты, но и испытывали острый недостаток горючего, боеприпасов, медикаментов. К тому же — холод. Они могли только выжидать, удерживая занятые рубежи, ждать, когда к ним придет помощь.

НИКИФОРОВ: Хотя Паулюс пишет, и на допросах это проходит, что если бы ему позволили идти навстречу Манштейну, то вполне возможно, прорыв был бы осуществлен. Ведь под Демянском немцы сумели прорвать кольцо, вышли...

А Сталинград, по существу, превратился в символ. Из чисто военного фактора он стал символом немецкой стойкости. Если бы войска Паулюса пошли навстречу Манштейну, это могла бы быть для нас та еще заноза, она довольно долго там бы торчала. Может, с учетом того и разрабатывались планы нашего стратегического наступления — «Уран», «Сатурн», то есть окружение практически всех немецких войск на Северном Кавказе, в Ростовской области, в Краснодарском крае? 2-я гвардейская и другие армии были нацелены для удара на Ростов, чтобы отрезать всю немецкую группировку на южном фланге.

КУМАНЕВ: Кстати, 2-я гвардейская армия генерала Родиона Яковлевича Малиновского, которая перебрасывалась в район Сталинграда, оказалась в распоряжении Сталинградского, а не Донского, как предполагалось поначалу, фронта.

После того как была блестяще проведена операция «Уран», и 22 вражеские дивизии оказались в кольце, ликвидировать окруженную группировку Ставка поручила командующему войсками Донского фронта генералу Рокоссовскому. Был разработан план операции «Кольцо», согласно которому один удар наносился Сталинградским фронтом в направлении восток — запад, а Донской фронт, окружая эту группировку, наносил второй удар — с западного направления на восток. Таким образом, группировка рассекалась на две части.

Но в это время Гитлер подготовил операцию по деблокированию окруженной Сталинградской группировки силами группы армий «Дон». 12 декабря перешла в наступление танковая дивизия генерала Манштейна.

ОРЛОВ: К 20 декабря Манштейн приблизился к группировке Паулюса на 35 километров. Он требовал, буквально бомбардировал ставку Гитлера: «Дайте резервы!» Но резервов ему не давали, потому что в это время продолжали наступление войска наших Западного и Северо-Западного фронтов — вот она, операция «Марс»!

КУМАНЕВ: Все же положение оказалось очень тяжелым — наших сил для отражения Манштейна было недостаточно, и противнику удалось достичь определенного успеха. Тогда Еременко обратился в Ставку с предложением, чтобы 2-ю гвардейскую армию бросили навстречу Манштейну в помощь Сталинградскому фронту. Рокоссовский присутствовал при разговоре представителя Ставки Василевского по ВЧ со Сталиным. Александр Михайлович обосновал свою точку зрения тем, что по-

ложение критическое. Сталин попросил передать трубку Рокоссовскому. В своих воспоминаниях маршал пишет, что он тогда сказал, что с этим решением он не согласен. Армию Малиновского надо передать Донскому фронту, в сжатые сроки ликвидировать окруженную группировку и только после этого бросить все силы против Манштейна.

Василевский снова взял трубку и опять обосновал свое предложение, говоря, что это неоправданный риск — делать так, как предлагает Константин Константинович. Подумав, Сталин сообщил Рокоссовскому, что он пришел к выводу: армию Малиновского надо все-таки бросить на помощь Сталинградскому фронту. Это в корне изменило положение — Манштейн был отброшен.

НИКИФОРОВ: 2-я гвардейская армия была перенацелена на ликвидацию прорыва, и, таким образом, вместо «Сатурна» была проведена операция «Малый Сатурн». Если бы немцы вышли из окружения, то с этой группировкой нам еще пришлось бы встретиться летом 1943 года.

— Считал ли потом маршал Рокоссовский, что допускал ошибку?

КУМАНЕВ: Нет, в последующие годы он не раз говорил и даже включил это в книгу своих мемуаров, что он по-прежнему считает, что был прав, но Ставка все-таки приняла другой план, «надежно гарантирующий от всяких неожиданностей».

Лично я думаю, что блистательный полководец тогда все-таки ошибался...

— Победа под Сталинградом вызвала большой резонанс в мире...

РЖЕШЕВСКИЙ: Да, для мирового сообщества Сталинградская битва имела огромное значение. Можно напомнить о грамоте, которую прислал Рузвельт защитникам Сталинграда и победителям в этой битве.

МЯГКОВ: Война к тому времени уже носила коалиционный характер. Потому возникает как бы обратный вопрос: какое влияние на ход Сталинградской битвы оказали совпавшие по времени с ней боевые действия союзников в Северной Африке и на Тихом океане?

Историки давно спорят по этому поводу. В западной историографии присутствует мысль, что перелом одновременно произошел как бы на двух участках борьбы: на Восточном фронте под Сталинградом, и на Западном — в Северной Африке, под Эль-Аламейном. Сталинградскую битву пытаются не только сравнивать, но даже уравнивать со сражением при Эль-Аламейне, хотя это совершенно несравнимые события — и по количеству вовлеченных в них войск, и по значению.

Тем не менее, боевые действия союзников оказывали большое влияние на ход боевых действий на Восточном фронте как в моральном плане — уже можно было сказать, что советские войска сражаются не одни, так и в плане стратегическом. К маю 1943 года создались предпосылки для высадки союзников на Сицилии — в Южной Европе. Естественно, это оттягивало какое-то количество немецких и итальянских войск, в том числе с советско-германского фронта.

РЖЕШЕВСКИЙ: Но вскоре, в том же 1943 году, возникли очень большие осложнения в рамках антигитлеровской коалиции. Несмотря на победу в Сталинградской битве, в антигитлеровской коалиции обозначился кризис из-за проблемы второго фронта. Ведь западные союзники, обещавшие — это зафиксировано в документах, — что они откроют второй фронт в 1943 году, от своего обещания отказались. Это и вызвало кризис: из Великобритании и США были отозваны даже наши послы — Майский и Литвинов.

ЛОБОВ: Тему можно продолжить... На протяжении всей Великой Отечественной войны Запад очень вни-

мательно нас изучал. Сталинград показал, что мы не только выжили, но и создали экономический потенциал, позволяющий производить достаточное количество боеприпасов, вооружения, что у нас есть серьезные людские резервы...

Естественно, битва на Волге явилась толчком к созданию второго фронта. Но не потому, что они нам стремились помочь. Ни в коем случае! Они поняли, что Сталинград — ключ к Берлину, к разгрому Германии, и можно опоздать к разделу «трофеев»...

— Вы думаете, Сталинград можно было считать ключом к Берлину?

ОРЛОВ: В начале нашего разговора мы вспоминали, что в январе Сталин поставил задачу разгромить вермахт в 1942 году. Эта задача выполнена не была, но зато в Сталинградской операции действительно был достигнут коренной перелом в войне.

КУМАНЕВ: Перелом в войне — это непрерывный, поступательный процесс... Победа Красной армии под Сталинградом несомненно знаменовала собой начало перелома во Второй мировой

РЖЕШЕВСКИЙ: Да, в этом и заключается главное значение Сталинградской битвы. Действительно, ни у кого уже не было сомнения в том, что агрессор будет изгнан с советской земли, уничтожен и что прямая дорога из Сталинграда ведет именно на Берлин.

А теперь мне бы хотелось сказать несколько слов о сегодняшних уроках Сталинградской битвы. Мне кажется, если бы мы сейчас имели такую могучую армию — разумеется, не в численном выражении, а в современных критериях, — как мы имели в Сталинградской битве, то, конечно, нашему государству было бы намного легче решать проблемы не только внешней политики, но и обеспечения нормальной жизни и безопасности граждан

на нынешнем очень беспокойном и трудном этапе общественного развития.

Вольно или невольно приходит также мысль о том, что общество наше должно быть единым. У нас сейчас очень много лозунгов. Много дней, именуемых днями «мира», «согласия», «примирения» и прочее. Вроде бы, все правильно декларируется, но намного меньше практических шагов, направленных на восстановление такого единства.

В этом смысле уроки войны и Сталинградской битвы в частности исключительно важны. Они — в необходимости восстановления одного, самого важного, на мой взгляд, показателя, который выражается чрезвычайно простой формулой: чувство семьи единой. В войну, в Сталинграде, это чувство было. Ему тогда как бы не придавали значения: оно было в душе человека, в его сознании, генах — о чем тогда мог быть разговор? Чувство семьи единой — это было чувство единства народа и власти, чувство единства людей разных национальностей, единства поколений... В общем, много составных, совершенно необходимых для государства понятий и принципов, вне которых, как мы сегодня видим, ему очень трудно двигаться вперед.

И какую бы, кстати, прекрасную концепцию патриотического воспитания мы сегодня ни разрабатывали, если у нее не будет исторического фундамента, основанного на всем лучшем, что имело наше государство, имели его вооруженные силы при княжеской Руси, при царской, императорской, советской и постсоветской России, — то даже самые мощные средства, направленные на создание патриотической основы, соответствующее воспитание молодежи, не приведут к значительным, заметным сдвигам.

Заседание четвертое:

«Возможности реальные, но не реализованные»

Утверждение, что история не терпит сослагательного наклонения, давно уже стало штампом. Однако для того чтобы понять смысл происшедших событий, сделать всесторонние выводы и извлечь необходимые уроки, подчас должно просчитать все возможные варианты их развития. Так что вопрос: «Что было бы, если бы?..» совсем не является таким праздным, как считают некоторые. Подтверждением тому стало заседание «круглого стола», проведенное 21 июня 2003 года. Темой его стали реальные, но нереализованные или упущенные возможности противоборствующих сторон, а так же — тайная подоплека ряда широко известных событий Великой Отечественной войны. Участниками этого разговора были С. В. Грибанов, В. А. Кирпиченко, Б. Н. Лабусов, В. Н. Лобов, Ю. А. Никифоров, А. С. Орлов, Д. Рябочкин и Н. Яковлев.

— Начнем с того вопроса, который, наверное, давно уже задавали и задают себе абсолютно все: можно ли было вообще избежать этой войны? Например, если бы мы заключили договор о сотрудничестве с Версальскими державами, которые правили Европой в то время, может, Гитлер тогда вообще бы не рискнул нападать на Советский Союз?

ОРЛОВ: Очень сомнительно. Про Мюнхен я и говорить даже не буду, всем ясно, что это такое. У Англии и Франции был заключен договор с Польшей, и что получилось? Как только Гитлер напал на Польшу, ни англичане, ни французы своих обязательств не выполнили. Они продолжали свою политику невыполнения обязательств, как это было по отношению к Чехословакии. То же самое было, кстати говоря, после падения Франции — Англия просто-напросто разорвала с ней союз...

ЛОБОВ: Хотя, очевидно, она могла бы нанести удар по немецким войскам во Франции.

ОРЛОВ: Такое не исключается. Думается, что если бы мы заключили тогда договор с западными державами, то Гитлер, нападая на Польшу, не остановился бы на той линии, которая была предусмотрена — да ее тогда бы вообще не было, и подошел бы к границам Советского Союза. Скорее всего, в этом случае союзники своих обещаний не выполнили бы и столкнули нас с фашистской Германией. Когда политика определенных держав в течение долгих лет развивается в одном направлении, то можно с достаточной определенностью сказать о том, «что было бы, если...».

— Но все же поначалу Советский Союз вел переговоры с Англией и Францией...

ОРЛОВ: Да, но при этом переговорщикам, англичанам и французам, была дана установка тянуть время, не заключать никаких соглашений, не связывать себя с нами обязательствами. Они должны были попробовать напугать Германию самим этим фактом переговоров — мол, если она не остановится, то мы заключим договор с Советским Союзом.

НИКИФОРОВ: Кстати, к альтернативе нападать или не нападать на Советский Союз Гитлер относился очень серьезно...

— В книге Уильяма Ширера «Взлет и падение третьего рейха», выпущенной Воениздатом в 1991 году под редакцией Олега Александровича Ржешевского, опубликовано письмо Гитлера к Муссолини от 21 июня 1941 года. В нем фюрер уведомляет дуче о предстоящем нападении на СССР и пишет: «И если я медлил до настоящего момента, дуче, с отправкой этой информации, то это потому, что окончательное решение не будет принято до семи часов вечера сегодня». Это сколько же времени оставалось до перехода границы?! Но если сегодня почитать прессу и даже литературу, создается мнение, что абсолютно все — кроме, пожалуй, Сталина — знали о том, что война начнется 22 июня. А Сталин не знал только потому, что не хотел в это верить.

НИКИФОРОВ: Нет, конечно, это не так, и вопрос о реакции Сталина на информацию разведки перед 22 июня 1941 года следует рассматривать несколько по-иному. Мы все почему-то привычно повторяем, что он не верил, выкидывал донесения разведчиков в мусорную корзину, и отсюда возникает разговор об ошибке, которую Сталин допустил...

КИРПИЧЕНКО: Ну, сейчас никто уже так примитивно не утверждает, что, мол, разведка сообщала, что война будет 22 июня, а глупый Сталин не верил и бросал это в мусорную корзину. Это, конечно, не так. Разведка давала реальную картину подготовки Германии к войне — это была информация и устная, и документальная, и шла она на протяжении десятка лет. У нас ведь только в «Красной капелле» насчитывалось до ста источников. А подготовка Германии к войне, кстати, началась еще до прихода Гитлера к власти... Еще более точная информация разведки шла из Англии, где были известная вам «пятерка Кембриджская» и другие источники за рамками этой пятерки. К сожалению, это вообще парадоксальная вещь, но первая информационная служба разведки была создана только

в конце 1943 года. Поэтому вся постулавшая информация «заглатывалась» Политбюро и Сталиным только живьем. Направлялся документ: «Источник такой-то сообщил...» — и никакого анализа. Если же предположить, что внешнеполитическая разведка изо дня в день давала бы обобщенную систематизированную информацию, то, может быть, мнение Сталина было бы другим...

— Кстати, у нашего противника была точно такая же проблема. В книге «Лабиринт» бывший шеф внешнеполитической разведки рейха Вальтер Шелленберг пишет: «Гитлер много раз жаловался Гиммлеру на Канариса: «Военная разведка обычно направляет мне пачки необработанных документов. Конечно, они имеют большую ценность и поступают из надежных источников, но анализировать их приходится мне, что не совсем удобно...» То же самое говорилось и мне вплоть до 1944 г.».

В общем, вопреки всем утверждениям, Сталин о грядущей войне не только знал, но и готовился к ней... В чем же тогда причины катастрофы лета 1941 года?

КИРПИЧЕНКО: Ошибка Сталина была в том, что, владея достаточно серьезной информацией о подготовке Гитлера к войне, он все-таки верил в силу своей дипломатии, во все соглашения, заключенные с немцами, в пресловутый «пакт Молотова — Риббентропа».

НИКИФОРОВ: А что можно было бы в той ситуации сделать лучше, чем то, что было сделано? Что мог сделать Сталин, всерьез принимая донесения разведки? Хочу высказать такую мысль: раз мы не можем утверждать, что возможно было сделать что-то лучше, то, наверное, тогда нет и причины говорить об ошибке...

КИРПИЧЕНКО: Действительно, Советскому Союзу нужно было хотя бы полтора года для перевооружения и подготовки армии. У нас много говорят о технике, о том,

что армия была ослаблена, поскольку был репрессирован высший командный состав, и т. д. Между тем не это, пожалуй, самое главное. Недавно, кстати, «Красная звезда» уточнила этот вопрос, опубликовав материал одного западного историка. У нас ведь вообще было недостаточно комсостава! У нас накануне войны в основном «штамповали» младших лейтенантов — на курсах из более горластых и способных сержантов. Хотя Сталин стремился быстрее решить вопрос с образованием командного состава.

ГРИБАНОВ: Да, подготовка командиров перед войной была слишком уж скоротечной. Когда будущий Герой Советского Союза летчик Василий Николаевич Барсуков вступил в войну, у него было тринадцать часов налета! Немцы отпускали своих пилотов в воздушные бои, когда у них был налет 200 часов. У французских летчиков из полка «Нормандия — Неман», базировавшегося на нашей территории, — 600 часов! Понятно, что это политика... А все же этот русский мужик завалил двадцать немецких самолетов, да еще два — в группе.

ЛОБОВ: В 1923 году наши Вооруженные силы были сокращены на 5 миллионов. На всю нашу огромную страну оставили полумиллионную армию — понимаете?! А в результате мы потеряли фактически весь квалифицированный офицерский корпус нашей страны. И только перед войной спохватились — сначала довели численность армии до 800 тысяч, потом — до 1 миллиона 100 тысяч, а в конце 1940 — начале 1941 года вообще как вспышка получилась — 4,5 миллиона!

КИРПИЧЕНКО: А командиров для этой армии не было. Некомплект, как писала «Красная звезда», составлял 240 тысяч командиров.

ЛОБОВ: Пришлось их тогда брать из народного хозяйства. Те, у кого есть какая-то более-менее грамотешка, были призваны в армию. Агрономы, бухгалтеры, учителя... Вот она, реальная жизнь.

КИРПИЧЕНКО: Во время войны, когда я служил солдатом, у меня было два командира дивизиона — один с пятью классами образования, другой — с шестью.

ЛОБОВ: Они, разумеется, прошли ускоренные курсы — и все, давай иди, воюй! Воюй, не понимая в тактике, не овладев как следует оружием и тем более не разбираясь в стратегических или оперативных вопросах. Резкое сокращение армии после Гражданской войны было одной из самых больших наших ошибок... Кстати, после Великой Отечественной войны, в 1950–1960 годы, все то же самое повторилось. Был офицер — стал или кочегаром, или стригалем. Но это уже несколько другой вопрос...

НИКИФОРОВ: А если вернуться к главной нашей теме, то сегодня, видимо, уже не стоит говорить о том, что Сталин чему-то не верил, закрывал глаза на реальность, не хотел учитывать донесения разведки. Мы знаем о произведенных перебросках войск, о призыве накануне войны 800 тысяч резервистов, о документе Генштаба от 15 мая, так называемом плане Жукова, в преамбуле которого прямо указывается: на наших границах расположено столько-то и столько-то дивизий. Совершенно ясно, что наш Генштаб видел, что ему приходится иметь дело с главными силами вермахта, что все они сосредоточились и Гитлер явно собирается пустить их в ход в ближайшем будущем...

КИРПИЧЕНКО: Сталин знал, что будет война с Германией, он к ней готовился. Но он верил, что удастся оттянуть войну года на полтора путем дипломатических маневров с Германией. Сталина, кстати, очень волновал вопрос, как начнется война. Будет ли это внезапное нападение или будет предъявлен со стороны Гитлера ультиматум — мол, дайте мне Украину, дайте мне нефть, дайте мне хлеб, мне кушать нечего — и тогда можно вести какие-то переговоры, как-то выиграть время, или же нас втянут в войну путем провокации...

— Ну, относительно провокаций гитлеровцы были большими специалистами. Достаточно хотя бы вспомнить начало Второй мировой войны — захват радиостанции в Гляйвице...

КИРПИЧЕНКО: Вот отсюда и вопли Сталина: не поддавайтесь на провокации, не поддавайтесь на провокации! А провокации ведь все время были. Были обстрелы, были облеты немецких самолетов и так далее. Сталин не хотел, чтобы нас втянули в конфликт и мы таким образом лишились бы потенциальных союзников. К тому же он не верил, что Гитлер решится напасть на СССР, уже ведя войну с Англией. В этом его стратегическая ошибка, хотя, помимо внешнеполитической разведки, ему сообщали и военная разведка, и дипломатия, и разведки приграничных округов...

НИКИФОРОВ: Маршал Василевский впоследствии сказал, что надо было отбросить всякую маскировку и приводить в действия войска, невзирая на то, что будет сказано по этому поводу в мире и удастся ли Гитлеру представить Советский Союз в роли виновника столкновения. Но Сталин, мне представляется, действовал, как политик... Он понимал, что стоит только открыто объявить мобилизацию, начать передавать в армию трактора и машины из сельского хозяйства — и весь мир поймет, что Советский Союз готовится к войне. Если бы Гитлеру удалось (а он ведь очень старался) представить Советский Союз в роли виновника столкновения, страны, которая собирается напасть на Германию, то не было бы никакой гарантии, что Рузвельт и его союзники смогли бы оказать нам какую-то реальную помощь. В мире было полно сил — и в Англии, и в Америке, которые хотели бы эту войну интерпретировать как конфликт двух кровожадных диктаторов...

— Так что хотя войны избежать не удалось, и она началась для нас слишком рано, зато фашистская Германия все-

таки выступила в роли агрессора. 22 июня 1941 года Гитлер вероломно напал на СССР. Как пишут многие историки, или, точнее, «исторические публицисты», он пошел по пути Наполеона... А был ли у немецкой армии иной путь?

КИРПИЧЕНКО: Полной тождественности здесь нет. Разные эпохи, разные возможности, разные задачи... Как известно, наступление немцев началось на всем протяжении фронта, одновременно и на юге, и на севере, всюду двигалась на нас немецкая армада, так что это не было простым повторением наполеоновского прихода к нам в гости. Хотя и тот, и другой нацеливались на Москву. Объяснение простое — это столица. По мысли агрессоров ее падение должно было ускорить поражение России, Советского Союза.

ЛОБОВ: Преклонявшийся перед Бонапартом немецкий историк Дельбрюк написал «Историю военного искусства в рамках политической истории», в которой, в частности, определил два понятия: «стратегию сокрушения» и «стратегию измора». Первая из них — стратегия Наполеона, той же стратегии придерживался потом и Гитлер. Она заключалась в том, чтобы создать группировку, найти группировку противника, определить ее, нанести по ней сокрушительный удар, в обязательном порядке занять столицу государства и предъявить ему ультиматум. У Наполеона и у Гитлера были схожие планы: оба направляли свой главный удар на столицу, оба выбрали лето — июнь, считая этот месяц наиболее благоприятным по погодным и климатическим условиям. Только сухие дороги могли обеспечить блицкриг. В общем, их почерк по сути своей одинаков.

ГРИБАНОВ: Не могу согласиться по поводу схожести целей Наполеона и Гитлера. У Наполеона нигде прямо не указывалось, что его целью является захват Москвы, он хотел остановиться где-то до Витебска, но, грубо говоря,

необходимость заставила его идти на Москву, так как Русская армия отходила без боя. И если цель Гитлера — действительное завоевание России, то Наполеон хотел принудить Александра к повиновению, поддержанию континентальной блокады. И те его известные слова, что голова — это Петербург, а Киев — ноги, сказаны были только в Смоленске...

ЛОБОВ: Вы совершенно правы — Наполеон планировал идти не на Москву, а на столицу, на Петербург. Однако, отвлекая его от Питера, Александр I своими войсками — отдельным армейским корпусом графа Витгенштейна и 2-й Западной армией князя Багратиона — как бы его подхлопывал по флангам, заводя в глубь страны. Вот так и сложилась обстановка, что Наполеону удалось дойти до Москвы, по сути погубившей его армию...

НИКИФОРОВ: Главное, что и тот, и другой завоеватель были нацелены на решительный разгром наших войск и вообще нашей страны. Они выбирали те средства, которые соответствующие службы, готовившие планы агрессии, считали наиболее эффективными для достижения этих целей. Могли бы они выбрать другие пути? Те люди, которые разрабатывали план «Барбаросса», делали это с учетом имевшихся у них возможностей...

ОРЛОВ: Гитлер как политик говорил, что ему нужны Украина, Донбасс, Кавказ — т. е. южное направление. И Сталин как политик говорил то же самое: немцы будут нападать на юге, потому как им нужны криворожская руда, кавказская нефть, донбасский уголь... Но генералы Гитлера рассуждали по-военному — где путь короче? Потому что задача-то была в первом предложении плана «Барбаросса» — окружить и уничтожить. Не захватить территорию, а окружить и уничтожить Красную армию как боеспособную силу и не допустить ее отхода на русские равнины. Генералы убедили Гитлера, что надо ударять на Москву, тем более что на западе у нас была более слабая

группировка, а дороги были лучше. Такая задача и была поставлена.

НИКИФОРОВ: Можно ли сказать, что для решения этой задачи немцы могли выбрать более эффективные средства? Нет, думается, по-своему они сделали все правильно, использовали все свои возможности, но не получилось. Мы им не дали этот план реализовать.

ОРЛОВ: Пожалуй, именно с этого и начинается разговор о нереализованных возможностях захватчиков. С чего начал сыпаться план «Барбаросса»? Не удалось самое главное — окружить и уничтожить Красную армию, не дав ей отступить. Но она начала отступать. Да, в беспорядке. Да, не все получалось, но мы сорвали первую установку противника, и гитлеровский план начал срываться по времени. Вот она, нереализованная возможность Гитлера! Красную армию окружить не удалось...

— И тут возникает совершенно непонятный для многих вопрос. Враг рвется к Москве и Ленинграду. Чтобы его остановить, в бой бросают все резервы — курсантов, ополченцев, а между тем в августе 1941-го две армии Закавказского фронта и одну — из Среднеазиатского военного округа вводят в Иран, где 52-я отдельная армия, но уже под каким-то другим наименованием, остается на всю войну. Нужно ли это было? Для чего?

ОРЛОВ: Это был совершенно правильный стратегический и политический ход. Иран буквально кишел немецкой агентурой, рядом с ним находится Турция, и на наши южные границы вполне могло быть совершено нападение. Понимали это не только мы, но и англичане, которые вошли туда вместе с нами в августе 1941-го. Мы с севера, англичане — с юга. Три наши армии заняли Иранский Азербайджан и часть Иранского Курдистана. Наши войска оставались там на всем протяжении войны — как гарантия того, что на нас оттуда не нападут...

КИРПИЧЕНКО: Зачем в Иран вошли такие силы — целых три армии? Наверное, наше командование предполагало, что немецкое вторжение в Тегеран будет более решительным...

ЛОБОВ: К присутствию наших войск в Иране можно относиться по-разному. Но, во-первых, это было обусловлено договором, подписанным СССР с Ираном еще в 1921 году, а во-вторых, у нас было соответствующее соглашение с Англией и США. Наши союзники боялись, что не только Иран, но и весь Ближневосточный регион может оказаться в руках у немцев. А ведь Ближний Восток — это нефть. И в том главная причина всего...

КИРПИЧЕНКО: Действительно, в планах Гитлера было после занятия Москвы двинуть свои войска в Индию — через Иран и Афганистан, чтобы тем самым нанести решительный удар в войне с Англией. Дух Наполеона над нами витает все время, иногда подсказывая нам хорошие идеи...

— Да, это напоминает совместный план французского императора и нашего Павла I о походе на Индию. Есть версия, что, к сожалению, именно этот план и заставил англичан «спонсировать» убийство русского государя...

КИРПИЧЕНКО: Помимо всего, Иран был тем местом, где было очень много немецкой агентуры. Немецкие советники разных мастей чувствовали там себя очень вольготно. Так что введение туда войск было полностью оправдано не только в плане военном, но и в политическом, экономическом, разведывательном — каком угодно. Кстати, почему-то мало говорится о том, что там были и американские войска — они охраняли морские порты, ведь через Иран шло снабжение Красной армии той военной техникой, которую нам поставляли и США, и Англия. Присутствие наших войск было необходимо и затем, чтобы обеспечить этот коридор. Хотя у нас долгие годы имелась

тенденция преуменьшать значение этой помощи, но она была достаточно весомая. Собственно говоря, лично я на фронте наших полуторок и пятиторок не видел — все были иномарки: «шевроле», «студебеккеры» и так далее.

ЛОБОВ: Мы сейчас много говорим о ленд-лизе, но о том, что он обошелся нам очень дорого, как-то не вспоминаем. Кстати, ленд-лиз появился потому, что Рузвельт решил вывести из застойного состояния свою экономику, военную экономику — в первую очередь. Это во-первых, а во-вторых, чтобы закабалить и сделать своими союзниками те государства, которые, как считали США, должны находиться под их влиянием. И вот уже вскоре Англия оказалась должна США через это вооружение 57 миллиардов долларов.

— Астрономическая сумма! Ведь тогдашние доллары были гораздо дороже сегодняшних «баксов»...

ЛОБОВ: Кстати, американское оружие получала и Япония. И когда один из конгрессменов спросил Рузвельта, почему США дают оружие Японии, с которой воюют, то президент отвечал, что Япония может быть врагом не только Соединенных Штатов Америки, но и другого государства... По ленд-лизу, кстати, вооружались Франция, Голландия, Швеция и другие государства. Но мы почему-то сейчас об этом забываем.

— Вы вспомнили о Японии. А ведь ее вступление в войну против СССР могло бы самым радикальным образом отразиться на всем ходе событий, и о возможных последствиях этого сейчас можно только гадать...

ЛОБОВ: Япония сосредоточила в Маньчжурии миллионную группировку, поэтому и мы тоже были вынуждены держать там свою миллионную группировку. А может, у кого-то была задача расплыть силы и средства Советского Союза? Вот, те три армии, которые были в Иране,

если бы они в 1941-м оказались на фронте? И если бы с Дальнего Востока тогда же была переброшена миллионная, хорошо вооруженная армия на советско-германский фронт? В конце концов, Япония видела, что Германия дошла до Москвы, — почему она не нанесла удар?

КИРПИЧЕНКО: В Японии были серьезные противоречия между премьер-министром, правительством и военным руководством. Военные все время настаивали на том, что нужно бить по советскому Дальнему Востоку. Премьер-министр возражал. В конце концов, все согласились на том, что, когда Москва падет, Японии надо выступать.

ЛОБОВ: Поэтому, значит, когда Германия стала отступать, а наши войска двинулись на Запад, Япония продолжала сохранять свою пассивную позицию?

КИРПИЧЕНКО: Да, когда немцев отбросили от Москвы, то у многих в Японии начали меняться суждения по поводу возможности вступления в войну. Гитлер все время давил на японцев, грубо давил, но чем больше успехов было на советско-германском фронте, тем меньше было у них желания вступить в войну. Потом, когда началась более активная экспансия Японии в район Тихого океана, японцы стали говорить Гитлеру, что, мол, у нас проблемы здесь. Когда же началась война с Соединенными Штатами, они прямо заявили, что на два фронта воевать не могут.

— То есть вопрос японской агрессии на Дальнем Востоке, по счастью, остался для нас в качестве реальной, но нереализованной противником возможности...

ЛОБОВ: Изучая войны, мы всегда считаем, что в их ходе и исходе заинтересованы только две противоборствующие стороны. А вот третью сторону мы никогда не видим, и она как бы ни в чем вообще не заинтересована. Между тем чаще всего именно она мудро (или хитро?) остается за кадром, определяет реализованные и нереализованные

возможности. Вернемся к наполеоновским временам. Самое главное противоречие того времени — противоречие между Англией и Францией, что естественно. Но когда Наполеон пошел войной на Россию, Англия ничего не сделала, хотя и могла бы нанести удар во фланг Франции, который абсолютно не был прикрыт — все войска ушли в Россию... Войной на Россию пошел Гитлер, все его главные войска по сути дела были задействованы на советско-германском фронте. И опять до 1943 года никто фактически пальцем не пошевелил! Ни та же самая Англия, ни появившаяся за ней Америка. Значит, избирая свое направление, и Наполеон, и Гитлер были уверены в том, что они беспрепятственно проведут свою стратегию. Почему же им действительно никто не мешал? Кстати, в книге Уткина, это великолепный писатель и дипломат, говорится, как еще в 1938 году Рузвельту сказал один из его союзников, что надо сделать так, чтобы Советский Союз и Германия больше уничтожили друг друга. Тогда, мол, мы будем иметь хорошие внешние рынки...

КИРПИЧЕНКО: Что ж, позиция Англии, а следовательно и позиция США достаточно хорошо известны. Англичане и американцы сознательно оттягивали открытие второго фронта, давая возможность противоборствующим сторонам как следует обескровить друг друга... Между тем, долгое время оставаясь как бы за кадром, США в своих интересах действовали достаточно напористо и активно. Забегая вперед, скажу, что, когда руководители трех стран собирались на Тегеранской, Потсдамской и Ялтинской конференциях, у Сталина было достаточно полное досье о позициях союзников, что облегчало ему работу.

ЛОБОВ: Да, теперь уже известно, что в предвоенное время у нас разведка была великолепная. Иногда просто удивляешься, до какой степени все было отлажено, сколько людей туда было послано, как они там работали.

— Но ведь, к сожалению, не всей полученной разведывательной информацией удалось распорядиться должным образом. И в том также кроются реальные, но не реализованные или упущенные возможности...

ОРЛОВ: Ну, здесь достаточно обратиться к декабрю 1941-го, когда мы отогнали немцев от Москвы примерно на 100–250 километров. 5 января у Сталина в Ставке происходит совещание, Жуков предлагает наступать и дальше, но только на одном центральном направлении. Потому что на другие нет сил, нет боеприпасов — 1–2 выстрела на сутки на одно орудие. А Сталин принимает решение: наступать шестью фронтами на трех стратегических направлениях. Жуков пытался возразить, Сталин его грубо осадил и сказал, это было оформлено директивным письмом, что нужно сделать 1942 год годом окончательного разгрома немецких фашистов. Возникает вопрос, когда читаешь воспоминания Жукова: что, Сталин так просто это решил? Нет, не просто...

ЛАБУСОВ: Из Германии, Франции и других стран наша агентура сообщала, что немцы выдохлись в зимнем наступлении и блицкриг сорван. На них также очень повлияло вступление в войну Америки... Были получены документы из французского генштаба — информация представителя финской армии в группе немецких армий «Север», свидетельствующая, что если русские продолжат наступление, то немцы будут бессильны перед Красной армией и не смогут нанести ей предполагавшийся удар весной 1942 года.

ОРЛОВ: К сожалению, все это были ошибочные оценки...

ЛАБУСОВ: Ошибочные — да, но это не была дезинформация!

ОРЛОВ: Нет, ни в коем случае! Это, пожалуй, было отражение тех настроений, той эйфории, которая царила

на Западе по поводу нашей победы под Москвой. Даже американцы в марте начали разрабатывать планы высадки в Европу...

— Боялись опоздать к «разделу пирога»?

ОРЛОВ: Разумеется, потому что считалось, что рейх вот-вот рухнет. И Сталин принял решение — ошибочное решение — продолжать наступление на трех стратегических направлениях. Хорошая возможность наступать на одном, главном, направлении реализована не была. Силы оказались разрознены, в результате чего, хотя мы и владели стратегической инициативой до апреля, задачи, поставленные фронтам, не были выполнены. Вот роль разведки в таких важнейших ситуациях...

ЛАБУСОВ: Без комментариев.

КИРПИЧЕНКО: Я думаю, что на совести Сталина не только эта ошибка — были и другие, но, наверное, в наше время ему приписывается гораздо больше ошибок, чем было на самом деле.

— Известно, что в советские времена чем более бестолков и беспомощен был наш правитель, тем больше его поддерживали и хвалили на Западе. Наверное, если бы Сталин был действительно так плох в роли Верховного главнокомандующего, как сейчас утверждают некоторые, немцы бы не пытались его убрать...

КИРПИЧЕНКО: Действительно, пресса время от времени пишет о том, как наш предатель был экипирован под руководящего работника военной контрразведки и со своей напарницей на самолете, потом на мотоцикле поехал в Москву убивать Сталина... Конечно, факт сам по себе интересный, картинка яркая... Но как бы он убил Сталина? У нас была такая жесткая система пропуска и на парады, и на разные совещания, что этот человек не смог бы ни приблизиться, ни пробиться к Сталину. Все

эти покушения — утопия, дотянуться немцам до Сталина было просто невозможно.

— Ну а как же предотвращенная советской разведкой попытка покушения на «большую тройку» в Тегеране в 1943-м? Ведь это была реальная угроза...

КИРПИЧЕНКО: Да, это яркая страница в истории разведки. Повезло Николаю Кузнецову, встретившему фон Ортеля, который ему проговорился, что намечается серьезная акция. Фон Ортель руководил спецшколой по подготовке диверсантов в Гааге и со своими «учениками» сам должен был ехать в Тегеран. Он не сказал про убийство «большой тройки», но это можно было понять. Ни одна информация никогда не принималась как достоверная на сто процентов — всегда идет ее глубокая перепроверка, перепроверка, перепроверка... Та информация, которую получил Кузнецов, оказалась первой ласточкой. В последующем она подтвердилась, и мы уже действовали не вслепую.

ОРЛОВ: Кстати, то, о чем мы говорили — что в Иране стояли союзные войска, сыграло свою роль в выборе Сталиным места для Тегеранской конференции. Ни Рузвельту, ни Черчиллю в Иран ехать не хотелось. У президента были на носу выборы, тащиться ему через полмира на тогдашних самолетах было трудно. Черчилль предлагал Каир, но Сталин настоял на Тегеране.

— Президент хотел одного, премьер-министр — другого, а последнее слово все-таки осталось за советским руководителем. Почему?

ОРЛОВ: Пока не начались убедительные стратегические победы на советско-германском фронте, никто с нами не считался. Но после Сталинграда и особенно Курска всем стало ясно, что Советский Союз — это уже такая сила, которую нельзя не признавать. Я бы сказал, что в Тегеране

Сталин сумел переплавить наши стратегические успехи в политическую победу...

— То есть Советский Союз заставил себя бояться как мощную военную силу?

ОРЛОВ: Нет, все гораздо сложнее. 1943 год характерен также целым рядом знаменательных событий, происшедших в нашей державе. Мы повернулись в сторону национальных интересов — распустили Коминтерн, показав союзникам, что мы — национальная держава. Когда у нас начались успехи, мы сменили послов в Британии и Америке. Литвинов и Майский были хорошими дипломатами, но они привыкли просить, а тут уже пришло время требовать, для этого нужны были люди более жесткие — поехали Федор Тарасович Гусев и Андрей Андреевич Громыко. Наконец, в начале 1943-го была сменена военная форма: введены погоны, стоячие воротнички — тем самым как бы кончалось с той армией, которая терпела поражение, и создавалась новая армия, которая пойдет только к победам... Кстати, год и закончился знаковым явлением — принятием нового гимна. Все это говорило миру, что вместо отсталой азиатской страны на арену вышла новая мощная сверхдержава, встающая вровень с такими гигантами, как Соединенные Штаты и Англия. Итак, Сталин настоял на Тегеране — он мог теперь настаивать, и он правильно это сделал...

КИРПИЧЕНКО: Конечно, Верховный главнокомандующий далеко куда-то уезжать не мог...

ОРЛОВ: Тегеран находится близко к нашим границам — всегда можно было вернуться, если потребует обстановка.

— Тем более что, несмотря на все только что сказанное, в конце ноября обстановка на советско-германском фронте складывалась совсем не простая... Мощное контрнаступление

ние гитлеровцев развернулось на Киевском направлении; наши войска вновь высадились на Керченском плацдарме и вели ожесточенные бои, но развить наступление с целью освобождения Крыма не могли; хотя блокада была прорвана, но Ленинград все еще оставался во вражеском окружении...

ОРЛОВ: Немаловажную роль в выборе места проведения конференции играло также и то, что советское и английское посольства были расположены рядом, а американское находилось в полутора километрах. Сталин это, конечно, знал, он пригласил Рузвельта к себе, чтобы тот жил в нашем посольстве, и тот принял предложение...

КИРПИЧЕНКО: Американское посольство в Тегеране не только располагалось на далекой дистанции от советского, но и вообще на окраине Тегерана, в каком-то таком бандитском районе... Оттуда Рузвельта нужно было буквально вытаскивать.

ОРЛОВ: Но это, кстати говоря, было одной из предпосылок той политической победы, которую мы одержали в Тегеране. Потому что там мы «раскололи» англо-американцев — Рузвельт поддержал Сталина, а не Черчилля.

КИРПИЧЕНКО: Хотя конференция проходила очень напряженно, но это был первый контакт «Большой тройки», и какое-то взаимопонимание там все-таки наладилось...

— Наладилось, насколько можно понять, и взаимопонимание спецслужб союзных государств?

КИРПИЧЕНКО: Наши контакты со спецслужбами Англии и США были очень трудными. Англичане не передавали нам ту информацию, которую должны были бы передать как союзники, поскольку это касалось планов Гитлера ведения войны на советском фронте. Зато

в Кабуле, в Афганистане и в Тегеране у нас был с ними достаточно плодотворный контакт. В частности, накануне Тегеранской конференции мы с англичанами переловили и разгромили диверсионные группы, которые уже начали высаживаться. Так что здесь уже было реальное взаимодействие разведок. Хотя англичане и здесь нас обманывали, но думаю, что и мы не были во всем искренни... Тем не менее контакт со спецслужбами союзников у нас на наших южных границах был.

— Итак, ликвидировать «большую тройку» в Тегеране гитлеровцам не удалось. К чему могло бы это привести, можно только предполагать — и то весьма приблизительно. Хотя, конечно, война с Германией продолжалась бы в любом случае. А вот что произошло бы, если бы удалось покушение на Гитлера? Ведь для этого были не просто реальные возможности — таких покушений известно несколько, каждый раз покушавшиеся были очень близки к цели, а фюрер 20 июля 1944 года спасся буквально чудом... И вообще, кто хотел устранить Гитлера? Кому это было нужно и выгодно?

КИРПИЧЕНКО: Учтите прежде всего, что у нас недовольных Сталиным военачальников в ту эпоху не было. Никому из советских полководцев тогда, пожалуй, не могло даже в страшном сне присниться, чтобы Сталина сбросить или какой-то заговор устроить. Зато многие гитлеровские генералы были недовольны политикой фюрера и шли на организацию покушений...

— То есть, наверное, нашей разведке объективно было выгодно выйти на эти оппозиционные круги и как-то направлять их усилия по уничтожению руководителя нацистского государства?

КИРПИЧЕНКО: Нет, наша разведка к этому никакого отношения не имела, и мы этим процессом не управляли. Если кто-то скажет, что советская агентура

помогала в организации покушения на Гитлера, это будет только легенда, от которой Борис Николаевич Лабусов как официальное лицо тут же отмежевался бы, сказав свою коронную фразу: «Мы бульварные сообщения не комментируем, эти утверждения находятся на совести автора». Нашего участия в этих покушениях не было, это совершенно точно!

— Так, значит, искать в событиях 20 июля так называемый «советский след» было бы напрасно... А все же, почему?

КИРПИЧЕНКО: На страницы прессы сейчас проникла такая интересная мысль: может быть, нам и не очень выгодно было бы убийство Гитлера? Ведь в результате пришли бы другие люди, которые, по мнению авторов, сразу бы заключили сепаратный мир с США и с Англией... Как говорят юристы, такая гипотеза имеет право на существование. Так что вопрос это очень сложный, и ответы на него могут быть только приблизительные...

— Но ведь насколько известно, Запад и так вел сепаратные переговоры с руководством рейха о капитуляции...

КИРПИЧЕНКО: Для собственного удобства я условно вычислил десять главных направлений работы разведки во время войны. Одно из них — слежение за сепаратными переговорами. Да, такие переговоры были. Но, во-первых, вел их не Гитлер, а в основном его оппозиционеры: лица духовного звания, военачальники, промышленники, какие-то политические деятели второго плана. Именно они все время искали контактов с США и Англией.

— Еще, по свидетельству того же Вальтера Шелленберга, на переговоры пыталось выйти и руководство СС...

КИРПИЧЕНКО: И это было, но ни американцы, ни англичане реально ни на какие переговоры не шли. Они выслушивали предложения и говорили, что немецкая

армия должна капитулировать и что с Гитлером должно быть покончено. Правда, они не всегда информировали нас об этом, чем Сталин успешно пользовался... Но это не были в полной мере сепаратные переговоры, тем более — по поручению Гитлера и с какими-то решительными намерениями.

— Сейчас, однако, появилась версия, что и советское руководство пыталось заключить с Германией какие-то сепаратные соглашения. Так ли это?

КИРПИЧЕНКО: Я понимаю, что эта информация взята из новой книги писателя Владимира Карпова. Но это его сугубо личное предположение. Никаких переговоров у нас с немцами не было! Хотя теоретически можно допустить, что для того, чтобы выиграть какую-то передышку, перегруппироваться, можно было пойти и на такой вариант...

— Если опять-таки обращаться к той же аналогии 1812 года, то можно вспомнить ситуацию с Лористоном, который был уверен, что находившийся в Тарутинском лагере фельдмаршал Кутузов ведет с ним мирные переговоры. А на самом деле Михаил Илларионович всего лишь только тянул время...

КИРПИЧЕНКО: Однако в данном случае, в отличие от 1812 года, никаких материалов о сепаратных переговорах — подлинных или мнимых — нет и не было. У нас в разведке их совершенно точно нет, и я категорически не поверю, что они могут быть где-то еще. Не вели мы переговоров с немцами!

ЯКОВЛЕВ: Мне хочется вернуться к вопросу о реализованных и нереализованных возможностях... Как раз сейчас на телеканале «Россия» мы делаем двухсерийный документальный телевизионный фильм, посвященный Курскому сражению, событиям лета 1943 года. Известно, что мы хорошо подготовились к этому сражению, создали

глубокоэшелонированную оборону, полностью знали все о планах немцев... Но почему, несмотря на все это, мы понесли слишком большие потери? Могли ли мы избежать этих потерь и меньшей кровью добиться тех же самых известных результатов?

НИКИФОРОВ: Вынужден отметить устойчивый и давний интерес нашего телевидения к потерям Красной армии. Каждый раз, получая передачу о войне, мы уже настраиваемся, что будет разговор о том, что у нас были слишком большие потери. Это очевидная тенденция! Причем, этот вопрос достаточно провокационный: он предполагает разговор о том, что, собственно, наши командиры сделали не так, какие допустили ошибки, из-за которых и были слишком большие потери. Т. е. ответ на этот вопрос заранее программируется. Мне кажется странной сама правомерность постановки этого вопроса. Что это значит — «слишком большие потери»? Что, у вас уже существует какая-то «норма потерь»? Но мы же не на рынке, чтобы взвешивать, где «слишком много», где «нормально»! По-моему, и одного погибшего от пули захватчика «слишком много» при нормальном восприятии!

ЯКОВЛЕВ: По военной науке известно, что тот, кто обороняется, всегда несет меньшие потери, чем наступающая сторона.

РЯБОЧКИН: Есть, конечно, теоретическое соотношение потерь — один к трем, обороняющийся — нападающий. Но надо учитывать, что в Курской битве мы же не только оборонялись, мы потом и наступали, и тут уже немцы оборонялись...

ЯКОВЛЕВ: Но ситуация 1943 года — несколько другая, чем была в начале войны. Техника была другая, армия во многом уже была другая. Казалось бы, было и время подготовиться — и все равно подсчеты потерь один к 6, один к 7...

КИРПИЧЕНКО: Действительно, гитлеровцам противостояла уже другая армия. Но какая сила была брошена против нас! По замыслу Гитлера, Курская битва должна была стать реваншем за все поражения — и за Москву, за Сталинград... Туда были брошены невероятные силы — помимо новых танков и САУ, были еще и самолеты новые: «Фокке-вульф-190А», «Хейнкель-129», и войска были отборные. Поэтому ставить в вину, что мы много потеряли в этом сражении, просто невозможно. Хотя, конечно, если бы наши офицеры были более грамотными, окончили бы нормальные трехгодичные училища, если бы солдаты не с колес бросались в бой, а прошли бы такую подготовку, как немецкие солдаты, наверное, потерь было бы меньше. Но говорить об этом беспредметно.

ОРЛОВ: Учтите, что мы воевали на своей земле, причем многие освобождали даже свои родные города и села, и видели, что там творилось. Конечно, все это прибавляло ненависти к врагу, а ненависть, как известно, не всегда лучший советчик. В бою нужен трезвый расчет! Но иногда нужно было быстрее освободить всё — любой ценой, и за ценой мы тогда действительно не стояли... Так что, говоря о том, что наши войска несли в боях потери большие, чем союзники, следует учитывать, что американцы и англичане воевали за тридевять земель от своих домов, тыл у них был совершенно обеспечен, они могли себе позволить наступать методически — ни шагу вперед без гарантии успеха. Чуть авиация не добила противника — все, никаких наступлений.

ЛАБУСОВ: При этом, только немцы начали свое наступление в Арденнах — наши союзники от них сразу же убежали.

НИКИФОРОВ: Мы получали такие потери, которые объективно складывались и зависели от массы факторов, а вовсе не от того, кто командовал в данной конкретной

ситуации, и т. д. Говоря о Курской битве, я, например, не вижу каких-то откровенных ошибок, принципиально неверных решений, принятых либо на уровне Генерального штаба, либо на уровне командующих фронтами или армиями, которые привели бы к существенному увеличению наших потерь...

ОРЛОВ: Я думаю, что ошибки, конечно, были, хотя весь 1942 год ушел на обучение нашей армии современной войне. Обучение это шло в ходе боев, отсюда и огромные потери не только в 1941 и 1942 годах, но и в 1943-м тоже. Маршевое пополнение приходило слабо обученное. Дивизии бились до последнего, потом их отводили, приходили другие, которые все начинали заново. Плохое взаимодействие было между пехотой и танками, между танками и авиацией — еще не удалось ликвидировать «радиобоязнь» в управлении... Впрочем, более подробно, думаю, мы все это обсудим на очередном заседании «круглого стола» в редакции «Красной звезды», посвященном непосредственно Курской битве. Сейчас же скажу только о том, что на Центральном фронте немцы смогли прорваться лишь на 12 километров, на Воронежском — на 35, и дальше они не прошли! А оборона была 250 километров в глубину, и гитлеровцы в ней завязли.

НИКИФОРОВ: Услышав «1 к 6, 1 к 7», я понял, что вы исходите из совершенно ошибочной предпосылки. Подобное соотношение не имеет в науке ни малейшего оправдания. Наши потери на протяжении многих лет достаточно досконально изучены коллективом под руководством генерал-полковника Кривошеева. Здесь, конечно, остались какие-то узкие места, тем не менее все историки приняли это исследование, и ничего более достоверного на сегодня просто нет. Но что касается немецкой стороны, цифры, которые сами немцы называют о своих потерях, совершенно разные, и доверять им невозможно. У них нет ничего подобного нашему исследованию. Например,

один историк вообще заявил так: «Фельдмаршал Кейтель, когда его вели на виселицу, сказал: «Я уйду туда, где два миллиона моих солдат!» Следовательно, немецкие потери составляют два миллиона». Т. е. цифра немецких потерь явно взята с потолка. Точно так «среднепотолочным методом» подсчитываются ими и потери сторон в Курской битве.

ОРЛОВ: Автор одного немецкого исследования утверждает так: *«Подсчитать немецкие потери не представляется возможным. Они колеблются от двух до девяти миллионов»*. Имеются в виду только убитые. А вместе с ранеными, погибшими от бомбардировок — 13 миллионов с лишним.

НИКИФОРОВ: И при этом своих союзников они не учитывают вообще, подсчет потерь ведется в границах рейха 1939 года.

ОРЛОВ: Известно, что наши Вооруженные силы потеряли в Великой Отечественной войне 8600 тысяч. Немцы приблизительно потеряли 7 миллионов и еще 950 тысяч потеряли их союзники. То есть соотношение по вооруженным силам примерно одинаковое...

ЛОБОВ: К сожалению, мы не разделяем понятия «война» и «боевые действия». Говоря о Великой Отечественной войне, мы все в общем-то сводим к десяти сталинским ударам и молотим: танки — сюда, авиация — туда, стрелы рисуем... Не в этом дело! Война — это не только боевые действия. Это борьба экономик, идеологий, дисциплины, менталитетов народных, информационная борьба... Пора бы, наверное, нашей науке разделить и проанализировать, что же у нас было в войне, и что — в боевых действиях. И тогда все встанет на свои места... Мы одержали победу в вооруженной борьбе над очень сильным противником — одержали ее очень дорогой ценой. Но говорить при том, что это были «большие потери», «малые потери» по меньшей мере бестактно.

НИКИФОРОВ: Кстати, кто может обоснованно и доказательно утверждать, что советское руководство, наше командование с первого дня войны и даже с довоенного времени не стремились минимизировать потери, все сделать для того, чтобы у нас была должная подготовка, лучшая техника? Потом, на поле боя, они стремились командовать так, чтобы нанести врагу бóльшие потери, чем себе. К сожалению, ряд объективных условий не всегда позволял это сделать... Но вспомните недавно процитированную «Красной звездой» директиву за подписью маршала Жукова, впервые опубликованную в книге «Война 1941–1945. Факты и документы» — о «ненормальных потерях»... Думаю, кстати, этот документ дезавуирует еще одну устойчивую «легенду» нашей прессы — о том, что Маршал Победы людей не жалел.

ЛОБОВ: Подводя итог нашего разговора, скажу, что считаю, что во время Великой Отечественной войны мы реализовали абсолютное большинство своих возможностей. Другой вопрос: что мы получили в результате их реализации? Как все это отразилось на последующем развитии СССР, на судьбах Европы и всего мира? Прежде всего, следует учесть, что мы дважды разрушили европейскую часть своей страны. Дважды! Когда немец сюда шел — он разрушал, и когда уходил — опять разрушал. Мы также получили полностью разрушенную восточную часть Европы: разрушенные Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, восточную часть Германии. А что получила та сторона? Абсолютно целую Францию, абсолютно целую Англию, абсолютно целую Голландию, Данию, Австрию, Испанию, Италию... Мы понесли огромный урон, зато для наших союзников образовался огромный рынок сбыта. Мы потеряли 27 миллионов, американцы — 200 тысяч, тот же Гитлер потерял 17 миллионов граждан Германии, но не реализовал своих возможностей. И когда мы говорим о реализованных возможностях, оценку нам надо

давать объективную, чтобы мы не допустили впредь такого явления, которое по нашей стране вот так произошло. Еще насчет реализованных и нереализованных возможностей. В 1941 году мы были вынуждены перебросить с запада на восток, за Урал, все то, что смогли, и еще должны были все военизировать — делать танки, самолеты, остальное вооружение... Последствия этого, кстати, мы ощущаем до сих пор... Я думаю, что нам не раз еще стоит вернуться к итогам и урокам Великой Отечественной войны. Ведь тема эта очень и очень злободневная, а мы к ней на протяжении достаточно долгого периода времени подходили как-то очень уж односторонне.

Заседание пятое:

«После Курска в войне произошел решительный поворот»

12 июля 2003 года в редакции прошел круглый стол, посвященный 60-летию победы на Орловско-Курской дуге. В разговоре участвовали гвардии генерал-лейтенант артиллерии С. Е. Попов — в ту пору командующий артиллерией 36-го корпуса, В. А. Кирпиченко, Г. А. Куманев, М. Ю. Мягков, А. С. Орлов, О. А. Ржешевский, В. В. Соколов и А. А. Чурилин.

ЧУРИЛИН: Начнем с ситуации, сложившейся к лету 1943 года. Доминирующим фактором, определявшим ситуацию в Европе и вообще в глобальном масштабе, явились последствия Сталинградской битвы. Главная ударная сила фашистской коалиции понесла серьезнейшее поражение: значительную группировку наиболее оснащенных и подготовленных ударных сил потеряли немецкие войска, значительные потери понесли и союзники Германии. Как следствие поражения немцев на Волге Красная армия перешла в наступление, которое увенчалось освобождением значительной части территорий, утраченных в ходе летних боев 1942 года.

ПОПОВ: Однако немцы не теряли надежды на реванш...

ЧУРИЛИН: И это при том, что они понесли серьезные потери не только в Сталинграде, но и в районе Ленинграда, на других участках советско-германского фронта... Все же

окончательно они своих ударных возможностей, конечно, не утратили.

МЯГКОВ: Поэтому уже в марте 43-го они смогли прийти в себя и нанести ряд контрударов, в частности — на Южном направлении. Немцы остановили наступление наших войск и вновь захватили Харьков, после чего, в общем-то, и образовался этот знаменитый Курский выступ...

— Но разве можно сказать, что поражение прошло для них совершенно бесследно и к лету 1943 года они полностью оправились после Сталинградской катастрофы?

ЧУРИЛИН: Учтите, что Сталинград в значительной степени потряс основы самой фашистской коалиции. Для партнеров Германии это был первый и очень тревожный сигнал. К тому же, понесенные союзниками Германии потери в пропорциональном отношении были несоизмеримы немецким — если брать незначительные, в общем-то, по численности войска Румынии и Венгрии. Да и итальянский контингент был почти полностью уничтожен на Восточном фронте...

— При этом, однако, никто из союзников фашистской Германии из войны выходить не собирался...

ЧУРИЛИН: Да, несмотря на понесенные потери, говорить о крутом повороте в сознании руководства этих государств было бы преждевременно. Конечно, раздавались голоса о необходимости постепенного отхода от союза с Гитлером, но это не было доминирующим настроением в таких странах, как, скажем, Финляндия или Венгрия. Они продолжали посылать свои войска на советско-германский фронт, поддерживать там значительный воинский контингент, сохранявший высокую боеготовность.

— Хотя второй фронт в Европе открыт еще не был, наши союзники тоже вели боевые действия. Как отразились

результаты этих сражений на обстановке, сложившейся в Европе и мире к лету 1943 года?

ЧУРИЛИН: Действительно, они вели довольно активные и широкомасштабные боевые действия, но на второстепенных театрах военных действий. Силы, вовлеченные со стороны немцев и итальянцев в сражения в Северной Африке, попросту несоизмеримы с теми, что были у них на Восточном фронте. Частенько приходится слышать, что крупные сражения происходили в 1942–1943 годах на Тихом океане. Да, это были очень большие бои, с участием авианосцев, широким использованием морской авиации, подводных лодок, но говорить о решающем значении сражений на Тихом океане, которые ставили бы Японию в критическую ситуацию, было трудно...

МЯГКОВ: Между тем, именно в этот период в США и Великобритании возникают различные тенденции, мысли, пишутся доклады о том, как дальше поведет себя Россия. Не пойдет ли она, например, на замирение с Германией, чтобы создать некий континентальный блок и сделать невозможной высадку союзников во Франции и в целом в Европе? Были даже такие мысли.

ЧУРИЛИН: Действительно, у нас в отношениях с нашими партнерами создалась непростая, тревожная ситуация. Между Вашингтоном, Москвой и Лондоном нарастало взаимное недоверие. Союзники уже в третий раз проинформировали нас о своей неготовности осуществлять операцию по вторжению во Францию в 1943 году. Таким образом, мы в третий раз должны были выдерживать в одиночестве очередную летнюю кампанию... Еще одним неприятным сюрпризом стал для нас отказ союзников от осуществления конвоев через Север, по самому короткому пути, который давал довольно значительное количество материально-технических средств для поддержки Красной армии. С марта 1943 года переходы по

Северу западных конвоев прекратились и возобновились лишь в сентябре. То есть практически на полгода мы были лишены возможности получать помощь через Северный Ледовитый океан.

МЯГКОВ: Дело дошло до того, что США и Великобритания думали об отзыве своих послов из Советского Союза. Мы, кстати, тоже думали отозвать своих полпредов...

ЧУРИЛИН: Опасения в Москве вызывали также сложные и не вполне понятные маневры британской дипломатии вокруг Турции, войска которой в критические дни битвы на Волге стояли в боевой готовности к вторжению на советскую территорию. А в феврале 1943-го, через несколько дней после Сталинградской победы, Черчилль встречается с турецким руководством. Это, конечно, выглядело крайне двусмысленно... Тем более что после этой встречи турки заключили еще один экономический договор с Германией. Как это следовало понимать?! Какую цель преследовала английская политика на южном направлении?

— То есть наших союзников можно упрекнуть, мягко говоря, в неискренности. Впрочем, британцы всегда очень ревниво относились к российскому продвижению на юг или юго-восток...

ЧУРИЛИН: Известно, кстати, что сообщение Черчилля о том, что в 1943 году Второй фронт открыт не будет, Сталин получил 19 июня — то есть в самой преддверии Курской битвы. Я хотел бы, чтобы мы подумали: а что, если немцы читали эту конфиденциальную переписку? Хотя это вопрос гипотетический, но...

— На современном сленге это называется «подстава». Имея точные сведения о том, что союзники не будут высаживаться в Европе, немецкое командование могло бы перебросить на Восточный фронт чуть ли не все свои войска.

КИРПИЧЕНКО: Хочу вас успокоить: немцы этого письма не читали. Если бы они читали нашу переписку, то об этом неминуемо стало бы известно после войны. И сами немцы бы похвастались, и западные исследователи эту информацию раскопали бы. К тому же мы потом вывезли архивы немецкого командования, а еще кое-что было получено от ГДР. Того факта, что немцы читали нашу, американскую или английскую переписку, ни в каких документах не зафиксировано... Зато известно достоверно и доподлинно, что англичане читали переписку германского вермахта.

ЧУРИЛИН: Кстати, из публикаций последних лет, в частности — мемуаров Судоплатова, следует, что та информация, которой располагали в Москве о немецких планах, была значительно более объемной и полной, чем та, которую передавали нам англичане. Но что интересно: источник этой информации был один и тот же...

КИРПИЧЕНКО: Прежде всего уточню, что, занимаясь историей отечественной внешнеполитической разведки, мы никогда не ссылаемся на мемуары, полагая, что все-таки они не вполне научны... Ведь каждый мемуарист придерживается какой-то своей личной концепции, и никто на его мемуарах никогда не ставит печати «Верно». Хотя мемуары Судоплатова весьма интересны, Служба внешней разведки все-таки вынуждена была сказать через наше пресс-бюро, что ряд позиций автора неверен и целиком находится на его совести. Кстати, сам Судоплатов и не является автором книги, его мемуары писали американцы, супруги Шехтеры — по его воспоминаниям. Впрочем, это уже другой вопрос и перевернутая страница... А вот насчет упомянутого вами источника — действительно это был Джон Кэрнкросс, английский дешифровальщик, один из знаменитой «кембриджской пятерки», сотрудничавшей с советской разведкой...

ЧУРИЛИН: Англичане давали нам информацию дозировано, и тут, очевидно, чувствовался определенный

политический умысел: сообщить далеко не всё с тем, чтобы затруднить для наших Вооруженных сил отражение немецких ударов того же лета 1943 года.

КИРПИЧЕНКО: Прежде всего, они очень боялись, что нам или кому-то еще станет известно, что они читают информацию вермахта.

— Потому что любая утечка таких сведений неминуемо привела бы к тому, что они перестали бы эту информацию читать...

КИРПИЧЕНКО: Ну, разумеется! Поэтому подробной информации, основанной на телеграфном тексте, они нам никогда не передавали, на это у них было строжайшее табу. То, что они официально передавали, было меньше по объему, может быть, как-то разбито на части, но текста телеграммы или полного ее изложения они нам никогда не передавали и никогда не ссылались на то, из каких источников это получено. Хотя по политическим мотивам они не могли скрыть от нас, союзников, те же планы наступления немцев — они их сообщали, но без излишних деталей.

РЖЕШЕВСКИЙ: Кстати, Макфарлан, глава британской военной миссии в Москве, пишет в своих воспоминаниях, что в конце июня он получил из Лондона информацию о том, что крупного наступления на советско-германском фронте летом 1943 года немцы вообще не будут предпринимать. По ряду причин он не успел передать эту информацию советскому командованию, как вдруг началось наступление. Он был очень рад, что не успел ничего сделать...

КИРПИЧЕНКО: Всякие планы на наступление сопровождаются дезинформацией. Возможно, до него дошла какая-то направленная дезинформация, которую он и собирался передать. Больше, пожалуй, я никак прокомментировать это не могу.

МЯГКОВ: Мне кажется, вряд ли кто у нас поверил бы подобной информации, или, точнее, дезинформации. Ведь на нашей стороне буквально все, начиная от Верховного главнокомандования и кончая солдатами, думали, что и в этом году немцы опять начнут свое летнее наступление. Так уж сложилось, что немцы наступают летом, а мы — зимой...

— Итак, мы подходим к вопросу о том, кем, как и когда была получена информация о готовящемся наступлении немцев под Курском...

КИРПИЧЕНКО: На эту тему существует очень много легенд. Некоторые сообщения преподносятся так, как будто бы именно они чуть ли не решили исход битвы заранее. Но я, как профессиональный разведчик, хотел бы сказать, что никакие крупные политические решения, никакие решения о крупных военных действиях никогда не принимаются по одной информации. Особенно — по первой. По единичной информации можно осуществить только какие-то частные действия... И дело совсем не в том, кто сообщил первым, а в том, кто сообщил более полную информацию.

Вышеупомянутый Джон Кэрнкросс в конце апреля, за два с лишним месяца до начала Курской битвы, передал в Москву полную информацию о том, что немецкое наступление начнется в начале июля. Это была дешифровка телеграммы в Берлин немецкого генерала фон Вейкса, который готовил немецкое наступление на юге от Курска, в районе Белгорода. В телеграмме было совершенно точно указано, какими силами немцы предпримут наступление, когда, какие силы будут действовать от Орла, какие — от Белгорода, какая новая техника будет введена. Было обозначено расположение немецких полевых аэродромов и т. д., и т. п. Кстати, изложение этого документа опубликовано в наших «Очерках истории Российской внешней

разведки». Указан и его номер — 136/М, что значит «Меркулов», нарком государственной безопасности, и дата — 7 мая 1943 года, когда документ пошел в ГКО.

Но информация перепроверялась десятки и десятки раз! Начальник Генерального штаба Василевский дал указание проверять ее через резидентуры ГРУ, войсковую разведку, Центральный штаб партизанского движения, 4-е Управление НКГБ, занимавшееся разведывательно-диверсионной работой в тылу у немцев... Когда же информация многократно подтвердилась, была начата быстрая разработка плана преднамеренной обороны.

МЯГКОВ: Между тем, в Ставке Верховного главнокомандования сложилась очень серьезная ситуация. Необходимо было принять решение — наступать или обороняться, чтобы перемолоть силы противника в ходе оборонительного сражения, а затем уже наступать с лучшими возможностями... У нас ведь еще не было такого опыта, чтобы мы в ходе Великой Отечественной войны смогли остановить немецкое наступление на тактическом уровне. И летом 1941-го, и в 1942-м немцам во время крупного их наступления удавался оперативный прорыв, который развивался в стратегический. Была большая опасность, что они опять смогут прорвать фронт и затем развернуть наступление либо в глубину России, либо опять на Москву...

ОРЛОВ: Командующий Центральным фронтом генерал Рокоссовский и Юго-Западным — генерал Ватутин стояли за то, чтобы наступать.

— Кто же, очевидно, впервые за всю войну предложил перейти к преднамеренной обороне? Почему, кстати, об этом у нас опять-таки споры?

КИРПИЧЕНКО: Все очень просто. Мне случайно попала в руки краткая биография Иосифа Виссарионовича Сталина, изданная в 1950 году, при его жизни.

Там однозначно сказано: товарищ Сталин разгадал планы немецкого командования и дал указания войскам готовиться к преднамеренной обороне. Он сидел в Кремле, и он разгадал. А еще в той же биографии говорится, что он предупредил войска о том, что немцы начнут наступление со 2 по 5 июля.

ОРЛОВ: Еще 8 апреля, когда решался вопрос, что делать в летнюю кампанию — наступать или обороняться, у нас ведь были силы и для того, чтобы наступать, — Жуков впервые предложил перейти к глубокой обороне, выбить у противника танки, а после этого перейти в решительное стратегическое наступление.

— То есть это было еще до того, как стало известно о немецких планах наступления на Курской дуге?

КИРПИЧЕНКО: Битва на Курской дуге имеет для меня ряд особенностей личного порядка... У меня ведь мать оставалась в оккупации, когда я уехал с училищем. 8 февраля 1943 года Курск освободили, но потом дальше что-то застопорилось, и я, в меру своего курсантского мышления, понимал: Белгород в руках немцев, Орел в руках немцев, Курск — у нас. Образовался выступ. И мне было понятно, что если мы не начнем наступательную операцию, то, очевидно, здесь начнут наступление немцы... Думаю, таких «оракулов», которые говорили, что немцы начнут наступление на Курской дуге, было много, поскольку все это было очевидным даже из географических контуров.

ПОПОВ: Перед началом Курской битвы я был командующим артиллерией 18-й гвардейской дивизии 16-й армии Западного фронта, которая с января по май 1943 года вела бои на Жиздринском направлении. В апреле армия, которой командовал Иван Христофорович Баграмян, вышла в резерв, была преобразована в 11-ю гвардейскую, и мы сразу же стали готовиться к наступлению на Орловском направлении...

— В чем заключалась эта подготовка?

ПОПОВ: Скажу сначала, что в то время вообще прошла реформа в войсках. В частности, восстановились корпуса. 16-я армия, например, имела в своем составе более 10 дивизий. Одновременно управлять ими всеми было сложно, а все держать в руках — просто невозможно. Были сформированы также артиллерийские дивизии, которых ранее не было. Ведь в первый период войны артиллерия Резерва ВГК была просто разбросана по всей стране: существовало 1111 частей — полков, дивизионов или отдельных батарей, поэтому быстро сосредоточивать артиллерийские силы в 1941 и 1942 годах мы просто не могли.

В нашей армии создали 8, 16 и 36-й корпуса, командующим артиллерией последнего меня и назначили. В июне — июле мы создавали эту организацию, получив на этого всего 20 дней. Готовили части, офицерский состав, получали пополнение...

КУМАНЕВ: Всесторонняя подготовка к проведению этой операции развернулась еще ранней весной 1943 года — с марта. Сюда стали доставлять войсковые пополнения, боевую технику, боеприпасы, снабженческие грузы. Кроме того, с 1 марта по 22 мая в район Курской дуги из-под Сталинграда были направлены войска бывшего Донского фронта...

— На его базе был сформирован Центральный фронт под командованием опять же Константина Константиновича Рокоссовского...

КУМАНЕВ: Кстати, для доставки войск только этого фронта потребовалось 662 эшелона. Между тем коммуникации, железнодорожная сеть в районе Курского выступа развиты не были. В особенности в полосе Воронежского фронта. Поэтому 8 июня 1943 года Государственный комитет обороны принимает решение «О строительстве железной дороги Старый Оскол — Ржава». Это — район

Сараевки. Линия сооружалась в невероятно короткие сроки. Огромные усилия предприняли Железнодорожные войска, очень большую помощь оказало местное население. Были мобилизованы все силы из местных жителей. Дорога была введена в строй досрочно, и с пуском этого участка путейцы получили возможность применить так называемое кольцевое одностороннее движение, что во много раз ускорило продвижение эшелонов.

ОРЛОВ: В результате этой подготовки на Курской дуге была создана глубокая эшелонированная оборона — восемь оборонительных рубежей, на 300 километров в глубину, она вся была должным образом организована в противотанковом отношении. Впереди, на основном направлении, находились два фронта — Центральный и Воронежский, и сзади, в тылу, — Степной фронт. Их поддерживали войска Западного и Брянского фронтов.

КУМАНЕВ: Хочу уточнить, что по сравнению с битвами под Москвой и Сталинградом размеры перевозок в район Курской дуги одной только боевой техники намного увеличились. Если в 1941 году под Москву было перевезено 219 эшелонов артиллерии, танков и техники частей ВВС, а под Сталинград с июля 1942 по февраль 1943 года — 981 эшелон с такими же грузами, то в период подготовки и в ходе самой Курской битвы было доставлено 1410 эшелонов боевой техники. В результате удалось намного увеличить силы фронтов. На 1 июля — по сравнению с 1 апреля — личный состав Центрального фронта возрос на 173 тысячи человек, Воронежского — на 206, Юго-Западного — на 157,5 тысячи человек. Количество танков на фронтах увеличилось более чем на 5 тысяч, орудий — почти на 9 тысяч, самолетов — почти на полторы тысячи.

ПОПОВ: И все же скажу, что стопроцентного технического оснащения мы тогда еще не получили. У нас в артиллерии все еще были кони, потому как был недостаток транспортных средств. Как раз перед Курской битвой

мы получили из Монголии маленьких диких лошадей. Когда их нужно было чистить, они не подпускали к себе людей, били копытами... Мы их просто вывели с позиций. К счастью, тут Америка по ленд-лизу снабдила нас машинами — «студебеккерами»...

КИРПИЧЕНКО: Да, я на фронте наших полуторок, пятитонок почти не видел — были «шевроле», «студебеккеры» и так далее...

ПОПОВ: И «доджи» были, тягачи... Мы в то время перевели большую часть артиллерии, в частности всю артиллерию Резерва Главного командования, на механическую тягу. Большое дело было сделано! А часть войсковой артиллерии все-таки еще оставалась на конной тяге.

— Степан Ефимович, вы были тогда командующим артиллерией корпуса. Что представляла собой ваша артиллерия?

ПОПОВ: В каждой из дивизий был артиллерийский полк, противотанковые и зенитные дивизионы, в самом корпусе — артиллерийский корпусной полк. Нашему 36-му корпусу была придана в оперативное подчинение 6-я артиллерийская дивизия прорыва РКК — шесть артиллерийских бригад. Плотность была — 200 орудий на километр фронта.

ОРЛОВ: Уточню, что 5-я гвардейская танковая армия — та самая, которая дралась на Прохоровском поле (я в ней служил во время войны, но позднее), имела на 12 июля 1943 года 501 танк Т-34 с 76-мм пушкой, 284 танка Т-70 — это легкий танк, танкетка, по существу! — с пушкой 45-мм, и 35 английских тяжелых танков «Черчилль», которые были очень тихоходны, очень неповоротливы и с пушкой 57-мм.

ЧУРИЛИН: Все же 1943 год характеризовался энергичным увеличением промышленной и военной мощи держав антигитлеровской коалиции. Красная армия по-

лучала на вооружение новые образцы военной техники во все возрастающих масштабах. Практически на полную мощь выходила огромная военная промышленность США, которая снабжала как собственные вооруженные силы, так и силы союзников значительным количеством военной техники — да и не только военной. Обе противоборствующие стороны находились в том состоянии, когда ресурсы их приближались к точке наивысшего напряжения, и явно обозначилось превосходство промышленного потенциала антигитлеровской коалиции.

— И все же, насколько известно, под Курском противник представил нам достаточно серьезные «новинки своего ВПК»?

КИРПИЧЕНКО: Да, хотя для нас это не было сюрпризом. Нам, в частности, было известно, что в предстоящих сражениях на Курской дуге будут задействованы новые самолеты «Фокке-Вульф-190-А» и «Хеншель-129», новые танки «Тигр» и «Пантера» с усиленной броней, самоходные орудия «Фердинанд». Кстати, они и стреляли дальше, чем наши танки...✓

ОРЛОВ: Танк Т-VI, известный как «Тигр», — это 80-мм лобовая броня, от которой наши снаряды просто отскакивали, это 60-мм бортовая броня, это пушка калибра 88 мм, снаряд которой поражал наш танк на дальности в 2–2,5 километра — между тем как огонь из наших танков становился эффективным лишь на расстоянии 800 м и ближе. Речь о Т-34, не говоря уже о Т-70...

РЖЕШЕВСКИЙ: «Тигр» действительно по целому ряду параметров превосходил танк Т-34. Прежде всего, наши танки уступали ему по бронестойкости. Если «тридцатьчетверка», по некоторым подсчетам, выдерживала 3–4 прямых попадания, то «Тигр» — 15–17, и, конечно, вследствие этой диспропорции количество наших танковых потерь возрастало...

— Когда же и каким путем была получена нами информация о появлении этих «бронированных чудовищ»?

МЯГКОВ: Английские и американские историки любят вспоминать о том, что союзники передали нам эти машины, захваченные во время боев в Северной Африке...

КУМАНЕВ: Можно считать, что нам повезло: в январе 1943-го под Ленинградом удалось захватить целехонький танк «тигр» — может быть, даже экспериментальный, потому что там опробовались эти новые танки...

— Ну да, это была серьезная тактическая ошибка Гитлера, который приказал направить на Ленинградский фронт только-только появившиеся Т-VI. Это было совершенно бессмысленно, генералы пытались объяснить это фюреру, но он настоял. В лесисто-болотистой местности Ленинградской области все «тигриные» преимущества в дальнобойности орудия сошли на нет...

КУМАНЕВ: Трофейный образец доставили командованию, сообщили о нем Верховному главнокомандующему, и тот обязал наших конструкторов в области боеприпасов, артиллерии создать средства для поражения этих танков. Задача была решена — появились новые виды снарядов, которые пробивали броню «тигров».

ПОПОВ: Помню, эти новые танки вызывали у нас тогда очень большой интерес. 12 июля, когда мы провели артиллерийскую подготовку и перешли к сопровождению пехоты и танков в наступлении, командир дивизии Щербина доложил командиру 16-го гвардейского корпуса генералу Лапшову, что он взял один хутор, где стоит целехонький «тигр». Командир корпуса предложил командующему артиллерией генералу Мазанову поехать посмотреть. Подъехали, затем пошли пешком, а из танка вдруг открыли огонь. Командира убили, тяжелораненый Мазанов попал в плен и был освобожден только в 45-м году. Затем, кстати, продолжал службу в армии...

— Так откуда же в танке оказались немцы?

ПОПОВ: Это был экипаж, который, как и положено, сидел в танке. Хутор, оказывается, был еще в руках противника, а «тигр» стоял на передовой, в защите левого фланга. Просто комдив поспешил с докладом... Хотя если вы перечитаете мемуары нашего командующего маршала Баграмяна «Так шли мы к Победе», то там этот эпизод изложен несколько по-иному. Более логично, я бы так сказал. Вы же прекрасно понимаете, почему...

— Не случайно, значит, генерал Кирпиченко предостерегает нас от слишком буквального восприятия мемуаров... Впрочем, вернемся к началу самой операции. Когда и от кого стало известно точное время предполагавшегося наступления немцев?

КИРПИЧЕНКО: О дне и часе начала наступления никогда не бывает известно очень заранее. Понятно, что никакой стратег не будет называть день за полгода до начала наступления. И, как свидетельствует наш коллективный опыт, день и час наступления можно получить только путем ведения разведки в прифронтовой полосе, что на этот раз и было сделано. Партизаны, захватывая языков, и получили эту дату. В частности, об этом сообщил немецкий офицер, авиатор, некто Карл Крук, захваченный орловскими партизанами. Он сообщил, что наступление начнется в 3 часа 5 июля. Однако подчеркну еще раз, что по первой информации, даже если она достаточно конкретная, никогда не принимается какое-либо кардинальное решение.

КУМАНЕВ: После того как была получена достоверная информация, по инициативе командующего войсками Центрального фронта генерала Рокоссовского за 15 минут до того, как немцы планировали начать наступление, по их позициям был нанесен артиллерийский удар. Когда мне

довелось общаться с Константином Константиновичем, он заметил, что, если бы у нас было еще немножко терпения, если бы мы обождали еще 5–8 минут, эффект был бы гораздо больший! Потому что за 15 минут до начала своей артподготовки немцы только начали выползать из своих укрытий, как клопы из щелей. Конечно, налет был весьма ошеломляющим и очень эффективным, враг пришел буквально в шоковое состояние, оцепенение, но затем немцы собрались с духом и начали свое наступление...

РЖЕШЕВСКИЙ: Позвольте и мне вспомнить, как несколько лет тому назад на бывшем КП Центрального фронта о ходе битвы нам рассказывал заместитель командующего войсками фронта по тылу генерал-лейтенант Антипенко — к сожалению, ныне уже покойный. Он говорил, что для них, работников тыла, была большая головоломка: нужно было одновременно готовить войска и к обороне, и к наступлению. Это было чрезвычайно трудно, никогда ранее такой задачи решать не приходилось, но, тем не менее, с ней справились... Самым главным достижением, говорил он, было то, что смогли обеспечить достаточным количеством боеприпасов и артиллерию, и танковые войска. Разумеется, это сыграло очень большое значение в ходе самой битвы.

ОРЛОВ: Кстати, под Курском у нас как раз получилось именно то, что, по идее, должно было быть в 41-м. Сейчас у нас иные «историки» и «публицисты» очень любят говорить о том, что в 1941 году Сталин якобы готовил нападение, да Гитлер, мол, его опередил. На самом деле, как мы знаем по документам, у нас доктрина была политически оборонительная, а стратегически — наступательная. Тогда мыслилось как? В случае неспровоцированной агрессии противник будет остановлен, и наша оборона будет продолжаться 15–20, максимум 30 дней. За это время пройдет мобилизация, и мы перейдем в решительное наступление...

Ничего этого не получилось. Почему? Да потому, в частности, что вопросам организации обороны не уделялось достаточного внимания. Она не отрабатывалась ни на каких командно-штабных военных играх. Все игры, которые проводились в январе 41-го года, начинались с 15-го дня войны! То есть когда противник уже отброшен и войска переходят в наступление. И вот теперь, через два года войны, мы осуществили то, что должно было быть в 41-м... Эти тяжелейшие годы не прошли даром. К 43-му мы уже знали, как надо делать, и имели достаточно сил для того, чтобы все это сделать.

ПОПОВ: К тому же вспомните о главном: еще в 41-м мы научились малым числом бить крупные силы, а это уже не только умение — проявлялся талант.

— Об этом как раз убедительно свидетельствует одна из крупнейших битв Второй мировой войны — операция советских войск на Курской дуге, поднявшая наше военное искусство на новую ступень...

РЖЕШЕВСКИЙ: Между тем, вариант развития событий совсем не был, скажем так, безальтернативен, как это может показаться сейчас. Мол, было принято решение на преднамеренную оборону, а затем — переход в наступление... Генерал Антипенко рассказывал нам, что тогда, в 1943-м, даже на уровне командования армиями, командования фронтом — то есть высшего руководящего состава — вовсе не было полной уверенности в том, что немцы перейдут в наступление. Особенно после нашего предупреждающего артиллерийского удара.

Под утро, вспоминал генерал, когда уже начало светать, всех охватило какое-то оцепенение: двинется противник или не двинется? Ведь если немцы не будут атаковать, то все замыслы, планы могут круто перемениться. Он сказал, что когда стало ясно, что немцы переходят в наступление, то сам Рокоссовский, член военного совета

Телегин, начальник штаба фронта Малинин чуть было не стали обнимать друг друга от радости. Правда, вынуждены были себя сдерживать. Какая радость, когда впереди такое ожесточенное сражение?

КИРПИЧЕНКО: Я где-то читал, что наш упреждающий удар был настолько силен, что немцы пришли в замешательство и у немецкого командующего было желание запросить у Гитлера отсрочки, чтобы перегруппироваться, привести себя в порядок и начать наступление несколько позднее... Было ли это в действительности?

ОРЛОВ: Насколько я знаю, термин «упреждающий удар» здесь не подходит. Это была артиллерийская контрподготовка, причем на Центральном фронте она была более сильная, чем на Воронежском, и тем не менее только смешала карты уже изготовившегося противника. Немцам пришлось делать какую-то перегруппировку, и они задержали наступление. Однако не случайно Рокоссовский в своих воспоминаниях пишет, что если бы мы чуть-чуть повременили, не поторопились, то могли бы нанести им более существенные потери. Но этого не произошло, случилось, что случилось, и после небольшой задержки и перегруппировки немцы пошли вперед...

КИРПИЧЕНКО: То есть вы считаете, что это было бы нелогичным — обращаться к Гитлеру и просить какой-то отсрочки?

ОРЛОВ: Думаю, что в то время вряд ли кто-нибудь обратился бы с такой просьбой. Слишком много было поставлено на карту...

СОКОЛОВ: Реванш после поражения под Москвой и в Сталинградской битве гитлеровцам был необходим, и к нему, как мы видим, они готовились самым тщательным образом. Свое же поражение в прежних битвах немцы оправдывали суровой русской зимой, к которой они, дескать, не привыкли...

— Это, кстати, достаточно старая уловка европейских агрессоров. Еще в 1813 году, бежав из России, император Наполеон собственноручно написал известный 29-й «Бюллетень», в котором сваливал гибель своей «великой армии» на «генерала Мороза»...

СОКОЛОВ: В общем, гитлеровцы понимали — теперь или никогда...

ЧУРИЛИН: И вообще к тому времени Курск превращался уже в большую болевую точку всей мировой и европейской политики. От того, каким станет исход этого сражения, во многом зависела не только ситуация на советско-германском фронте, но и в значительной степени развитие наших отношений с союзниками. Руководство Германии и ее военное командование прекрасно понимали, что Курская битва будет иметь не только военно-стратегическое, но и большое политическое значение для дальнейших судеб Второй мировой войны.

— То есть можно сказать, что немецкие войска были буквально обречены на атаку наших позиций?

ОРЛОВ: Не совсем так... К тому же, даже перейдя в решительное наступление, наш противник мог бы действовать по-иному. Часто говорят, что у немцев надо учиться, что всю жизнь германские войска действовали просто превосходно. Конечно, в немецком военном искусстве было чему поучиться. Но что касается Курской битвы, то тут как раз немцы применили шаблон. Они как всегда хотели нанести два фланговых удара, срезать Курский выступ, окружить и уничтожить группировку, которая окажется в окружении.

— Поступить так, как они поступали в 41-м?

ОРЛОВ: Вот именно. Но или немецкая разведка не добыла необходимые сведения, или, может быть, эти све-

дения не были должным образом оценены. Наши фронты ведь как были повернуты? Центральный фронт защищал северный фас Курского выступа и был повернут на север, а Воронежский фронт защищал южный фас и был повернут на юг. Если бы немцы отошли от шаблона и ударили бы не под основания выступа, а прямо в выступ, в стык между Воронежским и Центральным фронтами, то, возможно, они бы продвинулись дальше. Хотя даже при том наступлении, которое они предприняли, первоначальный удар был очень силен. На севере они проникли в глубину нашей обороны на 12, на юге — на 35 км, и мы знаем, каких жертв нам стоило их задержать...

МЯГКОВ: На северном фесе войска 9-й армии генерала Моделя уже в течение первых трех дней понесли очень серьезные потери — из трехсот танков, действовавших в первом ударе, немцы потеряли порядка двухсот. В конце концов, дальше Поньрей они не прошли, а само сражение у Поньрей окрестили «Сталинградом под Курском».

Но вот скажите, почему на северном фланге Курского выступа наших войск, в пересчете на один километр фронта, было больше, чем на южном фланге? Хотя у немцев было как раз наоборот: более мощная группировка создавалась на южном фланге. Американский ученый Глэнс объясняет это тем, что действия войск на северном фланге Центрального, Брянского и Западного фронтов координировал Жуков. А на южном фланге действия Юго-Западного и Степного фронтов координировал Василевский. И, якобы, — по мнению Глэнса — поскольку Жуков был первым и, впрочем, единственным заместителем Верховного главнокомандующего, то он и сумел, так сказать, «выбить» для себя большее количество войск. Точка зрения хотя и спорная, но достаточно интригующая.

ОРЛОВ: Могу выразить только свое суждение. И Глэнс, и вообще многие западники сводят все к лично-

стям. Конечно, где-то это имеет право на существование. Но мне кажется, все дело в том, что северный фас находился ближе к Москве. Поэтому при любом повороте событий здесь должна была быть более сильная группировка — в случае каких-то неожиданностей Москва все-таки будет более надежно прикрыта.

— Известно, что многие из воевавших на Курской дуге не согласны с тем, что самым ярким событием этой битвы принято считать танковое сражение под Прохоровкой...

КУМАНЕВ: Действительно, я вот вспоминаю встречу в нашем Институте истории СССР АН СССР, как он тогда назывался, с генералом армии Андреем Лаврентьевичем Гетманом, который говорил, что, по его мнению, главные сражения были не в районе Прохоровки, а под Обаянью. Он мне предлагал встретиться отдельно, чтобы рассказать обо всем подробнейшим образом. Но вовремя это сделать не удалось, и в итоге я, к сожалению, опоздал...

— Так что же на самом деле произошло под Прохоровкой? Об этом ведь ходят самые разные слухи. В частности — о том, что наши потери там якобы значительно превышали немецкие.

ОРЛОВ: Действительно, ходят слухи. Я вот недавно перелистал ряд книг — и наших, и зарубежных, но нигде даже толком не говорится, сколько где было каких танков. Везде, в основном, говорят: 1200. Некоторые говорят: 1500. Говорят: 800 наших, 400 немецких. Но ведь танки — они сами по себе разные!

— Вы уже сказали о том, что представляла собой 5-я гвардейская танковая армия Павла Алексеевича Ротмистрова. А что было у немцев против этой армии?

ОРЛОВ: 2-й танковый корпус СС — три дивизии: «Адольф Гитлер», «Райх» и «Мертвая голова». 400 танков.

В первом эшелоне и на флангах шли примерно 50 «тигров», затем более сотни «пантер» — это новый средний танк с 75-мм пушкой, очень быстроходный по тем временам. Боевая скорость — 34 километра в час! У нас тогда у танков такой скорости не было. Остальные танки — это были модернизированные Т-III и Т-IV, которые были, конечно, намного сильнее Т-70, а по некоторым параметрам не уступали и тридцатьчетверке...

МЯГКОВ: Уточню, что всего к началу Курской битвы у немцев было на обоих участках 130 «тигров» и более 200 «пантер».

— Так что в Прохоровском сражении участвовала фактически половина всех новых немецких боевых машин?

ОРЛОВ: Да, и вот эти две гигантские массы — танки против танков — схватились на Прохоровском поле 12 июля. Погода была облачная, что, с одной стороны, помогло — меньше было авиации, ветер, а к вечеру разразилась гроза. 13-го числа сражение продолжалось... Танки созданы не для того, чтобы воевать с танками, для этого есть противотанковые средства. Танки должны прорываться в оперативную глубину, на простор...

ПОПОВ: Извините, но я подтверждаю это примером. Мы в бой вступили 12 июля. На второй или третий день наступления получилось так, что немец окружил танковый корпус соседнего Брянского фронта, открылся наш левый фланг, и противник мог нанести нам удар. Я предложил перебросить туда приданную нам 6-ю дивизию РГК — и уже через два часа наши орудия били по этим немецким группировкам. Корпус смог избежать окружения...

ОРЛОВ: Вот видите? А здесь в результате Прохоровского сражения мы потеряли 60 процентов своих боевых машин — 500 танков из 800. Немцы — 300 из четырехсот. Это уже 75 процентов! К тому же это были качественно

новые танки. Вот и получилось в итоге, что они больше потеряли и проиграли-таки это сражение.

— И все же, каким образом получилось, что две танковые армады буквально столкнулись друг с другом? Чем обусловлены столь высокие потери с нашей стороны?

ОРЛОВ: В силу того, что прямой выстрел танковых пушек «тигров» был гораздо больше, чем у Т-34, чтобы выиграть, нам нужен был ближний бой. А пока шли на сближение, несли потери. Чтобы поразить «тигр» или «фердинанд», нужно было стрелять в борт. Только! Кроме того, у Ротмистрова были полки самоходных артиллерийских установок 76-мм калибра.

— Это те, у которых вместо крыши — брезент?

ОРЛОВ: Да, они самые... И не было ни одной 152-мм САУ, которые потом окрестили «Зверобоем», истребителем «тигров» и «пантер», хотя в других местах они уже имелись. Потому все так и получилось.

— Боюсь показаться занудой, но процентный подсчет победы как-то не очень впечатляет...

ОРЛОВ: Тогда обратитесь к свидетельству врагов. Знаменитый немецкий танковый генерал Гудериан — как, впрочем, и другие его коллеги, — писал, что после Курской битвы танковые войска по существу были надолго выведены из строя, и никогда уже на Восточном фронте не было для немцев спокойных дней.

ЧУРИЛИН: На поле сражения в районе Курска были уничтожены лучшие бронетанковые силы гитлеровской Германии. Потом в таком количестве, с таким напряжением немецкие танковые войска, по-моему, больше нигде не действовали — за исключением Балатонского сражения в Венгрии. Но там масштабы боев были гораздо меньшие. Огромные потери понесла также немецкая авиация —

говорить о широкомасштабном применении ее в России больше не приходится...

РЖЕШЕВСКИЙ: Вынужден сделать замечание: мы почему-то только краешком коснулись авиации, хотя наши ВВС внесли огромный вклад в достижение победы в Курской битве, и о них следовало бы поговорить особо.

— Замечание принимается. Думаю, вы подсказали нам тему одного из очередных «круглых столов». Впрочем, вернемся к Курску — к тому, что произошло тогда с немецкой армией...

ЧУРИЛИН: Произошло самое для нее страшное: она утратила то главное, чем славилась во время Второй мировой войны, — свой наступательный потенциал. Его теперь хватало только на контрнаступления. Это была катастрофа для немецкой военной машины.

— Можем ли мы сравнить потери обеих армией? В этом вопросе историки противоречат друг другу — некоторые даже утверждают, что Красная армия потеряла личного состава чуть ли не в четыре раза больше, чем вермахт.

РЖЕШЕВСКИЙ: Вопрос очень сложный. Относительно наших потерь имеются выверенные цифры. А вот наши и немецкие данные о потерях противника расходятся более чем значительно. Иногда непреднамеренно: мы знаем, что в ходе войны и одна сторона, и другая завышали потери противника и занижали свои. Это обычное явление. Но дело еще и в том, что относительно Курска немцы дают данные о своих потерях только в рамках операции «Цитадель», которая у них фактически закончилась 19 июля... Мы знаем, что в начале войны наши потери были очень велики, но чтобы в битве под Курском они были бы в четыре раза больше немецких, извините, в это поверить нельзя. Между тем, хотя столько уже времени прошло со дня окончания войны, до сих пор немецкие и

наши специалисты не встретились, чтобы как-то свести концы с концами.

ЧУРИЛИН: Приходится сталкиваться с распространенным, особенно в зарубежных публикациях, мнением о том, что наша страна победила немцев, завалив их трупами... Но я бы хотел, не вдаваясь сейчас в глубину этой очень важной темы, обратить ваше внимание вот на что. И немцы, и японцы — наши битые противники — заявляют о самом большом количестве сбитых ими самолетов: наших, американских, английских, любых. А союзники, победившие в войне, имеют гораздо более скромный счет побед. Как же так получается? Если они были такие мощные на поле боя, то почему, в конце концов, они не победили?

— Вопрос закономерный, однако многие авторы его как-то избегают... Особенно те, которые упорно ругают все советское, а все западное ставят нам в пример без разбору. Между тем, в 1943-м всеобщее восхищение вызывали не подвиги гитлеровских солдат, а героизм наших соотечественников.

РЖЕШЕВСКИЙ: Конечно! За ходом Курской битвы внимательно следили и в Лондоне, и в Вашингтоне. 6 августа Рузвельт направил нашему руководству соответствующие оценки выдающихся успехов Красной армии, а Черчилль сделал это 12-го. Хотя, как раз в этот период в Канаде проходила Первая Квебекская конференция наших западных союзников — Великобритании, США...

— Кодовое наименование этой конференции — «Квадрант», она проходила с 14 по 24 августа, и на ней, кстати, между нашими союзниками было заключено секретное соглашение о сотрудничестве в создании атомной бомбы...

РЖЕШЕВСКИЙ: Все правильно. Там собрались крупнейшие первые лица — как политические, так и во-

енные... Мне хотелось бы в этой связи прочитать фрагмент обмена мнениями, который состоялся 20 августа на заседании Объединенного комитета начальников штабов между начальником Имперского генерального штаба Великобритании фельдмаршалом Бруком и начальником штаба армии США генералом Маршаллом.

«Брук: В целом положение русских значительно более сильное, чем когда-либо раньше. Они располагают резервами для того, чтобы продолжить наступление осенью. Немцы вынуждены будут держать свои дивизии на русском фронте и даже посылать туда дополнительные силы. Это облегчит наши операции в Италии и «Оверлорд».

Маршалл: Согласно сведениям, которыми он располагает, Россия становится все более враждебной к капиталистическому миру. Об этом свидетельствует ее недавнее заявление по поводу второго фронта. Он хотел бы знать мнение британских начальников штабов. Например, в обстановке подавляющего успеха русских не помогут ли немцы нашему вступлению на территорию Германии, чтобы дать отпор русским?

Брук говорит, что он много думал об опасности использования русскими обстановки войны для распространения своих идей международного коммунизма».

МЯГКОВ: К этой конференции Управлением стратегических служб, американской разведкой был подготовлен доклад, который лег на стол президента США, где конкретно говорилось, что делать с Россией и как вести себя Соединенным Штатам в данной ситуации. Может быть, стоит замирился с Гитлером и выставить общий фронт против России? Была даже и такая тенденция.

ОРЛОВ: В 41-м, 42-м, да и, собственно, в 43-м годах союзники с нами по существу не считались. Прерывали поставки, обманывали нас с открытием второго фронта... Ведь у Англии были огромные, столетиями накопленные связи; войска в Югославии, Греции, Египте действовали

под руководством английских инструкторов; в Лондоне находились несколько десятков эмигрантских правительств, а их деньги хранились в лондонских банках. В Америке были деньги, которыми она могла откупиться и поставлять только материальную помощь. Нам же, чтобы заставить союзников считаться с нами, чтобы делать то, что было нужно нам, были необходимы стратегические успехи на фронтах.

КУМАНЕВ: В летне-осенней наступательной кампании — это сражение под Курском и битва за Днепр — было разгромлено 118 вражеских дивизий. В результате только сухопутные войска противника потеряли 1 миллион 413 тысяч человек — это небывало высокие потери за столь короткий период.

ОРЛОВ: Курская битва и последующее наступление произвели шокирующее впечатление на западных политиков и стратегов. Не случайно на той же Квебекской конференции было в принципе принято решение, что пора торопиться с открытием второго фронта.

РЖЕШЕВСКИЙ: Да, действительно, именно разгром вермахта в Курской битве явился тем важнейшим фактором, который несколько месяцев спустя обусловил принятие на Тегеранской конференции конкретного обязательства западных союзников об открытии второго фронта.

ЧУРИЛИН: Итак, к осени 1943 года немцы на Восточном фронте полностью утратили возможность перехвата инициативы у Красной армии. Они больше были не в состоянии — ни физически, ни в силу моральных возможностей — перейти в широкомасштабное наступление. Произошел решительный поворот в войне... К тому же, один за одним стали выходить или готовиться к выходу из игры немецкие партнеры. Еще не отгремели пушки под Курском, а из войны уже выскочили итальянцы. Начали активно обсуждать в парламентских кругах вопрос о том,

что будет, если на Востоке произойдет катастрофа, финны... Даже Румыния, которую в момент Курской битвы вряд ли можно было отнести к активно участвующим в боевых действиях странам, начала осторожно дрейфовать к переговорам с нами о выходе из войны. В общем, начался процесс глубокого кризиса гитлеровской коалиции.

Зато Сталин со своими союзниками стал разговаривать по-другому. Корректность сохранилась, но тон стал строгим. Чувствовалось, что в нашем сотрудничестве начался новый этап. Так, обращаясь к Черчиллю и Рузвельту в связи с их действиями в отношении Италии, Сталин говорил примерно следующее: до сих пор дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получает информацию в качестве третьего пассивного наблюдающего. Терпеть дальше такое положение невозможно... Сталинские слова были услышаны и поняты: западники пошли-таки на диалог.

— Но эти темы мы будем обсуждать уже на следующих встречах... А разговор наш я хочу закончить вопросом к Степану Ефимовичу: чем вы были награждены за участие в Курской битве?

ПОПОВ: Я получил орден Красного Знамени и был представлен к званию генерал-майора артиллерии, которое получил уже в 1944-м.

Заседание шестое:

«Цель номер один» на картах люфтваффе

24 января 2004 года прошло заседание «круглого стола», посвященное 60-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Гостями «Красной звезды» были участники обороны города на Неве Герой Советского Союза адмирал флота Г. М. Егоров, полковник Б. Я. Наливайко, генерал-майор С. А. Тюшкевич и генерал-лейтенант П. С. Шмырев. В разговоре также участвовали аспирант О. Н. Киселев, Г. А. Куманев, М. Ю. Мягков, О. А. Ржешевский, Д. В. Рябочкин, Д. Б. Хазанов и В. П. Ямпольский.

— Начнем разговор о блокаде с самого начала, с вопроса — планировало ли немецкое командование окружение города на Неве?

МЯГКОВ: В соответствии с планом Барбаросса — директивой № 21, утвержденной 18 декабря 1940 года, на Ленинград должна была проводить наступление группа армий «Север» под командованием фон Лееба. Немецкий план предусматривал не окружение, а захват Ленинграда, причем еще до взятия Москвы, и только после этого — переброску значительных сил на центральное направление.

ТЮШКЕВИЧ: Да, в планах на 1941 год предполагалось, что после захвата Ленинграда и соответственно ликвидации всего северо-западного направления будут

созданы более благоприятные условия для уничтожения Красной армии.

МЯГКОВ: Действительно, с точки зрения немцев, о чем свидетельствуют трофейные документы, остов советского фронта как бы состоял из трех основных направлений: Северного, Южного и Центрального. Захват Ленинграда давал им не только возможность перебросить значительные силы на Центральное или Южное направление, но и завладеть этим стратегическим узлом на севере России, соединиться с финской армией. Тем самым вся советская оборона могла посыпаться как карточный домик...

ХАЗАНОВ: Мне кажется, очень важную роль играло и желание гитлеровцев уничтожить или, лучше, захватить Балтийский флот. В этой части Балтики немцы не имели адекватных сил, поэтому одна из их задач состояла в том, чтобы по возможности в исправности заполучить Краснознаменный Балтийский флот. В этом также кроется одна из причин, почему они придавали захвату города такое большое значение.

ТЮШКЕВИЧ: Из выступлений Гитлера на совещаниях, из ряда других документов видно, что захвату Ленинграда придавалось также большое идеологическое и политическое значение — как очага большевизма, колыбели революции... Ненависть фюрера к коммунизму буквально выпирала на первый план.

— Все же, наверное, были и более прагматичные причины...

ТЮШКЕВИЧ: Разумеется, ведь Ленинград к тому же — это и огромный культурный и научный центр, а также центр военного производства: танкового, артиллерийского, судостроительного... Все же Гитлером было четко сказано, что необходимо захватить и стереть с лица земли Ленинград, чтобы он не существовал именно как советский, большевистский символ.

ХАЗАНОВ: Недаром на оперативных картах люфтваффе Ленинград именовался «цель номер один». Уточню, что Москва — это «цель номер десять».

ЯМПОЛЬСКИЙ: Хотя Москве, кстати, была предопределена та же судьба — уничтожение. 12 июля 1941 года состоялось совещание, на котором Гитлер делил со своими сателлитами, участвовавшими в войне, территорию Советского Союза...

— Известный вариант «шкуры неубитого медведя».

ЯМПОЛЬСКИЙ: Разумеется. На этом совещании Гитлер сказал, что мы полностью разрушим Ленинград, а потом отдадим его нашим финским товарищам...

ТЮШКЕВИЧ: Хотя немцы готовились быстро взять Ленинград, у нас все верили в силу Красной армии, ее способность остановить противника. Только речь Сталина 3 июля несколько прояснила серьезность положения, в том числе и для руководства города.

КУМАНЕВ: Между тем к 10 июля, несмотря на героическое сопротивление, советские войска на Северо-Западном направлении отступили почти на 500 километров, оставив почти всю Прибалтику. Противник вторгся в пределы Ленинградской области, началась Ленинградская оборонительная стратегическая операция...

МЯГКОВ: Операция, кстати, сыгравшая в стратегическом плане не меньшую, как мне кажется, роль, чем оборона Москвы или оборона Сталинграда.

ХАЗАНОВ: Нельзя забывать и про те сражения, которые велись в воздухе! Ведь ленинградские летчики вступили в войну совсем не так, как их коллеги на Западном или Юго-Западном фронтах. Была сохранена вся структура, действия частей и соединений хорошо управлялись из штаба сначала Северного, потом Ленинградского фронта. Многие ленинградские летчики участвовали в войне против Финляндии, имели боевой опыт...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Кстати, 27 июля Управление аэродромного строительства НКВД СССР докладывало, что закончено строительство 16 аэродромов на территории города и области и еще 6 аэродромов планируется в ближайшее время закончить... Сохранился также документ от 5 сентября — просьба командующего ВВС Ленфронта генерал-майора Новикова к председателю исполкома Попкову о выселении с территории, расположенной рядом с аэродромом, населения немецкой и финской национальности, которое в период немецких налетов сигнализировало ракетами красного и зеленого цвета о местах расположения самолетов на аэродромах...

ХАЗАНОВ: Противник уже в конце июля перебросил на северо-запад с Центрального направления 8-й авиакорпус — один из наиболее сильных и хорошо организованных в люфтваффе. Особенно упорные бои разгорелись 10–11 августа, когда примерно тысячной группировке советской авиации противостояло около 750 немецких самолетов. Ко многим событиям воздушной войны применим термин «впервые». Например, впервые было отработано взаимодействие фронтовой армейской авиации, авиации ПВО и флота...

Эта битва продолжалась в течение всего сентября и закончилась, точнее, приостановилась, если так можно сказать, когда противник перебросил значительную часть своих наземных войск и авиации на Центральное направление.

КУМАНЕВ: Хотя ударные группировки врага неумолимо приближались к Ленинграду, в самом городе в это время царил обстановка определенного благодушия и беспечности. Документы свидетельствуют, что не только население, но и многие руководители обороны Ленинграда полагали, что не так уж и страшна нависшая над городом опасность.

— Очевидно, подобные настроения продолжались недолго...

КУМАНЕВ: Генерал-полковник Николай Николаевич Воронов, будущий главный маршал артиллерии, прибыл в Ленинград в составе комиссии ГКО уже в последних числах августа. Он вспоминал: *«К моему удивлению, город продолжал жить очень спокойно. Можно было подумать, что бои разворачиваются на ближних подступах к Берлину, а не под стенами Ленинграда... Здесь явно недооценивали угрозу, которая надвигалась на город».*

ТЮШКЕВИЧ: И все же с начала июля в городе было начато формирование 10 дивизий народного ополчения. Объединенные в Ленинградскую армию народного ополчения, они сыграли свою роль в обороне города...

КУМАНЕВ: Военный совет Северного фронта принял решение о формировании 100-тысячной армии, однако по настоянию 1-го секретаря обкома и горкома ВКП(б) Андрея Александровича Жданова было решено сформировать 200-тысячную, как в Москве. На отбор добровольцев отводилось всего три дня! Непродуманность такого решения внесла немалую путаницу в мобилизационные планы военкоматов города, предприятия недосчитались крайне нужных квалифицированных кадров. И все же народные ополченцы — неопытные в военном отношении, слабо вооруженные, но сильные духом — бесстрашно сражались с врагом...

ТЮШКЕВИЧ: Действительно, поначалу эти дивизии были вооружены слабо, но потом — вполне достаточно, о чем я сужу по нашей гвардейской дивизии Петроградского района... В конце сентября все они были преобразованы в кадровые стрелковые дивизии.

— Обращу внимание на забытый ныне момент: в память о Красной гвардии 1917 года четыре из десяти сформированных в Ленинграде дивизий народного ополчения были

названы гвардейскими... Однако вернемся к утверждению маршала Воронова: в чем же выразалась «недооценка опасности»?

КУМАНЕВ: Ну, в частности, перебазирование оборудования предприятий, сырья, материалов, культурных ценностей, а также населения города на Восток осуществлялось довольно тяжело. Люди не верили в близкую развязку немецкого наступления, не были мобилизованы на высокопроизводительный труд...

ТЮШКЕВИЧ: Вот здесь я с вами согласен, потому как сам в то время работал инженером на Металлическом заводе им. И. В. Сталина, в конструкторском бюро, разрабатывавшем электрооборудование для артиллерийских морских систем. Тогда просто не допускалась не то что возможность взятия противником Ленинграда, но и его охвата со всех сторон — блокирования.

Однако противником были предприняты усилия по охватным действиям по отношению к Ленинграду. Он стремился перерезать дороги, связывающие город со страной, прежде всего с Москвой. Затем — северное направление.

КУМАНЕВ: Никто или почти никто не мог подумать о том, что кольцо очень скоро может замкнуться... Между тем, как раз когда 30 августа комиссия ГКО прибыла в Ленинград, враг перерезал железнодорожную линию и захватил город Мга. Это было настолько неожиданно для наших защитников города, что командование фронта не сообщило об этом Сталину. Но он об этом узнал по каким-то иным каналам и потребовал, чтобы немедленно сообщили, в чьих же руках находится Мга. Очень большими усилиями удалось отбить этот город у противника, снова разрезать начавшееся блокадное кольцо, но буквально на следующий день пришлось снова отступить. Захватив Мгу, враг замкнул сухопутное кольцо блокады на юге.

РЖЕШЕВСКИЙ: Окончательно блокадное кольцо сомкнулось 8 сентября, после падения Шлиссельбурга...

КУМАНЕВ: И вот еще, кстати, пример того самого «благодущия». Когда началась массовая эвакуация, включая продовольствие, из западных районов, заместитель председателя Совнаркома Анастас Иванович Микоян решил этот поток в значительной мере направить на Ленинград. Узнав, Жданов пожаловался Сталину: куда нам все эти запасы? У нас полным-полно продовольствия, нам его надолго хватит! И Сталин дал распоряжение направить продовольствие в другие районы...

НАЛИВАЙКО: 8 сентября немец разбомбил продовольственные Бадаевские склады, и все запасы, подготовленные перед войной, сгорели. Мы потом ездили туда, на Бадаевские склады, потому что когда сахар сгорел, то ушел в землю; мы привозили эту землю домой, растворяли в воде, потом кипятили, оставался маленький коричневый осадок — вот этим питались! А на заводе я получал столлярный клей, и мать его дома готовила...

ЕГОРОВ: Мне, скажу, повезло больше... Когда в конце октября мы с моря возвращались в Кронштадт, а потом в Ленинград, то командир нашей подводной лодки, вечная ему память, приказал сохранить все то, что осталось из продовольствия личного состава. Чувствовал, что впереди будет голодная зима...

— Весной 42-го наши родственники приехали из Ленинграда в Тбилиси. Моя будущая тетка, которой тогда было три года, жаловалась: «Вот, папа у меня какой плохой! Обещал кошку поймать, а сам умер!» Кошек, известно, ловили не для домашнего уюта... Понятно, что ленинградское руководство не сумело должным образом позаботиться об обеспечении города продовольствием. А какова была его роль в организации обороны Ленинграда на самом первом ее этапе?

КУМАНЕВ: В первые месяцы войны не было даже четкого представления о том, какой именно орган должен руководить обороной города! 1 июля, например, была создана Комиссия по вопросам обороны, куда вошли партийные секретари, председатели обл- и горисполкомов. По сути, в ее руках сосредоточивалась вся полнота власти в Ленинграде и области. 20 августа главком Северо-Западного направления маршал Ворошилов подписал приказ о создании Военного совета обороны города, куда опять-таки вошли председатели облисполкома, горисполкома, несколько партийных секретарей — и все. Штаб обороны должен был работать под руководством ГК партии и исполкома Ленгорсовета.

Узнав об этом приказе, Сталин вызвал к аппарату БОДО Климента Ефремовича Ворошилова, Андрея Александровича Жданова, Алексея Александровича Кузнецова, Петра Сергеевича Попкова и задал им несколько нелюбимых вопросов... Оценка Верховного была такова: *«Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия, ввиду чего и действуете как на изолированном острове, ни с кем не считаясь»*. ГКО упразднил Военный совет обороны Ленинграда и передал его властные функции Военному совету Ленинградского фронта. Была упразднена и Комиссия по вопросам обороны.

— Между тем обстановка под Ленинградом ухудшалась с каждым днем...

КУМАНЕВ: Ворошилов не справился с задачей командующего войсками и, вконец растерявшись, дал указание готовить пики, сабли, кинжалы для баррикадных боев в самом Ленинграде...

ТЮШКЕВИЧ: 11 сентября под Красным Селом, как раз там, где были огневые позиции нашего полка, Климент Ефремович вышел на передовую 1-й бригады

морской пехоты, которая должна была идти в наступление и, подобно комиссару Гражданской войны, начал рассказывать, как тяжело в стране, произносить агитационную речь, вместо того чтобы принимать решение. Я это все сам слышал!

Одна из причин, существенных причин тяжелого положения — неверное представление Ворошилова как главкома направления и командующего войсками Ленинградского фронта, а также некоторых других тогдашних военачальников о характере войны и тех военных действий, которые велись на территории Советского Союза, под Ленинградом.

КУМАНЕВ: Маршал Георгий Константинович Жуков мне рассказывал, как его вызвал Сталин и сказал буквально следующее: *«Поезжайте в Ленинград, положение Ленинграда безнадежное. Но попытайтесь что-нибудь сделать!»*

ТЮШКЕВИЧ: Как известно, никто из тех, кто пишет мемуары, особенно не стремится раскрыть все свои недостатки, зато старается подчеркивать свою роль. Слова Жукова о том, что Сталин считал положение безнадежным, нигде больше не подтверждены...

КУМАНЕВ: Одновременно с Жуковым Сталин принял адмирала Кузнецова, наркома и главкома ВМФ, которому сказал: *«Готовьте вместе с маршалом Шапошниковым приказ о подрыве кораблей Балтфлота».*

ЯМПОЛЬСКИЙ: Решение об уничтожении флота было доложено Сталину начальником Главного штаба ВМФ адмиралом Исаковым как план мероприятий на случай вынужденного отхода из Ленинграда...

КУМАНЕВ: *«Прихожу к Шапошникову, — рассказывал мне Николай Герасимович, — докладываю о том, что сказал Сталин. Тот замахал руками: «Нет, голубчик, я этого делать не буду! Готовить приказ об этом я не буду!» Мы посоветовались, потом я возвращаюсь к Сталину: «Мы не*

можем этого сделать». Сталин подумал-подумал — и вопрос вроде бы отпал».

ЕГОРОВ: Хотя относительно возможности подрыва кораблей нам в это тяжелое время не говорили, но специальным распоряжением и на подводные лодки, и на надводные корабли были введены в концевые отсеки глубинные бомбы — на случай, если фашисты все же прорвутся. Кстати, Черчилль предлагал тогда Сталину, что если мы потеряем Балтийский флот, то Великобритания восстановит его за счет флота Его Величества. Но глава Советского государства ответил, что мы не собираемся отдавать немцам флот или же топить свои корабли.

— Георгий Михайлович, а кем вы были в это время?

ЕГОРОВ: Я был штурманом на подводной лодке Балтийского флота. Флот наш представлял собой солидную морскую силу — это были линкоры, крейсера, построенные после Первой мировой войны, эскадренные миноносцы, три бригады подводных лодок... С началом войны флот, по приказу Ставки и наркома, приступил к боевым действиям у берегов Германии и наших Прибалтийских республик. Обстановка сложилась крайне тяжелая: немцы, имея высокое преимущество в сухопутных войсках, на седьмой день заняли Либаву, через две недели — Ригу, к августу вышли к Таллину и уже к 9 сентября практически окружили Ленинград. Сталин принял решение бросить силы с кораблей, даже и с подводных лодок, на сухопутный фронт.

Мне, между боевыми походами, также пришлось командовать пулеметным взводом. Было сформировано шесть бригад морской пехоты, была использована береговая артиллерия, форты Кронштадта, которые своими действиями нанесли большие потери немецким войскам. В том числе и это вынудило немцев уже примерно к октябрю в связи с тяжелыми потерями приостановить свое наступление на Ленинград...

КИСЕЛЕВ: Нам нельзя забывать и про союзника Германии Финляндию, которая активнейшим образом участвовала в блокаде Ленинграда, составляя северную часть кольца. Падение города сыграло бы очень большую, если не решающую, роль для создания «Великой Финляндии» от Белого моря до Финского залива и до Урала.

РЖЕШЕВСКИЙ: О будущей «Великой Финляндии» тогда публично заявил маршал Маннергейм, а президент страны Рюти без оговорок разделял планы совместного захвата Ленинграда.

КИСЕЛЕВ: Хотя эту войну они называли продолжением кампании 1939–1940 годов...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Если бы мы в ту «Зимнюю войну» не отодвинули границу от Ленинграда на десятки километров, то, думаю, у нас сейчас никакой бы дискуссии не состоялось — по вполне понятной причине...

КИСЕЛЕВ: Конечно! Так вот, этот план подразумевал включение в состав Финляндии как минимум Советской Карелии, а наиболее грандиозные планы финского военного и политического руководства простирались до самого Ленинграда. То, что финские военные и политические руководители пытались откреститься от соучастия в войне на стороне Германии, говоря о «параллельной войне», не может, безусловно, служить им оправданием...

РЖЕШЕВСКИЙ: Однако в финской литературе господствует мнение, что финны не стремились к захвату Ленинграда, а Маннергейм утверждает, что именно он воспрепятствовал этим планам. Но это, конечно, не так! В своих мемуарах он вообще не говорит о каких-либо совместных финско-немецких планах и начинает свое повествование о нападении Финляндии на Советский Союз со слов «оборона»...

— А мы можем опровергнуть утверждения этого бывшего русского генерала какими-то документами?

РЖЕШЕВСКИЙ: Нет, прямых документов, которыми можно опровергнуть эту версию, я еще пока что не видел, хотя на этот счет имеется очень много косвенных сведений... Вообще с финнами, как мне кажется, очень много всякого рода загадок, которые до сих пор оказываются неразрешенными. И все же не может быть в принципе, чтобы не было ни одного согласованного документа, допустим, о совместных действиях немецкой и финской армий с началом их нападения на СССР. Не может! Например, Маннергейм пишет в мемуарах: *«Неожиданно на Карельском участке фронта появилась немецкая дивизия»*. Что за абсурд?! Дивизия появилась неожиданно для Маннергейма?!

ЯМПОЛЬСКИЙ: Кстати, еще в 40-м году, когда Молотов ездил в Германию, он требовал вывода немецких войск из Финляндии. Вот и доказательство, что Маннергейм лукавит... Финские войска не остановились на бывшей границе, они продолжали наступление, захватили Петрозаводск и другие населенные пункты.

КИСЕЛЕВ: О том, что финны хотели падения Ленинграда, говорит хотя бы то, что они форсировали реку Свирь, и только успешные действия советских войск помешали им соединиться с германскими войсками. На этом фоне кажутся беспочвенными все заявления Маннергейма, что он не хотел участвовать в штурме и блокаде Ленинграда. Его падение дало бы финнам возможность направить основные силы своей армии, которые были сосредоточены на Карельском перешейке, против войск нашего Карельского фронта...

РЖЕШЕВСКИЙ: Финны захватили Белоостров, начали наступление в направлении Сестрорецка, но наша армия устояла, и затем Белоостров переходил несколько раз из рук в руки. Это, конечно, очень большая заслуга войск 23-й армии, что мы сумели к сентябрю как-то укрепить на этом участке оборону...

— Но, думается, это была не единственная причина, по которой финны остановились?

РЖЕШЕВСКИЙ: Конечно. На Финляндию очень сильно давили Великобритания и Соединенные Штаты Америки, желавшие, чтобы она вообще прекратила наступление против Советского Союза. К сентябрю уже было три официальных заявления финскому послу в Соединенных Штатах с требованием, чтобы Финляндия прекратила свое наступление... Трудно сейчас говорить, насколько решающим было это дипломатическое вторжение, но, на мой взгляд, оно сыграло свою роль. Англичане же 6 декабря 1941 года объявили Финляндии войну...

Да и внутри самой Финляндии некоторые политические круги считали необходимым следовать объявленному содержанию «войны продолжения», которая ведется для восстановления прежних границ. Было недовольство и среди части офицерского и рядового состава: выйдя на старую границу, они считали, что война если не закончена, то полузакончена. Поэтому участились групповые случаи отказа солдат идти в наступление, возросло дезертирство. Например, из 21-го отдельного батальона на сторону советских войск перешли около трехсот человек — в основном коммунисты.

— Почему же эти факты столь мало известны широкому кругу читателей?.. Ну хорошо, теперь можно сказать, то, что происходило на сухопутном театре военных действий, нам в общем-то понятно. Но ведь к городу вплотную подходит Балтийское море — его Финский залив...

ЕГОРОВ: Чтобы прорваться к Кронштадту и фортам, нанести удар по силам нашего флота, немцы сформировали в Або-Аландских шхерах эскадру надводных кораблей: два линкора, три крейсера, эсминцы. Тогда Балтийский флот получил приказ Кузнецова

сформировать завесы подводных лодок. Кроме того, в Финском заливе были выставлены более 200 тысяч мин разного назначения, в том числе магнитных, мин донных и якорных, и немцы побоялись пустить свои тяжелые надводные корабли через эти минно-сетевые заграждения. Мы практически держали под контролем весь Финский залив!

— Это продолжалось до тех пор, пока Балтику не сковал лед?

ЕГОРОВ: Да, мы возвратились с моря в конце октября — была, как говорится, очень ледовая осень. Личный состав, как я уже говорил, был тогда брошен на формирование бригад морской пехоты. Но главное, что зимой 1941/1942 годов, несмотря на голод и холод, тяжелейшие условия и большие потери кораблей — особенно при эвакуации Таллина, мы стали готовиться к боям против фашистов на 1942 год.

И вот, когда немцы вышли уже к Сталинграду, мы прорвались через все минные заграждения и немецкие корабельные завесы к берегам Германии, и топили там фашистские подводные лодки и надводные корабли. В частности, нашей подводной лодке удалось прорваться к Данцигской бухте и утопить тяжелый транспорт с войсками и боеприпасами, который как раз шел в Финляндию. Другими подлодками летом и осенью 1942 года было потоплено более 40 транспортов. Гитлер взбеленился и приказал перекрыть Финский залив, чтобы не пустить больше ни одну нашу подводную лодку в Балтику.

— Удалось им это?

ЕГОРОВ: Да, на какое-то время. Когда в начале 1943 года в море прорвались пять подводных лодок и только одна из них еле возвратилась в базу, то движение подлодок в Балтийское море было прекращено для их сохранения.

— Когда мы говорим о подвиге блокадного Ленинграда, то чаще всего все сводится к тому, что армия и флот отстояли город, что жители его сумели выжить — наперекор врагу. При этом как-то забывается, что ленинградцы не просто выживали сами, но и очень многое сделали — причем по самым различным направлениям — для общей победы над врагом. Вот вы, Борис Яковлевич, находясь в Ленинграде, служили тогда во внешней разведке...

НАЛИВАЙКО: Да, с 15 мая 1942 года я пришел в 1-й отдел Ленинградского управления НКВД рядовым оперработником. Мы работали с немецкими военнопленными, подбирали наиболее подходящие кандидатуры для вербовки, занимались соответствующей их подготовкой — радиоподготовкой, разведывательной, а затем и переброской за линию фронта.

— По-моему, в открытой печати об этом нигде и никогда не говорилось. Какова же была результативность этой работы?

НАЛИВАЙКО: Мне трудно об этом судить, потому что нашей задачей были подготовка и вывод, а уже работа с ними меня не касалась. У нас были разные способы вывода агентов: и с самолета сбрасывали, и по «зеленой границе», как говорят, мы их выводили. Кстати, у меня родители эвакуировались из Ленинграда, квартира оказалась свободной — и немцы, три человека, у меня даже жили. Велась их подготовка, приходили инструкторы, и затем была их переброска за кордон. Вот та скромная работа, в которой мне пришлось принимать участие... Возглавлял тогда наш разведотдел Александр Михайлович Сахаровский, который после войны в течение многих лет был руководителем внешней разведки Советского Союза.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Можно добавить, что в начале мая 1943 года руководство органов госбезопасности обра-

тилось к секретарю горкома по пропаганде Шумилову, чтобы использовать городскую радиотрансляционную сеть для передачи сигналов агентуре, находящейся за линией фронта.

ШМЫРЕВ: Я служил в Ленинграде в органах радиоразведки, а начальником разведки Ленинградского фронта был генерал-майор Петр Петрович Евстигнеев... Радиоразведка ленинградская была довольно солидная, сформирована еще в 30-х годах, части имели большой опыт. За действиями немцев мы начали хорошо наблюдать где-то с сентября 1941 года, хотя до этого немецкую систему управления войсками, шифры, коды и прочие штуки знали плохо, поскольку за немцами не следили.

Когда начались массовые бомбежки Ленинграда и налеты были по 11 раз в сутки, мы научились наблюдать за управлением немецкой бомбардировочной авиации. Если радиолокаторы, которых в это время было, правда, мало, засекали авиацию за 8–10 минут до подлета к объектам удара, благо аэродромы близко располагались, то наблюдение за системой управления немецкой бомбардировочной авиации силами радиоразведки позволило продлить это время до 25–30 минут. Это уже давало возможность органам ПВО подготовиться к отражению ударов — поднять истребительную авиацию, объявить тревогу в зенитной артиллерии.

Жуков довольно высоко оценил действия разведки, и один из наших товарищей — Клавдий Иванович Дроздов, освоивший наблюдение за немецкой бомбардировочной авиацией, имел специальную группу, которая размещалась на одном из уцелевших высотных зданий в районе Волкова кладбища, был награжден орденом Красной Звезды.

Впоследствии наша радиоразведка была несколько переориентирована на борьбу с дальнобойной артиллерией, которая, особенно уже в 1943 году, была главным поражающим фактором непосредственно по городу.

Обстрелы были беспрерывными, огонь был не столько на разрушение, сколько на деморализацию населения. Били по трамвайным остановкам, по скоплениям людей. Я однажды сам в трамвае попал под обстрел, но снаряд попал в другой вагон... Мы научились работать по вскрытию команд дальнобойной артиллерии. Пристрелка немцами велась не по городу, а по фиктивным реперам, и мы научились разбираться с наблюдательными пунктами, которые были на господствующих высотах, научились определять команды на открытие огня и на подготовку целей и предупреждать иногда за час, иногда больше до открытия огня по Ленинграду.

В нашем радиоразведывательном дивизионе была создана объединенная группа, которая наши данные сразу использовала. В ней были артиллеристы и летчики, и в зависимости от того, какие цели противник намечал для обстрела, давалась команда на контрбатарейную борьбу или на действия бомбардировочной авиации... Мы научились расшифровывать немецкие команды, а наши радиоразведчики специально выезжали в те точки, по которым планировался налет, фиксировали правильность своих выводов.

Радиоразведка научилась работать в том диапазоне частот, который у нас не был освоен до войны. Поскольку такой техники у нас в армии не было, завод им. Козицкого начал в 1942 году ее производство по нашим тактико-техническим характеристикам и данным. Техника, сделанная в блокадном Ленинграде, к концу года стала в достаточно большом количестве поставляться в войска, в части радиоразведки не только Ленинградского, но и других фронтов.

— Мы заговорили о разведке и совсем забыли про нашу контрразведку...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Когда при подготовке сборников документов о войне мне пришлось ознакомиться с ар-

живными материалами, то у меня сложилось глубокое убеждение, что ленинградские чекисты действовали гораздо более эффективно, чем московские в период битвы за Москву. Сказалось, вероятно, и то, что ленинградские чекисты приобрели определенный опыт борьбы с подрывной деятельностью противника еще в период финской кампании. К тому же Финляндия объявила войну на два дня позже Германии, а два дня в период войны очень много значат...

Так, в одном из донесений Управления НКВД по Ленинградской области об оперативно-чекистских мероприятиях в начале битвы за Ленинград было отмечено, что к настоящему времени в 33 районах подготовлены 285 агентов, на занятой противником территории остались 62 сотрудника, созданы 4 резидентуры, начата переброска через линию фронта диверсионной агентуры... Была налажена очень хорошая информационная работа о положении дел на захваченной территории. Были также заранее подготовлены партизанские отряды и оперативные группы при этих отрядах, проводившие разведывательно-диверсионную работу и активную разведку. Активная разведка — это когда готовились несколько бойцов, которые в процессе боевых действий выясняли ситуацию на том или ином участке фронта.

— Но ведь чекистами проводилась работа и в самом Ленинграде?

ЯМПОЛЬСКИЙ: Разумеется. Например, 5 декабря 1941 года была подготовлена докладная записка начальника городского управления милиции председателю горисполкома о том, что нужно выселить контрреволюционный элемент и уголовный рецидив, на который имеются оперативные материалы. Таких лиц в Ленинграде находилось 762 человека; лиц, подлежащих выселению на основании паспортных ограничений, — 603; лиц без гражд-

данства — 65 человек, иностранцев — 84. Всего же было 1514 человек, и председатель горисполкома распорядился немедленно их выселить.

Я думаю, что эти мероприятия органов госбезопасности помогли своевременно и достаточно эффективно локализовать ситуацию — как криминальную, так и в отношении безопасности Ленинграда.

— А что сейчас можно рассказать непосредственно о контрразведывательной работе? Уж если наша разведка готовила в заблокированном Ленинграде своих агентов, то, думается, немецкая открыто старалась забросить туда своих...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Имеется справка начальника управления НКВД на имя Жданова о проделанной работе. В ней указывалось, что всего были арестованы 7945 человек. Из них шпионов — 246, изменников — 1327, террористов — 277, диверсантов — 48, вредителей — 146, участников повстанческих групп — 244. За этот период было ликвидировано 344 антисоветских формирования, по обвинению в принадлежности к которым арестованы 1183 человека. Если же брать вместе с данными милиции, то всего с начала Великой Отечественной войны были арестованы 18 548 человек.

— С тех пор прошло шестьдесят лет, многое из того, что было тайным, стало явным... Скажите, Владимир Павлович, как вы считаете, насколько реальны представленные вами данные? Ведь слова «арестован по ложному обвинению» вошли в наше сознание достаточно плотно.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Во-первых, даже в тех условиях за следственной деятельностью органов госбезопасности осуществлялся надзор прокуратуры — прокуроры принимали участие в расследовании 95 процентов всех дел. Можно уточнить, что по расследованным областным Управлением НКВД делам с 01.07.41 г. по 01.08.43 г. прокуратурой было

прекращено всего 0,6 процента дел, а судебными органами возвращено на доследование 2,7 процента дел. Во-вторых же, что, очевидно, еще более важно, даже сейчас в отношении этих дел нет никаких опровержений.

— Открыта ли сейчас численность Ленинградского управления НКВД?

ЯМПОЛЬСКИЙ: На 18 декабря 1941 года в нем числилось 1217 человек. К 18 февраля 1942 года — с начала Великой Отечественной войны — погибли на фронтах, в партизанских отрядах и при бомбежках 98 оперработников, впоследствии эти цифры еще более увеличились... Учтите, что и подсчет количества жертв блокады также возлагался на органы ГБ. Начальник управления НКВД Ленинграда докладывал Жданову, что ситуация очень сложная, имеется, например, такой график в одном из документов: за первую пятидневку января 1942 года умерли 11 270, во вторую — 16 860, всего за январь — 96 751 человек; в феврале — 96 015, в марте — 81 507. Это говорит о той катастрофической ситуации, которая сложилась в Ленинграде в период блокады.

— Можно ли сравнить эти цифры с так называемой «естественной убылью населения»?

ЯМПОЛЬСКИЙ: В довоенный период в месяц умирали порядка 3500 человек... Сотрудников органов госбезопасности привлекали также к захоронению умерших. Ведь в начале января в Ленинграде скопилось около 7 тысяч незахороненных людей, умерших от голода, и для их захоронения был выделен целый полк НКВД. Чекистам приходилось даже выявлять случаи людоедства... Да чего только не бывало! Например, на перевозку трупов на кладбище была установлена для шофера какая-то норма. Если он делал лишние поездки, ему выдавалось 150 граммов хлеба и 50 грамм водки. Шофер установил контакт на кладбище,

ему отмечали, что он сделал несколько лишних поездок, и за это он получал... Эти махинации были раскрыты.

— О последствиях можно не спрашивать... О том, что происходит в Ленинграде, знала страна, знало ее руководство, однако до января 1943 года кольцо сухопутной блокады прорвать не удавалось. Почему?

ЕГОРОВ: Начнем с того, что весь фронт — как у нас, так и у немцев — находился во взаимной связи. Когда, например, немцы перебросили часть своих войск от Ленинграда под Москву для организации генерального наступления, то обстановка под Ленинградом несколько изменилась к лучшему, но зато она крайне осложнилась под Москвой...

ТЮШКЕВИЧ: Нехватка сил — одна из причин неудачи попыток деблокирования города, предпринятых и в 1941, и в 1942 году...

РЯБОЧКИН: 1942 год — это действия Волховского фронта. Ведущая роль в этой операции придавалась 2-й ударной армии, которая, к сожалению, изначально не обладала достаточными силами и средствами для прорыва блокады. Налицо, пожалуй, была явная недооценка войск противника, находящихся на данном участке советско-германского фронта.

Зимой 1942-го был прорван участок фронта в районе Мясного Бора, и 2-я ударная армия, втянувшись в эту узкую горловину, двинулась в сторону Любани. Но продвижение очень сильно затянулось из-за тяжелых зимних условий, недостатка средств и транспорта. Кроме того, узкая горловина недостаточно крепко удерживалась нашими частями, и в результате первый раз немцы перерезают этот коридор у Мясного Бора уже 19 марта и окружают 2-ю ударную. Правда, спустя десять дней этот коридор был восстановлен, но он оказался еще более узким и постоянно пульсировал, расширяясь и сужаясь от нескольких кило-

метров до нескольких сот метров. Естественно, по такому коридору невозможно было обеспечить ни нормальное снабжение армии, ни подвод резервов.

5 апреля немцы снова закрывают брешь у Мясного Бора, и армия оказывается в крайне тяжелом положении. При этом и в штабе фронта, и в Ставке считается, что коридор все же существует и армия не находится в окружении. Хотя в апреле окружение еще не было совсем плотным и что-то удавалось доставлять авиацией, но в целом армия была лишена снабжения, продовольствия. Можно сказать, что 2-я ударная армия весной 1942 года голодала точно так же, как Ленинград.

— Бытует версия, что у бойцов 2-й ударной армии не хватало вооружения. Мне опровергли ее поисковики Новгородской «Долины», которые почти всех найденных там бойцов поднимают с оружием и патронами. Важными причинами гибели 2-й ударной армии они называют голод и моральный фактор — психологическое состояние людей, фактически брошенных на произвол судьбы.

РЯБОЧКИН: Чтобы разрешить ситуацию, командующий фронтом Мерецков предлагал Ставке либо отвести 2-ю ударную на исходный участок, либо восстановить снабжение, в достаточной мере снабдить армию всем необходимым и насытить ее резервами для продолжения операции. Однако 23 апреля Мерецков неожиданно для себя узнает, что Волховский фронт преобразован в Особую группу Ленфронта, командующим которой был назначен Хозин. Это привело к достаточной неразберихе: Особая группа была отрезана от основных сил фронта, управление ею было очень сильно затруднено.

30 апреля немцы приступают к ликвидации окруженной армии, но только в начале мая 2-й ударной армией был получен приказ отступить от Любани и прорываться из котла. Прорыв осуществить не удалось, и немцы про-

должали методично уничтожить силы 2-й ударной. 4 июня была сделана еще одна попытка вырваться из кольца окружения, которая также не увенчалась успехом... 6 июня Ставка смещает с должности Хозина и восстанавливает Волховский фронт. Но время уже упущено: 23 июня остатки 2-й ударной армии предпринимают последнюю попытку прорыва из окружения. Ее результат известен: армия оказалась уничтожена.

— О гибели 2-й ударной армии и последующих связанных с этим событиях говорят очень много. В чем же все-таки причина происшедшего?

РЯБОЧКИН: Изначально был недооценен противник, в результате чего 2-я ударная армия и оказалась не в состоянии выполнить поставленную задачу. Кроме того, усугубила положение не вполне понятная чехарда с преобразованием Волховского фронта в Особую группу, не позволившая его руководителям целенаправленно и эффективно исправить положение...

— Кстати, а немцы не пытались предпринимать против осажденного города еще какие-то действия, кроме каждодневных бомбежек и обстрелов?

ЯМПОЛЬСКИЙ: Гитлеровцы постепенно пришли к выводу, что с Ленинградом им не справиться. В марте 1942 года Сталин получил разведывательные данные, что немцы планируют применить против блокированного города химическое оружие. Сталин пишет об этом Черчиллю, и тот отвечает, что англичане накопили большое количество химического оружия, и если Гитлер вздумает применить отравляющие вещества против советских войск и мирного населения, то они всю мощь своего химического оружия предпримут против Германии. Черчилль обещал сообщить об этом в СМИ, но у меня нет данных, было это сделано или нет. Но, очевидно, через наши спецслужбы эта инфор-

мация была доведена до командования немецких войск, что и удержало немцев от желания превратить Ленинград в душегубку...

КУМАНЕВ: А теперь вот какой несколько неожиданный вопрос: в нашей литературе, начиная с военных лет, с доклада Сталина, сделанного 6 ноября 1944 года, говорится, что в январе 44-го была полностью ликвидирована блокада Ленинграда...

Блокада может быть сухопутной, воздушной и морской. Была ли полной воздушная блокада Ленинграда? К великому счастью, не была, несмотря на то что враг сбивал наши самолеты, которые шли на помощь осажденному городу; не было и морской блокады — помощь Ленинграду через Ладогу все-таки шла. Но вот сухопутная блокада была. Так вот, эта сухопутная блокада была ликвидирована в январе 1943 года, и больше, на наш взгляд, блокады в строгом смысле этого слова не было. Но продолжалась угроза штурма Ленинграда и захвата его, враг стоял у ворот Ленинграда... Так что, я думаю, сегодня точнее было бы говорить о полной победе под Ленинградом, о полном снятии гитлеровской осады, угрозы городу на Неве.

МЯГКОВ: Почему же после прорыва блокады немцы продолжали оставаться под Ленинградом, а не ушли, сократив линию фронта и тем самым высвободив войска, в которых они остро нуждались? Ведь со Ржевского выступа они ушли в марте 43-го, а под Ленинградом продолжали оставаться, на что-то надеясь. На что? На то, видимо, что продолжится то состояние, которое было в 1941–1942 годах. Что блокада будет продолжаться.

ШМЫРЕВ: Действительно, прорыв блокады Ленинграда 18 января 1943 года резко изменил обстановку в городе. Хотя и узкий прорыв был сделан, но ощущение того, что город уже не в кольце, а связан со страной, резко все изменило в нашей жизни. Это была, конечно, другая ситуация.

ТЮШКЕВИЧ: Все же я думаю, что те понятия, которые установились в нашей литературе и в нашем сознании, вполне отвечают действительности. Прорыв блокады был совершен в начале 1943-го, в январе. Но это был именно и только прорыв — по сухопутью был сделан проход в 8–11 километров, там была проложена железная дорога. Там находилась как раз наша 64-я гвардейская дивизия, поэтому все на моих глазах было — и как дорога строилась, и как обстрелы были. Тогда действительно было большое облегчение. Сухопутная полоса соединила Ленинград — город и его население — с остальной страной. А после 27 января 1944 года Ленинград по всему сухопутному периметру получил связь со страной. Почему здесь нужно возражать?

— Мы говорили о расчетах немцев, что с падением Ленинграда рухнет весь советско-германский фронт. Не получилось ли в этот момент все, что называется, с точностью до наоборот?

ТЮШКЕВИЧ: Конечно! Прорыв блокады Ленинграда ведь был после Сталинграда. А 1944-й — это начало того, что называли «годом решающих побед». Начало наступления... Начал рушиться советско-германский фронт, с позиции немцев, начиная с северо-запада. Говоря о победе под Ленинградом, обязательно следует подчеркивать его огромное стратегическое и политическое значение в масштабе не только Великой Отечественной, но и всей Мировой войны.

РЖЕШЕВСКИЙ: В этой связи мне хотелось бы обратить ваше внимание на весьма ценные работы ленинградских, петербургских ученых. Только за минувший год вышли очень крупные работы таких знатоков истории Ленинградской битвы, как доктора наук и профессора В. М. Ковальчука, М. И. Фролова, Н. И. и В. Н. Барышниковых, А. Р. Дзенискевича и целого ряда других. В их

трудах появляются кардинальные моменты оценочного характера, вводятся в научный оборот неизвестные ранее документы. Все это представляет немалый интерес для тех, кто занимается историей нашего государства, историей Второй мировой войны.

МЯГКОВ: Как бы подводя итог разговору, я хочу сказать вот о чем. Мировая история, история войн, дотоле не знала, чтобы огромный, многомиллионный город оказался в кольце блокады, жители его были лишены всего самого необходимого для существования. Такого в мировой истории просто не было! Если бы Париж оказался в таком кольце осады — долго бы он продержался? И долго ли продержался Берлин в 1945-м? Только у нас мог, только в нашей стране мог быть такой город, который продержался, выстоял, устоял во всей этой страшной блокаде.

Почему же Ленинград устоял? Потому что, несмотря ни на что, сохранялась его связь со страной, с Большой землей. Она была и военная, и духовная, и моральная... Ленинградцы чувствовали, что за ними стоит огромная великая держава, которая все-таки им поможет. Мне кажется, что именно в этом содержится тот главный урок, который мы можем извлечь из истории тех страшных 900 блокадных дней.

Заседание седьмое:

«Красная армия в Европе: освободитель или оккупант?»»

Очередное заседание «круглого стола» «Красной звезды», проведенное 3 июля 2004 года, было посвящено вопросу, который в последнее время оказался изрядно политизирован. События 1944–1945 годов, которые совсем еще недавно однозначно именовались «освободительной миссией Советского Союза», теперь даже в России нередко трактуются чуть ли не как «советская оккупация» и «насильственная советизация» стран Восточной Европы... Так зачем же Красная армия, перейдя границы Советского Союза, начала освобождение европейских государств? Нужно ли это было нашим союзникам по антигитлеровской коалиции? Кто ждал нас в сопредельных странах? Какое влияние «освободительный поход в Восточную Европу» оказал на последующие события Второй мировой войны? Эти и другие вопросы обсуждали В. А. Кирпиченко, В. Н. Лобов, М. Ю. Мягков, А. С. Орлов, Е. В. Попов, С. А. Тюшкевич и В. П. Ямпольский.

ОРЛОВ: 26 марта 1944 года 2-й Украинский фронт подошел к реке Прут, форсировал ее и в ночь на 27-е вступил на румынскую территорию. Так началось освобождение Восточной Европы советскими войсками...

— А чем вообще боевые действия на территории Восточной Европы отличались от тех, которые Красная армия вела на территории Советского Союза?

ЛОБОВ: Отечественную войну Красная армия начинала со стратегических оборонительных операций, а после того как мы перешли границу, таких операций уже не было — отныне шло только стратегическое наступление... Необходимо отметить большую насыщенность войск техникой — фронт сужался, и техника в итоге сосредоточивалась на ограниченном пространстве. Количество танков, самолетов, артиллерийских орудий на определенных направлениях в расчете на километр фронта возросло в несколько раз — приблизительно в три раза стало плотнее. В результате надо было по-новому организовывать боевые действия, наступательные операции...

КИРПИЧЕНКО: Собственно, и сопротивление немецко-фашистских войск теперь было совсем иным...

ЛОБОВ: Да, если фронт с нашей стороны сужался, то он также сужался и со стороны немцев. Основные силы противника были сосредоточены на левом фланге, поближе к Балтике — все, что удалось, было им переброшено на территорию Польши, Венгрии, Чехословакии и самой Германии. Плотность войск на этом направлении была исключительно высокой, и наши Вооруженные силы приступили к проведению стратегических наступательных операций в чрезвычайно сложных условиях. Когда же был достигнут определенный успех, то начался новый для нас вид боевых действий — стратегическое преследование...

КИРПИЧЕНКО: Последняя серьезная попытка контрнаступления фашистских войск была предпринята в Венгрии, в районе озера Балатон. Бои там очень многим запомнились ожесточенностью. В австрийских Альпах немцы также предпринимали контрнаступление местного порядка — наши части там также несли потери. В Чехосло-

вакии же мы только преследовали врага. Там, как известно, один бешеный гитлеровский генерал не признал капитуляции, и мы числились действующей армией до 12 или 13 мая... Так что финал войны складывался для советских войск непросто: за четыре месяца боев, к примеру, дивизия, в которой я служил, потеряла убитыми и, в основном, ранеными, до сорока процентов личного состава.

— Ну а зачем же, все-таки, — этим сейчас интересуются многие — наша армия в 1944-м вообще продолжила войну на территории зарубежной Европы?

ОРЛОВ: То есть не лучше ли было остановиться на границе и залечивать раны? Нет, так поступить мы не могли. Приведу только три причины, хотя их гораздо больше... Прежде всего, на территории оккупированной Европы и в Германии находились миллионы наших соотечественников, попавших в плен и угнанных в рабство, которых мы обязаны были освободить. Во-вторых, мы были связаны союзническими обязательствами, которые предусматривали, что война с Германией должна закончиться только ее безоговорочной капитуляцией. Наконец, третьим моментом считаю то, что к 1944 году Германия уже далеко продвинулась в создании баллистических ракет и вела работу над атомным оружием.

— Об этом факте сегодня даже не вспоминают...

ОРЛОВ: Да, об этом мало вспоминают, но если бы мы вдруг остановились, то немцы, очевидно, успели бы создать атомный реактор — в 1944 году для этого у них были все предпосылки. Не случайно первые эшелоны десанта союзников, высаживаясь в Нормандии, имели счетчики Гейгера: было неизвестно, в какой стадии находится работа над атомным оружием, и союзники опасались, что на Атлантическом побережье могут быть расположены ядерные фугасы.

ЯМПОЛЬСКИЙ: После высадки в Нормандии наши и англо-американские войска уже двигались навстречу друг другу. При этом западные союзники стремились захватить побольше территории, чтобы включить ее в зону своего влияния, а мы освобождали европейские страны для того, чтобы в будущем хотя бы на какое-то время исключить возможную агрессию со стороны Запада.

— Александр Семенович сказал, что выход наших войск на территорию Восточной Европы был обусловлен и нашими союзническими обязательствами...

МЯГКОВ: Это не секрет, что определенные круги в правительствах Великобритании и США после Сталинградской битвы, после Курска начали опасаться: не остановится ли Красная армия после всех своих потерь на границе, не заключит ли Советский Союз какое-то сепаратное перемирие с Гитлером? Проработку этого вопроса в штабе армии США, в американской разведке начали уже с 1943 года. Были даже выпущены специальные документы, в частности «Могут ли Америка и Россия сотрудничать?», посвященные именно этому. То есть у союзников присутствовала определенная боязнь, основанная на том, что второй фронт еще не открыт, что сами они отсиживаются за Ла-Маншем, а Красная армия несет на себе главную ношу войны, и силы ее не безграничны...

ТЮШКЕВИЧ: Действительно, в сороковых не было военной силы, способной противостоять фашистскому блоку в Европе, кроме Красной армии, Советского Союза. Вся Европа была «коричневой», за исключением Швейцарии и Швеции, но и те экономически поддерживали Германию. Не случайно именно в конце 1942 — начале 1943 года Рузвельт говорил, что «ваша борьба служит нам вдохновляющим примером», а де Голль заявил, что Красная армия — единственная военная сила, которая

олицетворяет символ освобождения. Даже Черчилль, ярый антикоммунист, сразу же, как началась война, стал приветствовать Советский Союз. Он понимал, что без Красной армии западная демократия не устоит перед фашизмом, хотя фашизм как раз и был порожден западной демократией.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Да, англичане и американцы в период всей войны прилагали максимум усилий, чтобы таскать каштаны из костра русскими руками! Об этом, кстати, говорил и Сталин... А когда война стала приближаться к концу, особенно усиленно противодействовать нам на различных направлениях стали англичане во главе с Черчиллем.

— То есть выход наших войск на территорию стран Восточной Европы в первую очередь обретал международно-политический характер?

КИРПИЧЕНКО: Я совершенно с этим не согласен — Впрочем, так же как и с доводами тех псевдочученых, которые полагают, что, освободив свою территорию, Красная армия могла остановиться и дальше не двигаться. Думаю, даже помкомвзвода военного времени о такой глупости сказать не мог, потому как всякий тогда понимал: если мы остановимся у границ, немцы перегруппируют силы и непременно будут пытаться взять реванш. Какой смысл останавливаться, если противник не разгромлен и еще располагает большой военной силой?

ТЮШКЕВИЧ: И мы, и наши противники, и вообще все в мире руководствовались известными положениями военной теории. Для того чтобы одержать победу, необходимо, во-первых, уничтожить в ходе вооруженной борьбы вооруженные силы противника; во-вторых, лишить противника его союзников, а себе союзников приобрести; и третье условие, тоже неперемное, — овладеть территорией или столицей неприятеля.

ОРЛОВ: Между тем даже в нашей стране теперь раздаются голоса, пишутся статьи и целые книги, где говорится, что мы были освободителями только до тех пор, пока освобождали собственную территорию, и что нам не следовало бы выносить боевые действия за пределы нашей страны... Мол, с этого момента мы сразу превратились в оккупантов.

— В нашей историографии четко говорилось: «народы поработенной Европы ждали советского воина-освободителя», и думается, что это истина. Хотя нации и народности во многом различаются между собой. Можем ли мы конкретизировать, кто именно и где в Восточной Европе ждал прихода именно советского воина-освободителя?

ТЮШКЕВИЧ: Конечно, подавляющее большинство народов всех стран Европы ждало освободителей. Они шли с двух сторон: с Востока — Красная армия, с Запада — ее союзники. Кто будет лучше? Это идеологический вопрос, в разных странах он решался по-разному, и только для политиков обретал особую актуальность.

ПОПОВ: Кстати, англичане, особенно Черчилль, и в публичных выступлениях, и в работе по разведывательным каналам все время создавали иллюзию у сателлитов гитлеровской Германии, что вторжение произойдет, как выражался премьер Британии, в «мягкое подбрюшье Европы». То есть будет высадка на Балканы, а затем наступление через юг Австрии в Венгрию и Польшу. Это рождало надежды сохранения там существовавших на тот момент режимов. Это очень важно, потому как, собственно, и определяло политику этих стран в отношении Советского Союза.

КИРПИЧЕНКО: Вычислить в процентах, сколько нас ждало в одной стране, сколько — в другой, невозможно. Это не поддается никакому учету, но общие настроения

определить можно. Кто нас ожидал? Конечно, коммунисты, значительная часть социал-демократов, передовая часть (не убоимся этих слов) рабочего класса и очень большая часть интеллигенции, поскольку, кроме всего, для антифашистской, демократической интеллигенции Советский Союз представлялся государством будущего, где существуют бесплатное образование на всех уровнях, бесплатная медицина, ликвидированы сословия и так далее и тому подобное... То есть довольно значительные прослойки населения нас ожидали и затем встречали с искренней и глубокой радостью.

ТЮШКЕВИЧ: А вот не ждали нас, можно сказать однозначно, те, кто сотрудничал с гитлеровским режимом, с реакционными профашистскими режимами своих стран...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Судя по документам, наиболее активное ожидание нашего прихода было на территории Словакии. Первые же переброшенные нами туда оперативные группы, партизанские отряды сообщали, что Словацкая армия в большинстве своем готова перейти на сторону советских войск. Из Центра приказали помогать им создавать партизанские отряды, но не особенно втягивать в боевые действия против немецких войск.

— Однако, несмотря на это, в конце августа 1944 года началось-таки Словацкое национальное восстание...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Очевидно, оно началось по указанию Чешского временного правительства из Лондона, и в нем приняло участие значительное количество войск Словацкой армии. Для подавления восстания немцы выделили около 30 тысяч войск, значительное количество бронетехники, авиацию.

Наши органы госбезопасности знали, что восстание готовится, но не предполагали, что оно произойдет так быстро. Когда ситуация осложнилась, представители сло-

вацкого командования попросили руководителей наших оперативных групп взять командование в свои руки... Но поскольку в результате наступления немцев в Словацкой армии началась паника, Центр приказал никоим образом не брать на себя командование... Полагаю, это было сделано правильно — иначе, боюсь, у нас сегодня было бы гораздо больше проблем для обсуждения.

— Несколько раньше антифашистское восстание началось и в Варшаве...

МЯГКОВ: Польша — наиболее тяжелое звено во всем цикле освобождения восточноевропейских государств. Межгосударственные противоречия, вражда славян уходят в XIX, в XVIII и даже в XVII века... Не надо также забывать, что в 1943 году немецкая пропаганда распространила сведения о расстреле в Катыни в 1940 году польских офицеров. Это заявление немецкой пропаганды и наш ответ фактически привели к разрыву дипломатических отношений между лондонскими поляками и Москвой.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Обстановку в Польше определяли Армия Крайова и Гвардия Людова, представители эмигрантского правительства и так называемого польского комитета национального спасения...

МЯГКОВ: До этого была еще армия Андерса, которая в 1942 году покинула территорию СССР, не желая воевать на советско-германском фронте...

ЯМПОЛЬСКИЙ: События развивались очень сложно и не так эффективно, как бы нам того хотелось, однако и на территории Польши мы готовили партизанские отряды, развертывали и активизировали диверсионно-разведывательную работу.

МЯГКОВ: В июле-августе наши войска подходят к Варшаве, и здесь возникает эпизод, который в дальнейшем повлиял на все наши взаимоотношения с союзниками по

антигитлеровской коалиции. По заданию лондонского эмигрантского польского правительства в Варшаве поднимается восстание. Его цель — взять власть еще до того, как туда вступит Красная армия. Наше командование не знало о подготовке восстания, зато о нем знали... немцы.

Командование Красной армии, наше правительство встают перед вопросом: что делать дальше? Как вести себя в этой ситуации? Ведь Польша — в рядах коалиции антигитлеровских государств... Мы стараемся предпринять какие-то активные действия, но это невозможно, поскольку только что завершилась тяжелейшая Белорусская операция, войска просто истощены...

— Известно, что эти доводы на наших западных союзников почему-то не действовали. Хотя свои войска они старались беречь...

МЯГКОВ: Да, Черчилль и Рузвельт нам заявляют: вы, мол, не помогаете, как нужно, польскому правительству. Сталин возражает — мы делаем все, что возможно. Отношения между союзниками накаляются, грозя перерасти в полномасштабный кризис... В конце концов, и на Западе осознали, что в данный момент вести наступление на Варшаву невозможно и что лондонские поляки совершили, будем считать, ошибку. Фактически же это была провокация, направленная на осложнение советско-польских отношений уже после войны, лондонские эмигранты очень хотели, чтобы в Польшу вошли войска западных союзников.

ЛОБОВ: Я говорил, что основные наши операции велись на правом фланге, и объяснял почему. Но вот еще одна тому причина: представим, что Варшавское восстание удалось, поляки обращаются за помощью к англичанам, десант союзников высаживается не во Франции, а на севере Польши, на фланге немцев, и продвигается потом на юг вдоль нашей государственной границы...

— Полного доверия между государствами — участниками антигитлеровской коалиции не было. Это было из-за идеологических противоречий или ему мешала какая-то конкретная информация?

ЯМПОЛЬСКИЙ: Второе, думаю, вернее. Вот, наша резидентура сообщала, что англичане и американцы рассматривают Болгарию как агрессивную страну, которую необходимо оккупировать. В это мероприятие они хотели втянуть и нас. Однако, зная, что в Болгарии отношение к нам очень доброжелательное, мы всячески уклонялись. Посол в Великобритании Гусев говорил, что не имеет указаний вести переговоры по этому вопросу... Тогда англичане и американцы начали закулисные переговоры в Каире, пригласив туда и представителя Болгарского фашистского правительства. Видя, что дело развивается таким образом, наше правительство решило ввести в Болгарию войска, и болгары встретили нас очень тепло... Они-то, кстати, нас ждали по-настоящему.

КИРПИЧЕНКО: Да, лидер болгарских коммунистов Георгий Димитров заявлял, что когда Красная армия войдет в Болгарию, ни одного выстрела не раздастся в ее сторону — так и получилось.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Хотя в Румынии коммунистическая партия была слабенькой, она тоже попросила, чтобы мы оказали помощь в подготовке партизанских отрядов, что и было сделано... Кстати, были разработаны конкретные планы по усилению партизанского движения в Чехословакии, Венгрии, Румынии и Польше на период с июля по сентябрь 1944 года. В Западной Украине была развернута особая школа, где прошли подготовку многие представители этих государств. Затем им доверяли руководство партизанскими подразделениями, а наши товарищи выделялись в качестве советников, по два-три человека в подразделение.

ПОПОВ: Что касается Венгрии, то там нас ждали коммунисты, очень, кстати, немногочисленные, и, думаю, социал-демократы, либерально настроенное население...

ОРЛОВ: Мне довелось участвовать в освободительной миссии — был в Венгрии и Австрии. В Венгрии население встречало нас по большей части враждебно, иногда — нейтрально, но почти никогда — дружески. Совершенно иначе было в Австрии... Почему? Потому что в 1943-м на встрече министров иностранных дел трех великих держав было заявлено, что Австрия — не часть рейха, как считал Гитлер, а оккупированная территория. Поэтому и мы австрийцам объявляли, что не считаем их фашистами, что они — пострадавшая сторона. Хотя, конечно, эксцессы случались, но австрийцы очень здорово нам помогали.

ПОПОВ: В прошлом году я был в Венгрии, встречался с разными контингентами населения. Особенно меня интересовала студенческая молодежь. Так вот, почти никто из них не знает, что венгерская армия в союзе с немцами воевала на советской земле, что венгры, в частности, проводили карательные операции на территории Белоруссии. В 1944-м все, разумеется, было иначе. Очень многие видели в нас не освободителя, а врага.

ОРЛОВ: Я участвовал и в штурме Вены, и в штурме Будапешта — разница была очень большая. В Вене австрийцы часто прибегали к нам, говорили: «Там в проломе немецкий фаустпатронник, будьте осторожней!»

КИРПИЧЕНКО: Конечно, в Австрии нас считали избавителями, австрийцы часто представлялись: «цивиль Аустрия», мол, «я — гражданское лицо», или «остерайхшисе социал-демократ», и даже билеты свои показывали... Там, в Австрии, атмосфера для наших войск была вполне благоприятная, о Чехословакии и говорить нечего — нас встречали цветами, объятиями, поцелуями, вином, хлебом, ни одного недружественного акта не было...

ОРЛОВ: В Венгрии же ничего похожего не было. Если там могли какую-то гадость сделать, то обязательно делали — тут же, немедленно. В Секешфехерваре — особенно...

КИРПИЧЕНКО: О, про этот город говорили, что легче было его один раз взять, чем два раза назвать!

ОРЛОВ: Уж это точно!

ПОПОВ: Кстати, в Венгрии, ко всему прочему, существенным фактором был языковой барьер. С румынами можно было хотя бы по-французски объясниться, по-немецки, а венгерский язык освоению не поддавался.

КИРПИЧЕНКО: Мы с вами двигались одними путями. Я, старший сержант 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, побывал в Польше, Австрии, Венгрии и Чехословакии — всюду нас действительно и ожидали, и встречали по-разному.

ТЮШКЕВИЧ: Даже многие западные историки пишут, что исторически Россия редко когда вступала в Европу с захватническими целями — она приходила в силу необходимости или по просьбе легитимных государей, правительств. Потому Германия и тратила столько сил на антисоветскую, антирусскую пропаганду.

МЯГКОВ: Да, геббельсовская машина, начиная уже с 1943 года, активно убеждала немцев, что когда придут русские, то будут кровь, насилие, террор и т. д. Геббельс призывал немцев верить, что в Германии русские будут делать то, что сами немцы делали в России.

Немцы, надо сказать, этому верили и, естественно, боялись нас вдвойне. Больше всех не хотели видеть Красную армию конечно же немцы... Вот февраль 1945-го, наши войска стремительно продвигаются к Одеру, идет эвакуация из Берлина, на вокзале суматоха, толпа, давка, и вдруг в этой суеде встает увешанный наградами фельдфебель и громко призывает к тишине. Народ потихоньку начинает остывать, прислушивается, что же он говорит.

А он громким отчетливым голосом заявляет: *«Вы добились, чего хотели! Когда сюда придут русские и сделают хотя бы сотую долю того, что мы сделали в России, поверьте, от Германии и от вас ничего не останется!»*

— Впечатляет! Но ведь и Советское правительство, и командование Красной армии старались всех убедить, что советские солдаты идут за рубеж не мстителями, не карателями, а избавителями...

ТЮШКЕВИЧ: Да, в те дни не раз подчеркивалось по отношению как к немецкому народу, так и к другим, что мы вступаем на их территорию не как оккупанты...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Руководство СССР предусмотрело и подготовило соответствующую документально-правовую базу наших действий. 2 апреля 1944 года по радио было передано официальное заявление нашего правительства, что мы вступаем на территорию Румынии не как оккупанты, а как освободители. А вот воззвание к самому румынскому народу, где сказано, что Красная армия выполняет приказ Верховного главнокомандующего преследовать неприятельские войска до их полного поражения и капитуляции. В воззвании подчеркивалось, что мы не преследуем целей изменять государственно-политическое устройство этого государства, ограничивать свободу религиозных конфессий, не претендуем на какие-то румынские земли... В пункте 12 указано, что стоимость всех реквизированных или добровольно продаваемых для нужд Красной армии предметов потребления и промышленных товаров выплачивается в леях по ценам, существовавшим до вступления советских войск. Разве мы наблюдали со стороны Германии такие жесты, когда они вступали на советскую территорию?

— Подобные воззвания адресовались и народам других восточноевропейских стран?

ЯМПОЛЬСКИЙ: Да, 31 июля было подготовлено воззвание в связи со вступлением советских войск на территорию Польши. Здесь, правда, все обстояло несколько сложнее, поскольку мы прервали с польским правительством дипломатические отношения, и пришлось заключать соответствующие соглашения с польским Комитетом национального освобождения. Было оговорено, что на территории, освобожденной советскими войсками, власть полностью переходит к этому комитету, а там, где идут боевые действия, она осуществляется руководством Красной армии. Такое же постановление было и в отношении вступления наших войск в Венгрию... В общем, документы были заранее подготовлены, а затем конкретизировались применительно к той стране, на территории которой начинались боевые действия.

— Но все же некоторые современные авторы утверждают и, как представляется, достаточно аргументировано, что Красная армия эти страны все-таки оккупировала...

ТЮШКЕВИЧ: А что такое оккупация, каков этимологический смысл этого слова? Возьмем толковый словарь: *«Оккупация — это насильственное занятие вооруженными силами какого-либо государства чужой территории»*. Да, было насильственное занятие, но по просьбе законного правительства, по логике событий... Те же, кто это отрицает, используют лишь отдельные факты негативного плана. В общем, выражаясь словами Тютчева, это люди, которые *«с гнусностью подходят к объяснению прошлой истории»*.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Хотя лжеисторики и пытаются называть нас оккупантами, фронтовики знают, убеждены, что Советский Союз преследовал совершенно иные цели.

КИРПИЧЕНКО: Действительно, весь вопрос в том, с какими целями пришла на чужую землю армия. Крас-

ная армия шла в Европу как освободитель для разгрома противника, выполняя и свой патриотический, и свой союзнический долг.

ТЮШКЕВИЧ: Я бы сказал, что действия Красной армии, направленные на освобождение своей территории и уничтожение противника, по своему социально-политическому характеру изначально имели освободительный характер, и потому вся борьба Советского Союза с фашизмом — это освободительная миссия. Когда же мы вступили на территорию восточноевропейских стран, то начался непосредственно процесс освобождения, оказания помощи этим народам, потому что другой силы, способной на это, не было. Кроме того, действия Красной армии были вдохновляющими для движения Сопротивления, национально-освободительной борьбы, да и, по существу, — для политики западноевропейских стран. В общем, вся объективная логика международных отношений, военно-политических событий, вооруженной борьбы обязывала нас вступать на эту территорию освободителями от фашизма, который был главным препятствием для развития человечества в XX веке.

Можно утверждать, что освободительная миссия Советского Союза началась 22 июня 1941 года, а не когда мы вступили на территорию других государств.

МЯГКОВ: А если бы Красная армия не вошла на территорию Восточной Европы, то свято место, как говорится, пусто не бывает. Наши союзники сразу же начали бы создавать новый «санитарный кордон» вокруг Советского государства. Тот самый «санитарный кордон», который был одной из основных причин предвоенного политического кризиса. А ведь одной из важнейших геополитических целей Советского Союза в предверии победы было создание на своих рубежах пояса дружественных государств, обеспечение безопасности государства на долгие годы.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Добавлю в развитие темы, что Черчилль советовал Рузвельту изменить планы использования войск в октябре 1944 года. Те силы, которые американцы готовились выделить для активизации наступления на Западном фронте, он предлагал вновь использовать в Италии, чтобы через нее выйти на Австрию и таким образом защитить свои интересы в Югославии и Греции. Рузвельт не пошел на это. Он сказал, что американские войска устали, и наступление Советской армии с Востока даст союзникам гораздо больше, нежели их собственное наступление через Италию.

— То есть занятие восточноевропейских государств иностранными войсками в любом случае представляется неизбежным...

КИРПИЧЕНКО: Оккупация территории после разгрома противника — явление, всеми признанное законным. Но с какими бы целями ни пришла оккупационная армия, задерживаться надолго ей опасно.

ОРЛОВ: Действительно, когда армия долго стоит на чужой территории, от нее устают — какая бы она ни была... К Красной армии относились хорошо в первое время, потому что она пришла в качестве освободителя. Мы оказывали огромную и всестороннюю помощь населению освобожденных от фашистской оккупации стран... Когда в Норвегии мы вошли в Киркенес, весь город был разрушен. Был конец октября, и все уцелевшие дома были отданы местному населению, а наши солдаты жили в палатках — хороши «завоеватели» и «оккупанты»!

В Австрии мы передали населению большое количество продовольствия, стали восстанавливать мосты, железные дороги...

В Венгрии, особенно в Будапеште, где народ голодал, и люди прожили в подвалах три месяца осады, наши войска сразу же передали населению 33 тысячи тонн зерна, 4 ты-

сячи тонн мяса, 2 тысячи тонн сахара, 600 тонн соли и так далее, и так далее. Забыть об этом могут лишь самые неблагодарные.

— Кстати, мы привыкли говорить о разоренной войной Европе. А ведь разорение было далеко не везде одинаковым...

ЛОБОВ: Это правда. В результате войны экономика европейской части СССР была уничтожена дважды и даже трижды: когда немцы наступали до Москвы, все уничтожалось, и мы сами им в том помогали, чтобы не оставлять; потом — когда немцы отступали...

Мы также получили опустошенную Восточную Европу — разрушенные Польшу, Венгрию, Чехословакию, Румынию, Болгарию и восточную часть Германии. Зато на Западе все осталось целым — Франция, Испания, западная часть Германии, Норвегия, Дания, Голландия — только Роттердам был разрушен. Советскому Союзу пришлось не только восстанавливать свою европейскую часть, но и помогать Польше, Венгрии, Чехословакии... Сколько туда вложено, мы даже не знаем. И вряд ли будем считать.

— Однако очень скоро наши недоброжелатели заговорили не об этой помощи, а о насильственной «советизации», «большевизации» Европы, этаком «экспорте революции». Насколько оправданны были — да и остаются, поскольку эта тема не забыта, — подобные утверждения?

ОРЛОВ: Мысль, что мы «советизировали» Восточную Европу, теперь гуляет и в нашей прессе. Но так ли это? Мы действовали в полном соответствии с нормами международного права. Насильственной «советизации» в то время не было и не могло быть, потому что сами народные массы ряда стран, в том числе Венгрии и Румынии, кроме того, что боролись с фашизмом, выступали и против своих

реакционных режимов, которые довели страны до того, что они попали либо в зависимость, либо в союз с фашистами. Народное сопротивление привело к тому, что леводемократические силы одерживали победы над силами право-демократическими, даже просто демократическими, которые пытались вернуть в свои страны старые порядки. Но ведь эти порядки перед войной себя не оправдали! Поэтому движение сопротивления способствовало тому, что в этих странах произошли народно-демократические революции. Не во всех, а именно там, где боролись не только против германского фашизма, но и против своих, теперь рухнувших, режимов.

Там, где таких условий не было, хотя и были наши войска, — скажем, в Норвегии, Дании, Иране, Австрии, — там политических сдвигов в левую сторону не произошло, они остались теми же буржуазно-демократическими странами, какими были до фашистской оккупации.

КИРПИЧЕНКО: Конечно, наша армия способствовала тому, что к власти приходили социалистически настроенные элементы. С нашей точки зрения это был нормальный процесс, и наша армия стала уже защищать этот строй от внешнего вмешательства и внутренней реакции...

ОРЛОВ: Страны народной демократии, которые тогда образовались, ни в какой степени не были копиями Советского Союза и отнюдь не были социалистическими странами. На социалистический путь развития они начали переходить уже после того, как был принят план Маршалла — когда четко разграничилась Европа, началась «холодная война». Только тогда, после этапа народной демократии, некоторые из них встали на путь социалистического развития.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Отмечу, что в ноябре 1944 года наша разведка сообщала, что Черчилль и Иден высказывают идею о создании блока западноевропейских стран. К этой

мысли британские политики пришли, видя, что Советская армия освобождает значительную часть Европы... Но кого тогда можно было легко объединить в «западный блок»? Наверное, только Францию и Англию. Однако из-за того, что Франция была слабо вооружена, а самой Англии после войны нужно было укреплять экономику, эта идея в Великобритании поддержки не получила. Она, как мы знаем, была реализована только впоследствии — в более широком масштабе, с привлечением американцев. Имеется в виду создание блока НАТО.

— Это вызвало ответное заключение Варшавского Договора и, как следствие, долголетнее нахождение наших войск на территории ряда стран Восточной Европы.

КИРПИЧЕНКО: Да, и к сожалению, мы никогда не задумывались над тем, какое время армия-освободительница может находиться на чужой территории и какие это порождает настроения у местного населения. Я не ученый, никаких трудов у меня в этой области нет, есть только жизненный опыт — участие в Великой Отечественной войне, участие в афганской войне и выполнение интернационального долга в других местах... На основании этого опыта я и пришел к выводу, что длительное нахождение армии в чужой стране неизбежно приводит к восстановлению против нее народных масс.

ПОПОВ: Я с этим согласен. Тем более что серьезные ошибки были допущены уже на начальном этапе нашего пребывания в чужих странах. Мы явно не понимали психологию населения, не могли наладить с ним разумные взаимоотношения. Так, насколько мне известно, в 1945 году, когда освободили Будапешт, были арестованы участники митинга коммунистов, которые вышли из подполья! Тогда стремились взять как можно больше пленных. А на митинге было много людей призывного возраста. Так вот, чтобы освободить тогда коммунистов,

советнику-посланнику Пушкину пришлось докладывать о случившемся Молотову...

После войны я работал в Венгрии в Союзной контрольной комиссии, находился там и в 1956 году, так что мне хорошо известны просчеты, допущенные с нашей стороны в этой стране. Причина многих из них именно в длительности нашего там пребывания, потому что контролировать большие контингенты военнослужащих достаточно трудно. Всегда случаются мелкие, а то и крупные инциденты, которые обретают политическую окраску...

КИРПИЧЕНКО: Сказанное можно подтвердить и современным опытом. Прозападно настроенные руководители наших информационных телепрограмм с ядовитым сарказмом говорят, что Советский Союз ввел войска в Афганистан, чтобы построить там социализм по своему образу и подобию. Какая нелепость! Мы вошли туда по просьбе афганского правительства, чтобы защитить новый строй, избавиться от деспота Амина, настоящего фашиста. Советников всех рангов тогда предупреждали: не лезьте ни к кому со своими идеями, мы не собираемся менять там строй, строить социализм. Больше того, оберегайте от таких идей афганцев, с которыми близки. Наша армия, дислоцированная в крупных центрах, должна была способствовать прекращению религиозной гражданской войны. Только длительное нахождение там нашего контингента привело к противостоянию с моджахедами. Вдохновляли последних, конечно, американцы, которые теперь сами переживают что-то очень похожее.

— Как видно, опыт бурного XX столетия никому впрок не пошел...

ПОПОВ: Здесь я с вами не согласен... Американцы, все-таки, постарались максимально учсть и свой, и наш горький опыт.

— Но вернемся к главной теме нашего разговора...

ТЮШКЕВИЧ: Во время войны общественное мнение всех стран, пострадавших от фашистской оккупации, было на стороне Красной армии, Советского Союза. Впоследствии оно оказало заметное влияние как на изменение строя и порядков в ряде государств, так и на послевоенное мировое общественное устройство. Когда в 1950 году нашу механизированную армию из Румынии перевели в Венгрию, под Будапешт, я имел возможность сравнить настроения, которые были в 1944 году и спустя 6 лет. Скажу, что в то время отношение к Красной армии было здесь уже гораздо лучше, благоприятнее...

ПОПОВ: В прошлом году я был в Венгрии и с большим огорчением убедился, что теперь там говорят лишь о советской оккупации Венгрии...

ТЮШКЕВИЧ: Да, исторические оценки очень сильно зависят от соотношения сил на мировой арене. Особенно резко они поменялись после 1991 года и последующих событий. Многие деятели, до этого объективно оценивавшие действия Красной армии и Советского Союза в годы войны, в том числе и его освободительную миссию, спешно поменяли свои взгляды. На смену объективности пришла конъюнктурщина, которая, кстати, быстрее овладевает обыденным сознанием.

МЯГКОВ: Два года назад в Англии была издана, а сейчас переведена и на русский язык книга Энтони Бивера «Падение Берлина, 1945 год». Автор, больше известный нам по книге «Сталинград», фактически поставил себе целью доказать, что, когда Красная армия вошла в Германию, в Берлин, то вела себя как представитель не цивилизованного, но варварского мира, который пришел из степей, чтобы угнетать благородный немецкий народ...

ОРЛОВ: Замечу, что вся информация в этой книге опирается на слухи, а не на документы. Сплошные сомни-

тельные ссылки: «один танкист мне говорил», «комсорг танковой роты сказал»... Притом и утверждения, и даже приводимые цифры — несуразны! Например, Бивер пишет, что в одном только Берлине было изнасиловано два миллиона немецких женщин. А было ли их вообще там столько?

МЯГКОВ: Может, книжонка эта и не заслуживает нашего внимания. Больнее, что очень уж много желающих верить всяким глупостям, не замечать, что тот же Бивер — и не только он — бросают тень не только на советские войска, а больше на Русскую армию, с ее якобы нецивилизованными, неевропейскими традициями...

— А ведь Русская армия на европейские действительно не похожа. Можно вспомнить, как в 1812 году доблестные французские вояки разграбили Москву, зато русские в 1814 году не только сохранили Париж, но еще и своим прусским союзникам морды били, чтобы те местных жителей не грабили и француженок не трогали. Можно, кстати, и 1849 год вспомнить, когда русские офицеры помогали лихим венгерским гусарам спастись от австрийцев...

МЯГКОВ: Нынешние попытки дискредитировать освободительную миссию Красной армии в Европе — не взгляд в прошлое, не история. Это стремление вытеснить даже добрую память о нас из Европы. Отгородиться от нас духовно навсегда.

ОРЛОВ: К сожалению, это действительно тенденция. Вот, скажем, Джордж Робертс. Хорошая книга у него недавно вышла о Сталинграде, но все равно и в ней, хотя, вроде, Сталинград тут ни при чем, упоминается Берлин и опять же в нем — насилие... Самое печальное, что такие вещи не находят у нас отпора. А ведь есть же у нас что сказать по этому поводу! Сказать просто и убедительно, потому что за нами — правда.

ПОПОВ: Печально, но сегодня мы фактически лишились системы внешнеполитической пропаганды. Я думаю, что ликвидация того же АПН, которое в свое время работало, чтобы разъяснить в мире наши позиции, — большая потеря. Никем не отмененное понятие «информационная война» заставляет задумываться о том, что пропаганда в современном мире — это грозное оружие...

— Мне кажется, в информационной войне сегодня не участвует только Россия...

ЛОБОВ: Вот потому-то и хотелось бы тему, которую мы сегодня подняли в редакции уважаемой нами «Красной звезды», обсудить еще более фундаментально и на более высоком уровне... Дело в том, что в связи с очередным расширением НАТО, а значит, с неизбежным усилением влияния США и Англии на территории Европы, следует ожидать усиления пропаганды, которая будет всячески очернять Советский Союз и его политику. Очернять роль Красной армии, которая вела освободительную войну на территории Европы, да и Советскую армию, которая находилась в союзных нам странах. Ведь оправдывать существование и расширение НАТО не так-то просто. Вот и приглашают в союзники историю, предварительно вывернув ее наизнанку, выискивая в ней лишь то, что соответствует особенностям момента. Вот почему я считаю, что у нас есть потребность более широко и более активно отстаивать свои исторические взгляды и позиции, бороться за правду.

Впрочем, закончить наш разговор хочется словами генерала Монтфейля, книга которого «Исследования Второй мировой войны» вышла еще в 1953 году в Гамбурге: *«Нельзя втыкать штык в землю, пока над противником не будет достигнута окончательная победа. Восстановить Европу былую тоже нельзя — она может быть восстановлена только мутацией, то есть крупными преобразо-*

«Красная армия в Европе: освободитель или оккупант?»

ваниями всех форм жизни — политики, экономики, религии и культуры, которые должны быть созданы заново для новой Европы. Если мы достигнем этого, тогда мы будем силой, объединяющей не только европейские народы, но и весь мир. Обе войны означают для Европы не завершение, а только начало перелома, начало коренного преобразования существующих порядков в ней». Настораживающие слова, поверьте! В кого до сих пор нацелен штык, о котором так давно писал генерал?

Заседание восьмое:

«Ясско-Кишиневская операция — эталон военного искусства»

Так получилось, что Ясско-Кишиневская стратегическая наступательная операция, проведенная войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией 20–29 августа 1944 года, известна среди других крупнейших сражений Великой Отечественной войны сравнительно мало. Между тем переоценить ее значение было бы весьма трудно... Об этом и шел разговор на заседании «круглого стола», проведенного 28 августа 2004 года. В нем участвовали В. Н. Лобов, М. Ю. Мягков, Ю. А. Никифоров, А. С. Орлов, О. А. Ржешевский, С. А. Тюшкевич, Д. Б. Хазанов и В. П. Ямпольский.

— История — та удивительная наука, которую определенная категория людей все время пытается представить такой, какой они хотели бы ее видеть... Не будем уходить в далекие XVIII–XIX века, потому как достаточно интересные примеры представляют нам и недавние десятилетия. Вот Президент России подписал распоряжение сменить на камне у могилы Неизвестного солдата безликое название «Волгоград» на героическое «Сталинград», и «лакировщики истории» — перефразируем некогда известное идеологическое клише — стали вдруг делать далеко идущие, но ничем абсолютно не обоснованные выводы...

РЖЕШЕВСКИЙ: Странно, что для кого-то нужно раскрывать значение изменения этой надписи! Это сделано в преддверии 60-летия Победы, чтобы напомнить и подчеркнуть значение Сталинградской битвы, завершившей коренной перелом в Великой Отечественной и Второй мировой войнах. Как отмечено в распоряжении президента: «В целях сохранения истории». Это дань памяти живым и павшим героям Сталинградской битвы...

ТЮШКЕВИЧ: Известно ведь, что истина берется из опыта. Исторический опыт свидетельствует, что городом-героем был Сталинград, так что с точки зрения исторической истины последующее переименование не означает автоматического переноса этого высокого звания на новое название... В Петербурге, на площади Восстания у Московского вокзала, написано: «Ленинград — город-герой», и никто не требует заменить это на «Санкт-Петербург — город-герой». Глупо было бы!

РЖЕШЕВСКИЙ: И все же это распоряжение президента было неоднозначно встречено в нашем обществе... Как только оно стало известно, мне позвонили с русской службы Би-би-си и пригласили приехать к ним для выступления в прямом эфире на 25 минут. Вы понимаете, что не поехать я не мог... Когда я туда приехал, то понял, что обстановка совсем иная, чем я ожидал. Только здесь мне сказали, что выступать я буду не один — мол, мы заинтересованы в дискуссии, поэтому дадим в записи представительницу общественности Волгограда, затем будет экспресс-опрос на улице, а со мной будет вести обсуждение драматург Гельман...

— Александр Исаакович? Автор некогда популярных, очень достойных пьес — «Мы, нижеподписавшиеся», «Протокол одного заседания». Реально говоря, один из классиков позднего, «перестроечного» соцреализма...

РЖЕШЕВСКИЙ: Ну да! И вот включают Волгоград. Тамошняя дама говорит, причем довольно наступательно,

что недопустимо переименовывать город в Сталинград. Хотя городское законодательное собрание вынесло такое решение, но мы — кто эти «мы», она не сказала — опротестовали его в суде, и вообще молодежь против переименования. Про камень у могилы Неизвестного солдата — ни слова! Затем г-н Гельман заявил, что все происходящее — возвращение к «сталинщине»...

— Извините, но, придерживаясь этой логики, можно утверждать, что Франция, имеющая в Париже бульвар Сталинград, равно как и иные западноевропейские страны, увековечившие в своей топонимике название героического города, давно уже «погрузились в тоталитаризм»...

РЖЕШЕВСКИЙ: Действительно! Потом выступил я и сказал, что мне непонятно, почему так сместились акценты, ведь речь идет только о надписи на памятнике, причем здесь все остальное? Со своей стороны я привел аргументы — естественно, в пользу этого решения... Но что хорошо? На улице опросили семь человек, пятеро поддержали решение президента, один ответил неопределенно, и только одна женщина решила: «Опять кто-то хочет набить себе за наш счет карманы». Я думаю, все это в какой-то степени отражает общее настроение в масштабах нашей страны... Кстати, г-н Гельман сказал, что решение совершенно неожиданное. Однако те, кто знаком с выступлениями Президента Путина в Нормандии и на заседании Госсовета 2 июля, запомнили его слова о значении патриотизма и что нельзя допустить преуменьшения подвига страны в годы Великой Отечественной войны. Так что все это — логическое продолжение довольно четкой линии...

— Спасибо за интересный рассказ, но давайте вернемся к теме нашего «круглого стола» — нам сегодня предстоит говорить не о Сталинграде, а о Яско-Кишиневской операции...

ОРЛОВ: А вот здесь вы не совсем правы... Ведь Ясско-Кишиневская операция была, по существу, повторением Сталинградской. Но только в новых условиях, с гораздо большим накопленным опытом, с гораздо большей нашей подготовкой. Ведь даже армии у противника в этих двух операциях и то были те же самые! Та же 6-я немецкая армия, рядом с ней — 3-я румынская; 8-я немецкая армия, рядом — 4-я румынская. Немцы находятся в середине, румыны — на флангах. Все это подсказывало идею Сталинграда, тем более что позволяла и местность...

ТЮШКЕВИЧ: И даже, как и в Сталинграде, здесь были окружены двадцать две вражеские дивизии!

ЛОБОВ: Я бы назвал Ясско-Кишиневскую операцию «изюминкой» Великой Отечественной и, естественно, Мировой войны. Почему? Вторая половина 1944 года, авторитет Советского Союза и его Вооруженных сил возрос как никогда. Завершается освобождение Белоруссии, мы уже вошли в Польшу и Прибалтийские республики, на юге — в Румынию, подошли к границам Болгарии... В странах на юге Европы нас ждут как освободителей. А ведь Румыния, Болгария, Греция, Югославия в полном смысле были «кормушкой» для Гитлера. Отсюда в Германию в неограниченных количествах поступало продовольствие, на этой территории было большое число немецких госпиталей, но самое главное — здесь, в Плоешти, была нефть: наверное, процентов 60–70 всех ГСМ Гитлер получал именно отсюда. Успешное проведение операции позволило бы буквально обескровить Германию в материальном отношении, лишить союзников на ее правом фланге...

ТЮШКЕВИЧ: Непонятно почему, но в наших исторических работах о войне как-то неохотно говорится об экономических моментах. А ведь лишение немецко-фашистских войск и их союзников источников снабжения нефтью, горюче-смазочными материалами и продовольствием наносило им тяжелейший удар.

ХАЗАНОВ: В середине лета 1944 года проводился целый ряд советских наступательных операций — из них наиболее сильно потрясла противника операция «Багратион». Немцы уже не смогли залатать все бреши, которые у них возникли, и 18 июля Гитлер заявил на совещании в ставке «Волчье логово» в Восточной Пруссии: *«У нас нет больше людей, и мы должны научиться воевать техникой и оружием... Возрастающее производство вооружения окажет войскам большую помощь — только в последний месяц заводы изготовили 15 тысяч тяжелых противотанковых орудий. В то же время на Восточном фронте с начала русского наступления (видимо, имеется в виду 23 июня, начало Белорусской операции) мы потеряли уже 10 тысяч таких орудий, которые сейчас активно использует противник. Мы вообще являемся лучшими поставщиками оружия и техники для русских!»*

— То есть положение гитлеровцев ухудшалось на всех фронтах?

РЖЕШЕВСКИЙ: Да, тем более что 27 марта 1944 года войска 2-го Украинского фронта, которым командовал маршал Конев, форсировали Прут и вошли на территорию Румынии — так началась освободительная миссия Советской армии в Европе...

ЯМПОЛЬСКИЙ: После 27 марта мы продвинулись приблизительно на 100 километров, и был создан довольно-таки обширный плацдарм, который потом использовался нашим командованием для подготовки Ясско-Кишиневской операции.

РЖЕШЕВСКИЙ: Напомню, что в ноябре 1940 года Румыния присоединилась к фашистскому блоку, а затем послала около 30 своих дивизий на советско-германский фронт — больше, чем кто-либо из гитлеровских союзников. В войну против Советского Союза она вступила с целью создания «Великой Румынии» — за счет Молдавии и

украинских земель. Мы прекрасно знаем, какие зверства чинили румынские войска на нашей территории: только в Одесской области от их рук погибли свыше 200 тысяч человек, десятки тысяч — в Молдавии и в некоторых других районах. Румыния воевала до тех пор, пока ее не разбили в пух и прах. Особенно болезненным был разгром румынских войск под Сталинградом.

— Можно понять, почему теплых и дружественных чувств советские воины к румынам не испытывали...

РЖЕШЕВСКИЙ: Конечно. Поэтому были опубликованы два очень важных документа: заявление Советского правительства от 2 апреля и постановление ГКО. Они определяли нашу политику в отношении освобожденных стран на весь последующий период войны. В них ясно говорилось, что мы не преследуем целей присвоения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественно-политического строя.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Хотя постановление ГКО вышло несколько поздно, 10 апреля, но документ это очень важный. Чтобы более эффективно вести боевые действия на территории Румынии, в нем подчеркивалось, что *«военное командование принимает необходимые меры для обеспечения бесперебойной работы телеграфа, телефона и всех иных средств связи»*. Чтобы влиять на финансовую деятельность румынского государства, наше военное командование еще до начала Ясско-Кишиневской операции выпустило леи — румынскую валюту «военного образца» и заявило, что в ходу будут как старые леи, так и новые леи, и советские рубли. Стоимость всех реквизируемых или добровольно продаваемых для нужд Красной армии предметов потребления и промышленных товаров выплачивается в этих валютах по ценам, существовавшим до вступления советских войск...

В постановлении подчеркивалось, что все должностные лица, чиновники государственных учреждений, муниципальной власти, полиции и сигуранцы — службы безопасности — продолжают выполнять свои обязанности, но только в том случае, если они не оказывают сопротивления мероприятиям и действиям Красной армии. В последнем пункте сказано, что все личное имущество румынских граждан и частных обществ, а также принадлежащая им частная собственность находятся под охраной советских военных властей... В результате местное население активного противодействия советским войскам не оказывало.

ЛОБОВ: Наша задача заключалась в том, чтобы вывести эти государства из войны на стороне гитлеровской коалиции, после чего они примкнули бы к нам или хотя бы остались нейтральными. Советскому правительству, верховному руководству Вооруженных сил, нашей дипломатии и стратегической разведке удалось достичь на этом направлении огромных результатов — конечно, не все получалось легко и быстро.

ХАЗАНОВ: Когда 12 апреля Советское правительство направило руководству Румынии условия перемирия, фашистский диктатор Антонеску отказался что-либо подписывать, и переговоры зашли в тупик. Между тем наши военнослужащие распространяли на территории румынских войск, среди населения многочисленные листовки, поэтому в Румынии знали о факте переговоров и возможности выхода из войны. Но вот выдержка из протокола допроса румынского капитана, летчика, сказавшего, что да, мы знаем о предложениях советского правительства, но, несмотря на униженное положение румынских солдат и офицеров, их полную зависимость от германских командиров, большинство румын считает немцев защитниками нашей страны; благодаря пропаганде доктора Геббельса, заявления русских

об их политике в Румынии не встречают доверия среди населения и армии.

РЖЕШЕВСКИЙ: Однако уже в апреле, как только мы перешли границу, определенные круги в Румынии стали зондировать возможность примирения или условия перемирия. Хотя тогда ничего не получилось, сопротивление нарастало, образовался Антифашистский патриотический фронт во главе с компартией, и его руководство сумело установить контакт с королевским двором — с людьми, которые понимали, что только ликвидировав режим Антонеску, они смогут удержать власть в своих собственных руках.

МЯГКОВ: Уже в конце 1943 — начале 1944 года правительство Антонеску и буржуазно-демократическая оппозиция, которая в основном сосредоточилась вокруг двора короля Михая I, стали нащупывать почву для выхода из войны, чтобы развязаться с немцами и встать на сторону стран антигитлеровской коалиции. Антигитлеровской коалиции, но не четко на сторону Советского Союза! Была ведь возможность, что британские войска высадятся на Балканах и через Грецию и Болгарию будут продвигаться к Румынии. Буржуазная оппозиция надеялась, что в Румынию придут англичане, а коммунистическая оппозиция, естественно, смотрела в сторону Советского Союза, понимая, что оттуда придет избавление страны от гитлеровского диктата.

— Получался тот расклад сил, о котором мы подробно говорили на заседании нашего предыдущего «круглого стола».

МЯГКОВ: Да, конечно... Советское руководство знало об этой ситуации — в конце 1943 года в Стокгольме представители румынского правительства и оппозиции вступили в контакты с советским посольством. В марте 1944 года в Каир прибыл бывший премьер-министр Румынии

Штирбей и начал переговоры с представителями трех великих держав об условиях выхода из войны. 12 апреля наш представитель в Каире Новиков вручил Штирбею условия перемирия, согласованные с Великобританией и США. Однако сохранялась возможность «Балканского варианта», поэтому переговоры затягивались, завершить их не удалось...

— Можно предположить, что румынское руководство или румынская оппозиция — можно считать и так, и этак, — не могли понять, на кого лучше сделать ставку, и боялись продешевить...

МЯГКОВ: Конечно. Однако еще тогда, в апреле 1944 года, государственный секретарь США Хэлл выразил уверенность, что предложения антигитлеровской коалиции помогут румынам в конце концов понять, что их собственные интересы требуют изгнания гитлеровцев из страны. Так на самом деле и получилось: в августе 1944 года, когда все уже, в общем-то, было ясно...

ЯМПОЛЬСКИЙ: А в этот же период румынские спецслужбы активно занимались разведывательной деятельностью и созданием партизанских отрядов на территории Румынии для отпора возможному наступлению советских войск. В сообщении НКГБ Украинской ССР говорится, что в районе Краснопутна «румыно-немецкой разведкой» (так в тексте) создан партизанский отряд в количестве 500 человек, снабжен вооружением, и перед ним поставлена задача по локализации возможного наступления Красной армии. Вот справка отдела контрразведки «Смерш» 53-й армии 2-го Украинского фронта, в которой говорится, что с момента перехода границы активизировалась деятельность румынских разведорганов, главным образом — 2-го отдела Генштаба румынской армии, т. е. военной разведки. Противник забрасывает на территорию, занятую нашими войсками, свою агентуру, которая

вербуются как из военнослужащих румынской армии, так и из гражданского населения.

ХАЗАНОВ: Немецкая разведка докладывала о сосредоточении и каких-то передвижениях русских, о создании плацдарма в Румынии. Но, когда встал вопрос о проведении дополнительных разведывательных полетов, было решено, что это делать нецелесообразно, поскольку происходит непредусмотренный расход горючего. Румыния еще не вышла из войны, а немцы уже, как видно, очень страдали из-за отсутствия горючего.

— То есть здесь, на правом фланге германской обороны, в полном смысле назрели решающие события?

ЛОБОВ: Да, отсюда ведь открывался путь к полному освобождению Балкан и, естественно, к Черному морю, к проливам, к Средиземному морю. По сути дела Балканы — это ключ не только к Европе, но и, может быть, даже ко всему миру — через все проливы и моря... Так что необходимость решительных действий была прямой.

ТЮШКЕВИЧ: Следует сказать, что советская военная теория тогда поднялась на достаточно высокий уровень, она стала выше немецкой военной теории. Можно добавить, проведение Ясско-Кишиневской операции было системным, то есть вошло в систему операций 1944 года, в условиях твердого владения Красной армией и советским военно-политическим руководством политической и стратегической инициативой.

ХАЗАНОВ: Недаром же в ставке Гитлера обсуждались вопросы выхода из войны их союзников — немцы считались с такими возможностями. Они понимали, что выход Румынии — это потеря нефти; выход Финляндии сразу же скажется на поставках никеля, тогда и Швеция отпадет. Они уже потеряли Италию как союзника в войне, обстановка в лагере противника была, скажем так, нерадостной. 20 июля произошло покушение на

фюрера — положение гитлеровского режима стало еще более шатким...

ТЮШКЕВИЧ: Какие же задачи предстояло решить в ходе Ясско-Кишиневской операции? Первая — окружить и уничтожить находящуюся здесь группировку немецких и румынских войск. Вторая задача была вывести из войны на стороне фашистской Германии Румынию и другие балканские страны. Третья — освобождение нашей союзной республики Молдавии и всей нашей земли, временно оккупированной противником. К тому же мы продвигались в глубь вражеской территории, все ближе к границам фашистской Германии...

На направлении главных ударов у нас были сосредоточены силы, значительно превосходящие противника. У них было 900 тысяч личного состава, у нас — 1250 тысяч; наблюдалось значительное превосходство в танках и самолетах; на участке прорыва на один километр было 240–280 орудий...

ХАЗАНОВ: Уточню, что хотя уже в конце 1943 года нашей авиации удалось завоевать стратегическое господство в воздухе, тем не менее в начале 1944 года «люфтваффе» оказывало достаточно сильное сопротивление.

Особенно ожесточенные бои разгорелись в конце мая. Над территорией Молдавии и Румынии произошло настоящее воздушное сражение, не очень долгое, но неожиданное для советского командования. Летчикам 5-й воздушной армии пришлось нелегко: противник совершал временами более тысячи самолето-вылетов в день над ограниченным участком фронта... К началу июня ситуацию удалось изменить, переломить в лучшую сторону, и когда проводилась Ясско-Кишиневская операция, то ничего подобного уже не происходило. Дело в том, что немцы перебросили свою авиацию из южных районов, где она в большом количестве находилась весной, на другие участки советско-германского фронта, на запад, где вы-

садились союзники, и для защиты самого рейха. Хотя против наших 5-й и 17-й воздушных армий номинально продолжали действовать части 4-го воздушного флота — 1-й немецкий и 1-й румынский авиакорпуса, численность их соединений значительно упала.

ЛОБОВ: Кстати, обратите внимание на тех, кто руководил проведением этой операции. 2-м Украинским фронтом командовал Родион Яковлевич Малиновский, 3-м Украинским фронтом — Федор Иванович Толбухин. Оба они вскоре стали Маршалами Советского Союза, были награждены орденом «Победа». Начальниками штабов этих фронтов были Матвей Васильевич Захаров и Сергей Семенович Бирюзов — два будущих начальника Генерального штаба! А Малиновский — будущий министр обороны. Думаю, все это не случайное совпадение. В осуществлении этой операции принимали участие и многие другие известные военачальники.

НИКИФОРОВ: Вы говорите о полководческом искусстве тех, кто осуществлял руководство Ясско-Кишиневской операцией... А какую роль в ее разработке играла Ставка, Верховный главнокомандующий?

ЛОБОВ: Хороший вопрос! Мы, к сожалению, нередко уделяем стратегическому руководству неоправданно малое внимание. Уточню, что был Государственный комитет обороны, который возглавлял Иосиф Виссарионович Сталин, в него входили руководители нашей страны и Вооруженных сил. ГКО руководил обеспечением войны. Ведь война — не только проведение стратегических операций, но еще и определенная форма жизни всей страны... Я думаю, один из разговоров на наших «круглых столах» стоит посвятить теме стратегического руководства в Великой Отечественной войне, а сейчас я скажу в двух словах.

ГКО планировал кампанию: сколько людей можно выделить, сколько танков и самолетов, какова обстановка на фронтах, в сопредельных государствах. Ставка принимала

непосредственно боевые, сугубо военные решения на проведение конкретной кампании, стратегической операции... Поэтому рассматривать Яско-Кишиневскую операцию в отрыве от органов высшего военного управления мы просто не имеем права.

ОРЛОВ: Какая обстановка сложилась на юге к августу 1944 года? Здесь было тихо. На севере заканчивается Белорусская операция, идет Львовско-Сандомирская операция, и противник — группа «Южная Украина» Фришнера — постоянно ослабляется, перебрасывает отсюда войска. Малиновский и Толбухин всячески показывают, что у них якобы нет никаких войск, и вяло отвечают гитлеровцам артиллерийским огнем... Когда наши дивизии уходят на север, это делается очень демонстративно — мол, видите, сколько войск туда уходит!

— Так что, и наша группировка здесь ослаблялась?

ОРЛОВ: Хотя на север войска перетягивали и наши, и противник, соотношение сил, безусловно, было в нашу пользу.

ХАЗАНОВ: Вот вам такой интересный момент: на одном из совещаний Гитлер отметил командующего группой армий «Южная Украина», тогда это был еще Шернер, за то, что он «выгреб» из тыловых учреждений всех, кто был способен воевать, и отправил на передовую. Об этом фюреру сообщил в письме маршал Антонеску, и тогда было решено провести «тотальную мобилизацию» во всех тыловых подразделениях!

ОРЛОВ: Учитывая складывающуюся обстановку, Малиновский предложил начать наступление. Но Сталин ответил: *«Подождите... Вы начнете наступать двумя дивизиями, противник огрызнется тремя — и пойдет, пойдет... Нужно делать по-другому: совместно с Толбухиным выждать момент и нанести удар»*. Идея окружения шла из Москвы, из Ставки, от Сталина...

ЛОБОВ: Мы всё как-то стесняемся об этом говорить. Обязательно скажем, что американские войска возглавлял Эйзенхауэр, английские — Монтгомери, что нашим противником командовал Гитлер. Но признать очевидное — то, что Красной армией руководил Сталин, это означает выразить свое политическое кредо и подвергнуться за это критике!

ОРЛОВ: Вот-вот! А ведь не случайно было название «десять сталинских ударов». Это же не просто подхалимы захотели сделать вождю приятное, нет! В конце 1943 года, когда наши войска наступали по всему фронту, операции стали захлебываться... Наибольшие потери пришлось именно на это время, когда наступательный порыв войск уже исчерпал себя, а тут еще приказ за приказом следует: выйти туда-то и туда-то...

Сталин это знал и как-то сказал Василевскому, который как раз курировал 2-й и 3-й Украинские фронты: «Не надо везде наступать! Вот вы сейчас ограбьте Толбухина и отдайте все войска Малиновскому. Он нанесет удар, и как только он выполнит задачу, вы ограбьте Малиновского, отдайте войска Толбухину — пусть он выполняет свою задачу!» На этом принципе и строились десять последовательных ударов в 1944 году. На одних фронтах создавались мощные группировки, а на других в это время шла активная оборона... Потом наставал момент — и наступал следующий фронт или группа фронтов. В ходе этих операций наши маршалы накопили бесценный полководческий опыт.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Разумеется, не только маршалы и войска, но и, конечно, спецслужбы... Так, в июне 1944 года был разработан план мероприятий Украинского штаба партизанского движения по организации партизанского движения в Чехословакии, Венгрии и в Румынии. В частности, предусматривалось перебросить в район предстоящего наступления оперативные и партизанские

отряды для организации диверсионной и разведывательной деятельности, в том числе на линии железных дорог Кишинев — Галац, Аккерман — Бырлад, на шоссейных дорогах. Были сформированы и переброшены самолетами в район Измаильской области четыре диверсионных отряда для нарушения судоходства противника в нижнем течении Дуная.

Для оказания помощи компартии Румынии в организации партизанского движения и передачи опыта были подготовлены 17 организационно-диверсионных отрядов, на 40–50 процентов укомплектованных румынами, обучавшимися в Школе особого назначения Украинского штаба. 13 отрядов было направлено в район Плоешти для организации партизанских отрядов из местных жителей и диверсий на нефтепромыслах.

ЛОБОВ: Лишить гитлеровцев нефти — это была важнейшая задача. Ведь мы уже вошли в Польшу, готовилась Висло-Одерская операция, наши войска были в Прибалтике, так что нужно было скорее захватить нефтеносный район Плоешти и не дать немцам перебросить свои и румынские дивизии на север. К августу 1944 года «изюминка», как я сказал в начале разговора, созрела...

ОРЛОВ: Но чтобы разбить крупнейшую кишиневскую группировку, Малиновскому нужно было форсировать Днестр. А на 3-м Украинском фронте, у Толбухина, есть маленький болотистый плацдарм — Кицканский, всего-то 17 км по фронту и 6 — в глубину. Приходит идея: скрытно сосредоточить там такие силы, которые могли бы нанести удар.

В течение нескольких месяцев там скрытно проводится совершенно бешеная инженерная подготовка. Зато под Кишиневом все делается совершенно открыто. Но там возводятся ложные фортификационные сооружения, устанавливаются 514 макетов танков... У противника

создается впечатление, что удар будет наноситься именно здесь. К тому же и Фришнер, и его командующие тоже понимают, что главное — Кишинев, значит, и удар должен быть именно на Кишинев. Вся немецкая оборона строится под Кишиневом...

— Что знала наша войсковая разведка о характере этой обороны?

ХАЗАНОВ: Накануне наступления была проведена тщательная и всесторонняя разведка. Буквально каждый километр оборонительных рубежей между Тыргу — Фрумос и Яссами был снят на пленку. Войскам передали планшеты, другие фотоматериалы, где была отмечена чуть ли не каждая огневая точка противника. Естественно, это очень упростило задачу наземных войск, работу артиллерии, что помогло понизить наши потери и повысить темпы нашего наступления.

ОРЛОВ: Немцы ждут удар на Кишинев, но Малиновский наносит его через Яссы, с северо-запада, а с Кицканского плацдарма наносит удар Толбухин...

ЛОБОВ: 2-й Украинский фронт имел участок прорыва 16 км, 3-й Украинский фронт — 18 км. На каждом километре было по 70 танков. Плотность артиллерии на участках прорыва составляла 240 артиллерийских орудий на километр. Полтора часа продолжалась огневая подготовка...

ОРЛОВ: Была уже как бы «типовая ошибка» — мы не учитывали, что с началом артподготовки противник отводил из двух-трех передних траншей войска. Наша артиллерия билась по этим траншеям, но как только артиллерийская подготовка заканчивалась, противник снова их занимал, и, когда начиналась атака, гитлеровцы встречали нас огнем. Так, кстати, было и в 1944 году — во Львовско-Сандомирской операции, где артподготовка по существу прошла по пустому месту.

Но не так было в Яско-Кишиневской операции. Беру опять-таки 3-й Украинский фронт: идет артиллерийская подготовка — непрерывная канонада на протяжении 55 минут. Потом вдруг артиллерийский огонь прерывается, раздаётся крик «ура!», бойцы поднимаются в атаку... Немцы, которые отошли в укрытия, сразу бегут в траншеи. Но это не атака, это над нашими окопами были подняты чучела солдат, а крик транслировался по радио... Как только немцы занимают переднюю траншею, их накрывает наша артиллерия, и артподготовка продолжается еще 40 минут. После этого путь открыт — войска идут без потерь... К сожалению, этот опыт был учтен очень слабо — до самого конца войны.

ЛОБОВ: Действительно, тут все было сделано совсем по-другому, не так, как раньше. Ход артиллерийской подготовки: полтора часа — огневая подготовка, артиллерийская подготовка — 10 минут на одном фронте огневой налет, 15 — на другом. А потом около полутора часов били по отдельным целям, отдельным группам, которые появлялись.

ХАЗАНОВ: Отмечу несколько особенностей в действиях авиации... Прежде всего, наша сторона отказалась от авиационной подготовки наступления — не было нанесено упреждающих ударов по неприятельским аэродромам накануне, потому что немецкая авиация была относительно малочисленна, базировалась на тыловых базах и в основном выполняла функции противовоздушной обороны Румынии и охраняла нефтепромыслы. Зато большое внимание уделялось сопровождению наступающих группировок, прежде всего штурмовой авиацией. Была оказана очень большая помощь в прорыве укрепленных рубежей...

ОРЛОВ: В результате румынские фланговые армии, так же как это было под Сталинградом, были разбиты и распались, два наших фронта соединились в районе Хуши.

Заранее было продумано, что нужно сразу создать фронт окружения — это поручается 3-му Украинскому фронту и 4-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта. Остальные, как под Сталинградом, должны были отодвигать внешний фронт как можно дальше.

ЛОБОВ: Темпы продвижения составляли 25–30 километров, а в глубине при преследовании — 40–60...

— Можно ли говорить, что был использован весь накопленный опыт и вся операция развивалась как по нотам, что действия должностных лиц на всех уровнях были безошибочны и безукоризненны?

ОРЛОВ: Нет, и здесь, к сожалению, не все было сделано безукоризненно... Мощная группировка противника была прижата к Пруту, но если слабые румынские войска были разбиты, то немецкие дивизии по существу оставались целы. Находясь в кольце, они имели силы для обороны и наносили, надо сказать, серьезные контрудары. Гитлеровцы начинают прорываться через реку Прут на западную сторону — несколько десятков тысяч немцев пытаются вырваться из кольца окружения. Надо закрыть брешь, и ее закрывает 4-я гвардейская армия Галанина из 2-го Украинского фронта. Но она как бы нарушает субординацию — переходит разграничительную линию и действует не в своей полосе...

И тут происходит то, что бывало уже не один раз: вместо того чтобы перевести армию в состав 3-го Украинского фронта и закрыть кольцо, Генеральный штаб дает ей команду отойти к границам. 4-я гвардейская армия отходит, в итоге немцы прорываются, и только 12 сентября эта группировка была разбита у реки Серет...

ЛОБОВ: Но все-таки в целом это была блестяще организованная общевойсковая стратегическая операция, в которой принимали участие не только сухопутные войска в составе двух фронтов, авиация, но также и Военно-

морской флот. Впервые в ходе Великой Отечественной войны именно на этом направлении были применены Черноморский флот и Дунайская военная флотилия. Немалый вклад в достижение успеха внесли органы госбезопасности и партизаны...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Да, недаром же 15 августа, непосредственно в канун начала Яско-Кишиневской операции, ГКО запросил ЦК Компартии Украины, что было сделано в плане подготовки организационных отрядов для развития партизанского движения.

Так вот, было доложено, что непосредственно перед началом операции на временно оккупированную территорию было переброшено самолетами 32 организаторских отряда общей численностью 421 человек. В Чехословакию — 12 отрядов, в Венгрию — 8, в Румынию — 7 отрядов, и 5 отрядов было выброшено на территории Молдавии, в районе Кишинева, который тоже нужно было освобождать. Отряды успешно проводили как диверсионную, так и разведывательную деятельность... Кстати, если поначалу в них было до пятидесяти процентов румын, то теперь их было уже почти девяносто процентов, а наши товарищи были только в качестве руководителей штабного движения, радистов, врачей...

ЛОБОВ: Учитывая все сказанное выше, а также те результаты, о которых мы еще будем говорить, эту стратегическую операцию можно было бы с полным основанием назвать блестящим военно-политическим актом, в котором, по сути, были задействованы все наши силовые, политические и дипломатические структуры. Таких официальных формулировок нет, но здесь это больше всего подходит. Хотя подождите, была такая формулировка — в 1968 году, когда мы ввели свои войска в Чехословакию! Тогда американцы такую оценку дали: «Советским Союзом проведен блестящий военно-политический акт».

— Интересно, обычно выше американской похвалы для нас оценок не бывает. Чего ж мы на сей раз оплошали, и события 1968 года оцениваем только с точки зрения тогдашних «диссидентов»? Впрочем, речь сейчас не о том, возвращаемся к 1944 году...

РЖЕШЕВСКИЙ: Уже 22 августа, когда стало ясно, что гитлеровцы начали терпеть очевидное поражение, в Бухаресте началось восстание, организованное Антифашистским патриотическим фронтом и королевским двором. В результате маршал Антонеску был арестован, а столица Румынии освобождена силами восставших.

МЯГКОВ: Арест произошел 23 августа, по инициативе короля Михая I, во время аудиенции, которую монарх дал диктатору у себя в королевском дворце. По сути дела, сразу после этого Румыния стала переходить на сторону государств антигитлеровской коалиции. В ночь с 23 на 24 августа король Михай I заявил о выходе Румынии из войны на стороне гитлеровской Германии.

ХАЗАНОВ: Вскоре после ареста Антонеску румынские офицеры арестовали и немецкую воздушную миссию в Румынии во главе с ее командующим. Это, естественно, сказалось на результатах боевых действиях, привело к деморализации организованного сопротивления.

РЖЕШЕВСКИЙ: Румыния не только вышла из войны, но и повернула свои войска против недавнего союзника. Они участвовали в завершающем этапе освобождения Румынии от гитлеровской оккупации...

ТЮШКЕВИЧ: Так, на стороне Красной армии наступала дивизия имени Тудора Владимиреску — румынское соединение, сформированное и обученное на территории СССР.

РЖЕШЕВСКИЙ: Кстати, сейчас в румынской литературе уже все переименовано. Они говорят, что вся страна вспыхнула, так что Румынию освободили они сами —

именно те силы, которые группировались вокруг королевского двора. Мало того, мы вообще уже по «современной версии» превратились в оккупантов...

ТЮШКЕВИЧ: По-моему, подобные «переосмысления» обуславливаются не только политикой и идеологией, но и определенными особенностями конкретной национальной психологии. Когда я был в Румынии в 1984 году, там, например, называли войну 1877–1878 годов «Румыно-Русско-Турецкой». Подобная высокая самооценка связана у них с «наследием римлян» и так далее... Все это очень сложный вопрос.

ЛОБОВ: Ладно, оставим им их психологию... Тут вот какой интересный момент просматривается: выйдя из войны, Румыния сразу же стала нашей союзницей. Болгария, выйдя из коалиции с Германией, также сразу стала нашей союзницей. Не думаю, что это могло произойти просто так — значит, руководством нашей страны, политическими, дипломатическими, разведывательными органами была проведена огромная работа — и до Яско-Кишиневской операции и, естественно, в ходе нее.

Наивно было бы думать, что в основе решения освободить две страны лежал приказ командующего фронтом Малиновского или Толбухина. Нет, это было решение сугубо политическое. Другое дело, что эти военачальники блистательно выполнили поставленную задачу. Но, к великому сожалению, в литературе обо всех этих делах мало что написано. Смотришь — все одно: военные действия были такие-то, фронты двигались по сходящимся направлениям и так далее...

— «Die erste Kolonne marschiert... die zweite Kolonne marschiert...» Граф Лев Николаевич Толстой, «Война и мир».

ЛОБОВ: Вот именно! А вот о военно-политической, дипломатической, разведывательной работе, которая про-

водилась для освобождения Балкан в период подготовки и осуществления Яско-Кишиневской операции, известно очень мало...

МЯГКОВ: Хочу отметить безусловную заслугу Ставки ВГК и лично Сталина в том, что решение о наступлении на этом южном фланге было принято очень вовремя. Иначе последствия могли бы быть нежелательными для геостратегических целей и задач Советского Союза. Выход британских войск за пределы Греции мог серьезно повлиять на послевоенную расстановку сил в Европе.

— Возникает вопрос. Победа в Яско-Кишиневской операции не только вывела из гитлеровской коалиции Румынию и Болгарию, открыла путь нашим войскам в Венгрию и Югославию, но и в Грецию. Почему Сталин не воспользовался такой возможностью?

ОРЛОВ: Тут правильно говорилось, что, выйдя на Балканы, мы опередили Черчилля...

ТЮШКЕВИЧ: Да, наши западные союзники официально отказались от балканской стратегии — их заставили сделать это наши успешные военные действия.

ОРЛОВ: Но сэр Уинстон все же надежды не терял, и как только закончилась Яско-Кишиневская операция, когда стало ясно, что Румыния у нас в руках, что путь в Венгрию и в Югославию открыт, он примчался к Сталину поторговаться. Мол, давайте установим здесь сферы влияния — не буду называть процентаж... Сталин, как известно, поставил на его меморандуме «галку» синим карандашом, и долго считали, что на этом все и кончилось. Между тем на следующий день продолжался торг между Молотовым и Иденом, и тоже там шли проценты: тут лучше вот так, а тут лучше вот этак...

МЯГКОВ: Кстати, Молотов выбил-таки пять процентов!

ОРЛОВ: Выбил, но сама жизнь эти проценты перечеркнула, поскольку наступление Советской армии пошло так успешно, что уже делить на проценты было нельзя... Но вот такой момент, когда Черчилль был уже совершенно зажат в угол, он сказал: «Я вас прошу, только Грецию не трогайте!»

— А ведь в православной Греции всегда были сильны пророссийские настроения, были большие симпатии к России...

ОРЛОВ: Добавьте к этому сильное на тот период коммунистическое движение. Но Сталин сказал: «Хорошо, не тронем!» — и сдержал свое слово.

РЖЕШЕВСКИЙ: В этой связи только сейчас понимаешь, почему 15 октября Толбухин получает указание Ставки закрепиться после овладения Белградом на достигнутых рубежах и дальше по территории Югославии не продвигаться. Греция-то рядом, и греки обратились к нам за военной помощью! В начале января 1945 года на встрече с Димитровым и Молотовым, которые предлагали к этой просьбе отнестись положительно, греческие коммунисты тогда уверенно шли к власти, Сталин сказал: *«Они допускают ошибки, у них не хватит сил для того, чтобы самим освободить Грецию! А Красная армия в Грецию идти не может...»*

ОРЛОВ: Действительно, Сталин не помогал греческим коммунистам до тех пор, пока англичан в Греции не сменили американцы. Только тогда мы начали оказывать помощь подпольному движению, правда, было уже поздно, но... Известно, что Сталин умел держать слово и всегда безукоризненно соблюдал подписанные им соглашения. Это высоко оценивается всеми историками, невзирая на их позицию.

ЛОБОВ: Очень высокую оценку специалистов — вернемся непосредственно к нашей теме — получила и

Яско-Кишиневская операция, которая, по сути, лишила группировку немецкой коалиции всего ее правого фланга...

МЯГКОВ: Можно сравнить, скажем, с тем, с чего началась наша летняя кампания 1944 года, с удара на Карельском перешейке, Выборгско-Петрозаводской операцией. Да, вначале войска продвигались, была, казалось, достигнута победа, но в результате ожесточенного сопротивления финских войск уже на завершающем этапе этой операции мир с Финляндией был подписан только через три месяца — 19 сентября 1944 года. А вся Яско-Кишиневская операция продолжалась десять дней.

ОРЛОВ: К сожалению, мало кто знает, что в ходе этой операции наша Красная армия понесла наименьшие потери. Ведь это была уникальная, единственная в своем роде операция — в наступлении участвовали до 1300 тысяч наших войск, безвозвратные потери составили 13 тысяч человек, один процент! Никогда, ни в одной другой стратегической операции таких минимальных потерь не было... Это показатель роста полководческого искусства наших маршалов и в том числе нашей Ставки, результат всех тех мероприятий, которые сегодня нами здесь обсуждаются.

МЯГКОВ: Можно сказать, что лето 1944 года — это каскад мощнейших советских стратегических наступательных операций, венцом которых считается «Багратион»... Но мне кажется, что Яско-Кишиневской операции исследователи уделяют просто недостаточное внимание. Ведь именно здесь в едином котле была окружена мощнейшая немецкая группировка. Заметьте, это был первый такой случай после Сталинграда, хотя была еще Корсунь-Шевченковская операция, но там в котле оказалось не так много войск, к тому же немцам удалось частично избежать окружения. Здесь, как и в Сталинграде, в окруженной группировке было 22 немецких дивизии, и они были уни-

чтожены. По масштабам окружения войска противника с этими двумя операциями можно сравнить только битву за Берлин...

ОРЛОВ: Мы часто вспоминаем сегодня Сталинград — такое же окружение крупной группировки войск противника, даже те же номера немецких и румынских армий... Но, как говорится, всякое сравнение хромает. Если в Сталинграде ликвидация окруженной группировки заняла два с лишним месяца, то здесь на уничтожение группировки, не меньшей по численности, ушло всего десять дней.

МЯГКОВ: И все же я проведу еще одно сравнение. Если сопоставить Яско-Кишиневскую и Белорусскую операции по потерям, то в первом случае, как уже говорилось, они были минимальные — 67 тысяч человек вместе с ранеными. В Белорусской стратегической операции, к сожалению, общие потери были гораздо больше — 450 тысяч...

ЛОБОВ: А почему в Яско-Кишиневской операции были наименьшие потери? Не только потому, что уже был накоплен значительный боевой опыт. Главное, что все было продумано, согласовано, все работали целенаправленно, сообща шли к единой цели. Когда именно так делается, все и ограничивается наименьшими потерями. Кстати, в любом вопросе!

МЯГКОВ: Вот из-за такой организации дела в первую очередь Яско-Кишиневскую операцию и необходимо поставить в один ряд с самыми блестящими операциями Второй мировой войны. Тем более что, если судить по ее последствиям, она имела никак не меньшее значение, чем Белорусская...

ЛОБОВ: Да, в результате проведения этой операции немцы и горючего лишились, и союзников, не смогли перебросить отсюда на северное направление, где уже готовились самые главные дела, ни одной дивизии.

— Германия тогда постепенно сокращала линию фронта, стягивая силы для обороны уже непосредственно у границ рейха.

МЯГКОВ: В этой связи нужно отметить, что победа на южном фланге помогла советским войскам, обходя Карпатские горы, выйти в центральные районы Европы. Карпаты, как известно, еще в Первую мировую войну были серьезным заслоном, стоявшим перед Русской армией... Да и вспомните то, что творилось на 4-м Украинском фронте во время Карпатской операции, начавшейся 8 сентября 1944 года! Приходилось штурмовать перевалы, прорываться с боями, с большими потерями... Ясско-Кишиневская операция позволила обойти Карпаты с южного фланга, выйти на Венгерскую равнину, подойти уже в последующем к Австрии и с юга угрожать непосредственно Германии...

ТЮШКЕВИЧ: Надо обязательно учесть, что эта операция проводилась уже в условиях существования второго фронта, который был открыт в июне. Решительные военные действия и успешные операции усиливали своей результативностью освободительный, справедливый характер нашей Великой Отечественной войны и тем самым всей Второй мировой войны. Это очень важный момент! Прямо на поле боя формировались и налаживались принципиально новые отношения между войсками, которые сражались на стороне антигитлеровской коалиции, в частности теперь это были румынские войска. Нужно было учиться взаимодействовать с ними и в области стратегии, и области оперативного искусства и тактики...

ХАЗАНОВ: Кстати, такой факт. Румынский летчик, пилот самолета — дальнего разведчика, во время одного из вылетов совершил посадку на аэродроме на остров Кипр, где сдался союзникам. Он заявил, что все хуже — и рус-

ские, и немцы, а он предпочитает западную демократию. Однако по мере того как развивались события, советская политика давала свои плоды, и, особенно после начала Ясско-Кишиневской операции, позиция румынских офицеров постепенно менялась в пользу СССР и Красной армии...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Да, советское военное руководство очень много для этого делало. Так, начальник войск НКВД по охране тыла фронтов подписал директиву о задачах войск в связи со вступлением Красной армии на территорию стран Восточной Европы. Было подчеркнуто, что здесь войска столкнутся с иным государственным строем, другой формой управления и другой общественной жизнью, а также с определенными группами населения, враждебно настроенными к действиям Красной армии... Особое внимание акцентировалось на том, чтобы не допускать мародерства — оно никоим образом не могло проявляться со стороны бойцов Красной армии; указывалось на очень ответственное применение оружия в случае нападения на военнослужащих, и при необоснованном применении оружия против местного населения предусматривалась уголовная ответственность. Чтобы укреплять контакт с населением, создавались переводческие подразделения — как из военнослужащих, так и дополнительно...

ТЮШКЕВИЧ: Мы всегда подчеркиваем, что наша война была справедливая, Отечественная, имела освободительный характер, мы выполняли освободительную миссию и т. д. Успешные действия в Ясско-Кишиневской операции, непосредственное освобождение населения и иностранных государств способствовали приобретению нашей Великой Отечественной войны новых черт в ее социально-политическом характере. Ведь для того, чтобы нашим войскам действовать на своей территории, нужен один морально-психологический настрой. Чтобы

действовать на территории враждебной страны, которая только потом еще станет союзником, нужен совершенно иной морально-политический и психологический настрой.

Командование и политработники Красной армии, я считаю, достаточно успешно справились с решением этой задачи — в соответствии с теми политическими установками, которые были в заявлениях правительства, и той линией, которая проводилась по отношению к населению этих стран. Недаром же впоследствии большинство этих государств были нашими союзниками по Варшавскому договору.

— Бывая сейчас в этих странах, можно понять, что утрата наших традиционных связей далеко не всем приходится по душе...

МЯГКОВ: А кстати, за какие заслуги получил орден «Победа» румынский король Михай I? Что стало с этим орденом, да и с самим королем?

ЛОБОВ: Я уже сказал, что орденом «Победа» были награждены маршалы Толбухин и Малиновский. На этом направлении были еще награждены орденом «Победа» Иосип Броз Тито и король Михай I, а также маршал Василевский, который курировал это направление. Пять орденов «Победа»! Теперь берем западное направление — Жуков, Конев, Рокоссовский и главнокомандующий Войска Польского маршал Роля-Жимерский. Потом уже были награждены Эйзенхауэр и Монтгомери. 19 награждений — 16 награжденных, потому как генералиссимус Сталин, маршалы Жуков и Василевский были награждены дважды. Из иностранцев были награждены пятеро...

— Это говорит автор замечательной книги «Кавалеры ордена «Победа»...

ЛОБОВ: Спасибо! Из всех кавалеров ордена сейчас жив только король Михай I, но где находится сам его орден, никто не знает... Якобы в одном из музеев.

— Один сотрудник внешней разведки некогда мне говорил, что король, живя в эмиграции, достаточно долго существовал, продавая бриллианты, извлеченные из ордена «Победа».

ЛОБОВ: Кажется, это легенда... Кстати, когда Жуков вручил орден «Победа» Эйзенхауэру, тот спросил: «А сколько это стоит?» Королю — молодому симпатичному парню в морской форме — вручал орден маршал Толбухин.

НИКИФОРОВ: А все-таки за что именно его наградили?

ЛОБОВ: Такой орден вообще-то дается за вывод государства из войны. Видимо, с королем Михаем I работали еще до начала Ясско-Кишиневской операции. Предполагаю, что ему сказали: ты и королем будешь, и все остальное получишь, но выведи Румынию из войны и стань нашим союзником. Война заканчивалась, к руководству государствами приходили молодые политики, имевшие перспективы, такие как Михай I... Думаю, его пример мог подействовать на болгар, югославов, албанцев, турок, австрийцев, венгров... И это награждение, по моему, также можно считать блестящим политическим, дипломатическим актом. А может, все это мои домыслы... Лет пять назад бывший король побывал на родине, но румыны его не приняли, и он опять куда-то уехал...

РЖЕШЕВСКИЙ: Я недавно наводил справки — Михай I вновь приехал в Румынию и спокойно там проживает в качестве частного лица.

— Что ж, пожелаем здоровья последнему кавалеру ордена «Победа»!

ЛОБОВ: Думаю, мы все присоединимся к этому пожеланию! Ну а я в заключение хочу сказать несколько слов о военном искусстве. Как стало ясно впоследствии, Яско-Кишиневская операция дала большой толчок в развитии военного искусства будущей, уже послевоенной Советской армии. «Отработанные» здесь нормативы — ширина прорыва, темпы наступления, задачи по глубине, плотность артиллерии и танков на километр фронта — вошли потом во все наши боевые и полевые уставы.

Вспоминаются маневры «Запад-81», проведенные в 1981 году на территории Белоруссии. Я командовал тогда 28-й армией, на базе которой фактически они и были проведены. Было отобилизованы 110 тысяч человек...

— Сегодня такие масштабы представляются фантастическими...

ЛОБОВ: Зато остальные цифры после нашего здесь разговора покажутся вам вполне знакомыми... Докладываю: плотность была 240 орудий на километр фронта, участок прорыва составлял 16 км. В Яско-Кишиневской операции дивизии на участке прорыва получали два километра — и у нас в уставах было написано два, так что на маневрах «Запад-81» участок прорыва для дивизии тоже был два километра.

Иными словами, преемственность военной практики, проведенная через наши уставы, объединила события фактически различных эпох. Впрочем, я думаю, и сейчас Яско-Кишиневская операция могла бы стать для нас достаточно ярким примером того, как можно у себя в стране решать даже самые сложные проблемы. Главное, чтобы все было согласовано — и политика, и дипломатия, и экономика, и военный вопрос, и многое другое. Вот он — яркий пример того, что все можно сделать, было бы желание, была бы воля... И если мы сможем перенести этот опыт на наши сегодняшние дела, то в будущем России можно не сомневаться.

Заседание девятое:

«Антигитлеровская коалиция — союз великий, но недолговечный»

Можно сказать, что тема «круглого стола», проведенного 29 января 2005 года, в большей или меньшей степени поднималась в ходе всех предшествовавших заседаний — ведь в мировой войне воевали не отдельные страны, а коалиции государств, решались вопросы не только чисто военного, но и политического, экономического, геополитического и прочих планов. Поэтому ни одно крупное событие войны нельзя было рассматривать как нечто обособленное, не связанное с происходившим на всех прочих театрах боевых действий, как бы далеки они ни были, не затрагивавшее интересы всех ее участников — как противников, так и союзников. Участниками разговора в редакции были В. П. Зимонин, М. Ю. Мягков, Ю. А. Никифоров, А. С. Орлов, О. А. Ржешевский, Д. В. Рябушкин, С. А. Тюшкевич, Д. Б. Хазанов, А. А. Чурилин и В. П. Ямпольский.

— Начнем с самого начала — когда именно мы впервые заговорили о союзниках и необходимости союза в войне?

ЗИМОНИН: Здесь можно сказать, что Россия всегда откликалась на выполнение союзнического долга, союзнических обязательств: достаточно вспомнить Итальянский поход Суворова или Заграничный поход Русской армии 1813–1814 годов...

РЖЕШЕВСКИЙ: О союзе неоднократно говорили в ходе англо-франко-советских переговоров весной и летом 1939 года. Это слово неоднократно произносилось Черчиллем в период 1937–1938 годов, когда он довольно последовательно выступал за создание, как он однажды выразился, союза трех великих демократий — Великобритании, СССР и США, на антигерманской основе...

— Но 23 августа 1939 года между Германией и Советским Союзом был подписан Договор о ненападении — и все переговоры прекратились до лета 1941 года?

РЖЕШЕВСКИЙ: Действительно, есть такое мнение, что будто бы в этот период не существовало никаких реальных, деловых контактов между Советским Союзом — с одной стороны, Великобританией и Соединенными Штатами — с другой. Но это не соответствует действительности! Сразу же после заключения советско-германских договоренностей начались наши переговоры с США и Великобританией, в конечном итоге явившиеся той определяющей базой, которая и послужила образованию антигитлеровской коалиции. Не позднее, чем через десять дней после заключения советско-германского договора, Черчилль — тогда военно-морской министр и первый лорд Адмиралтейства, — пригласил на беседу посла Майского и сказал, что у нас нет никаких противоречий. Что Англия рассчитывает на установление дружественных отношений с Россией и на то, что нейтралитет СССР будет носить благоприятный для Великобритании характер.

НИКИФОРОВ: Иван Михайлович Майский писал в своем дневнике, что он тогда приехал в гости к Черчиллю, и сэр Уинстон показывал ему свое поместье. У него была прекрасная коллекция дорогих вин, и Черчилль сказал, что в ней есть одна особо ценная бутылочка 1793 года, которую он бережет для совершенно особого случая. На вопрос, что это за случай, Черчилль ответил, что это будет

тогда, когда наши армии будут вместе громить гитлеровскую Германию...

РЖЕШЕВСКИЙ: Этот визит послужил началом для переговоров, которые английский посол Криппс вел в Москве с Молотовым и другими нашими деятелями, а в Лондоне эти переговоры вел Майский. То есть задолго уже до выступления Черчилля 22 июня 1941 года, стало ясно, что мы можем рассчитывать на поддержку Великобритании в случае начала нашей войны с Германией.

ЧУРИЛИН: Чтобы понять всю сложность той ситуации, в которой оказалась наша страна в 41-м году и раньше, надо проанализировать и широкое окружение Советского Союза, и отношение СССР с сопредельными с ним государствами. Волей геополитического положения наша страна оказалась как бы между двух очагов войны: возникшего на Дальнем Востоке, в Манчжурии, в начале 1930-х годов, и созданного Гитлером в Европе в середине 1930-х годов...

ТЮШКЕВИЧ: И наша взвешенная предвоенная политика в 1938–1941 годах на западе и на востоке — в целом себя оправдала.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Я бы добавил сюда еще опасность с юга: Турция, традиционный наш враг, поддерживала Германию, с которой буквально перед самой войной заключила военный союз...

ЧУРИЛИН: Фундаментальная проблема, которая стояла перед Советским Союзом — не оказаться один на один с остальным миром, с которым его разделяли глубочайшие идеологические противоречия. Нам приходилось не просто держать порох сухим, но и готовиться к обороне с двух направлений.

— А между тем, нам долго внушали — по крайней мере, на уровне обывденного сознания, — что СССР к войне был абсолютно не готов и не готовился...

ЧУРИЛИН: Нет, анализируя деятельность тогдашнего руководства нашей страны с позиций сегодняшнего дня, отметим, что работа эта велась очень грамотно и разумно. В первом эшелоне нашей работы была политическая деятельность, стремление сплотить усилия государств, опасавшихся агрессоров, в единый фронт, добиться сдерживания агрессии, но при этом достаточно много внимания уделялось и военной подготовке. Причем и военная подготовка ведь тоже была непростая: решалась важная и ответственная задача строительства наших Вооруженных сил, а также большое значение имело получение разного рода научно-технических сведений, информации, образцов вооружения, которые потом были использованы в создании наших систем... Работа велась серьезная, глубокая и многоплановая.

— Несмотря на вышеупомянутые идеологические противоречия, «западники» сами протягивали нам руку дружбы. Почему?

МЯГКОВ: Со стороны Запада, я бы подчеркнул — со стороны США, это во многом вынужденный был союз, ради достижения каких-то собственных интересов и ради того, чтобы война, агрессия, не коснулась непосредственно Западного полушария...

РЖЕШЕВСКИЙ: Совершенно понятно, почему проявлял инициативу Черчилль — от вступления СССР в войну с Германией зависела судьба Великобритании. Аналогичная тенденция была и в отношениях с США, но здесь инициативу проявили мы: в ноябре 1939 года Сталин отправил письмо Рузвельту, выражая надежду, что совместными усилиями удастся не допустить дальнейшего расширения агрессии.

ЧУРИЛИН: Хоть и небеспорно, но удалось создать определенные военно-политические связи и с Чехословакией. Если бы ситуация развивалась более благо-

приятно для нашей страны, возможно, что этот мини-блок, мини-союз мог бы стать достаточно серьезной несущей конструкцией Европейской безопасности. Однако совместными усилиями двух антагонистов — фашистской Германии и англо-французской группировки, — судьба Чехословакии была решена, чем был, кстати, нанесен удар и по нашей безопасности. Мы оказались без союзника в Европе. Зато Советский Союз смог защитить единственного своего союзника в Азии, и этот вопрос сейчас почему-то забыт...

ЗИМОНИН: Да, ведь уже в самом начале Второй мировой войны мы проявили себя как надежные союзники. 1939 год — это Халхин-Гол. Японцы решили захватить Внутреннюю Монголию и Внешнюю Монголию, а в случае успеха дойти и до Байкала. Мы, по договору с Монгольской Народной Республикой, ввели войска и помогли остановить и разгромить группировку противника, а тем самым — выйти Монголии из Второй мировой войны. Монголы об этом говорят с глубокой благодарностью. Я председательствовал на конференции, где один монгольский историк сказал так: *«Жуков — это Божий дар миру! Благодаря Жукову Монголия была вне военных действий до 1945 года, когда мы тоже помогли СССР!»*

ЧУРИЛИН: Монголию мы защищали энергично и очень эффективно, — все посягательства японцев на захват этой территории были отражены. При этом мы понесли существенные потери, но выполнили свой союзнический долг.

— Тогда возвращаемся в Европу, где союзнические отношения только еще утверждались, и все было очень непросто.

ЧУРИЛИН: Действительно, диалог с западными демократиями у нас тогда не удался. То, что Чехословакия рухнула под напором фашистских агрессоров, являлось

следствием нежелания Франции вступить с нами в практические союзные отношения.

С другой стороны, хорошо известны события августа 1939 года, когда с нашей стороны были предприняты усилия создания более плотного военного взаимоотношения с Англией и Францией. Тогда в Москве побывал целый ряд руководящих деятелей англо-французских вооруженных сил, их принимал маршал Ворошилов, велись консультации по практическим шагам по пресечению фашистской агрессии. Однако союз не получился. В свою очередь, объективно распался и англо-французский союз — после того, как большая часть Франции была оккупирована Гитлером.

— Условия перемирия между Германией и Францией были подписаны 22 июня 1940 года — в Компьенском лесу, на том же самом месте, где в 1918 году подписывала условия перемирия побежденная в Первой мировой войне Германия...

ЧУРИЛИН: Совпадения — случайные и намеренные. А вскоре — кстати, факт забытый, но интересный — англичане уничтожили французский флот. Это был потрясающий удар для общественного мнения во Франции. Какой в тот момент мог быть союз с Черчиллем, когда англичане, без всякого предупреждения, уничтожили почти все лучшие корабли, французского флота и значительное количество моряков?

ТЮШКЕВИЧ: Однако события развивались стремительно... Можно сказать, что уровень осознания опасности для Англии, Франции и других европейских стран во время «Мюнхенского сговора» был один, а к 41-му году здесь произошли очень большие изменения. Осознание военной опасности стало явным для ведущих политиков, патриотических политических сил... Откуда эта опасность будет нарастать, для большинства уже не было никаких

сомнений. Поэтому и у Черчилля, и у других политиков произошла резко контрастная, можно сказать, смена отношений к СССР — национальные интересы заставили их изменить политику...

РЖЕШЕВСКИЙ: Все же мне кажется, что отсчет самого факта создания союза надо вести с 22 июня 1941 года. Тогда о поддержке нашей борьбы против немецкой агрессии заявил Черчилль, 24-го это сделал Рузвельт, а 3 июля Сталин сказал, что наша борьба против германской агрессии сольется с борьбой стран Европы и Америки за свободу и независимость... Однако, если не изменяет память, ни в одном из этих трех выступлений слово «союз» не прозвучало. Точно сказать, когда и кто произнес его первым — я затрудняюсь.

ЧУРИЛИН: Вторая мировая война была не только самой большой войной в истории человечества — она была и самой большой коалиционной войной. Практически весь цивилизованный мир был разделен на два лагеря. Один лагерь защищал интересы демократии, свободы, второй лагерь выступал с агрессивных, фашистских позиций, пытался навязать свою власть остальным...

— Как же складывалась Антигитлеровская коалиция — на первом, самом сложном этапе, какие цели преследовали ее участники?

ОРЛОВ: Черчилль говорил: «Что может быть хуже союзников? — и отвечал сам себе: — Ничего, кроме их отсутствия!» И Сталин, между прочим, то же самое говорил в своей речи перед выпускниками академий 5 мая 1941 года: «Без союзников воевать нельзя!» Обе стороны понимали, равно как это понимали и в Америке, что нужен союз.

РЖЕШЕВСКИЙ: В нашей литературе очень распространена версия о том, что создание Антигитлеровской коалиции произошло как бы в одночасье: заявил Черчилль, заявил Рузвельт, заявил Сталин — вот, так

сказать, это изначальная основа... Это, конечно, не так. Такого рода союзы — тем более, в таких масштабах, да еще с такими внутренними противоречиями — мгновенно не возникают. Но несмотря на огромные трудности — войну с Финляндией, наши действия в Прибалтике, — которые не способствовали сближению, особенно с США, тем не менее начались регулярные переговоры между нашим послом Уманским и заместителем госсекретаря США Уэллесом. Таких встреч было около двадцати. На пятнадцатой, которая происходила где-то в феврале — марте 1941 года, Уэллес сказал, что если произойдет нападение Германии на СССР, то США будут на стороне Советского Союза.

ТЮШКЕВИЧ: Огромное влияние на формирование союзнических отношений оказал сам факт внезапного агрессивного нападения...

ХАЗАНОВ: Понятно, что Сталин, всем досужим домыслам вопреки, будучи серьезным политиком, не мог даже рассматривать такие планы, как превентивный удар по изготовившейся немецкой группировке. Он ведь реально понимал, что в этом случае Антигитлеровской коалиции просто не будет и что совершенно неизвестно, как поведут себя руководители Англии и США. Думаю, что когда нападение состоялось, Сталин про себя решил, что стратегически он выиграл. Другое дело, что для него оказалось полной неожиданностью, что удар оказался настолько сильный — именно это повергло его в шок, а не сам факт нападения...

ТЮШКЕВИЧ: То, что Пакт о ненападении нарушил не СССР, а фашистская Германия, сыграло огромную политическую, а потом и военную роль в формировании союзнических отношений.

— В принципе, с определенным допуском можно говорить о том, что мы вернулись на позиции 1914 года, когда

страны Антанты противостояли германо-австрийскому блоку?

ЧУРИЛИН: Думаю, что нет. Тогда взаимодействие было более тесным, тогда и английские, и французские, и русские войска вели активные боевые действия — хотя, видимо, их координация была недостаточная. Но в связи с нападением Гитлера на СССР англичане просто получили передышку... Я недавно видел очень интересный документ, подготовленный в то время в нашем посольстве в Лондоне — данные об интенсивности воздушных налетов немецкой авиации после 22 июня. Нельзя сказать, что они полностью прекратились, но масштабы, частота и количество повреждений, которые наносили немцы, резко снизились. Однако, как бы то ни было, союз начал формироваться...

ОРЛОВ: Да, Антигитлеровская коалиция сложилась, и нужно было выработать определенную стратегию.

ЧУРИЛИН: Тут, кстати, надо рассматривать две стадии ее существования: формальный союз, возникший в 41-м — начале 42-го года, и активное военно-политическое союзное взаимодействие, которое пошло полным ходом с 1943 года.

ОРЛОВ: Вопрос, что приоритетнее — коалиционная стратегия, т. е. совместный, сплоченный удар по Германии, и желательность с кратчайших направлений, или национальные интересы, встал сразу же. Он, собственно говоря, и решался в ходе всей войны — стратегиями наших союзников и их вооруженными силами. Какой при этом был национальный интерес у англичан? Им нужно было сохранить Британскую империю, сохранить влияние Англии в мире — во всяком случае, в Европе, нужно было остаться равной с Америкой и не допустить в Европу Советский Союз — на те границы, которые были даже до 40-го года. Американцам же нужны были рынки, они прежде всего

должны были избавиться от конкурентов — Германии и Японии, потеснить Англию и Францию на рынках и самим прийти в Европу, стать здесь первым, главенствующим членом коалиции и, опять-таки, не допустить Советский Союз далеко на запад.

— Но ведь наша страна, очевидно, также преследовала и какие-то свои геополитические цели?

ОРЛОВ: Поскольку Англия и, особенно, США находились достаточно далеко от противника, они могли себе позволить ставить на первый план свои национальные интересы. Мы же не могли. Наши национальные интересы объективно совпадали с коалиционными, потому что мы воевали на своей земле, воевали против главного противника и брали на себя главную тяжесть сражений...

МЯГКОВ: Для нас эти проблемы — стратегического, военно-политического порядка, стали набирать обороты только к концу войны. В частности, вопрос о границах Советского Союза в Европе, поскольку, как мы знаем, США официально не признали вхождения Прибалтики в состав Советского Союза.

ЧУРИЛИН: Можно вспомнить, что в декабре 1941-го Иден, приехав в Москву для бесед со Сталиным, одну из встреч посвятил обсуждению границ Советского Союза. На полном серьезе! Представляете, какой это был союз? Но, как бы то ни было, он все-таки начал формироваться. Даже рассматривались предложения о развертывании англичанами боевых действий против немецких вооруженных сил вблизи наших границ, в Норвегии, — правда, с разной степенью серьезности. С нашей стороны совершенно серьезно, а с английской, видимо, не очень...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Тем временем на северо-западе с первых дней войны складывалась очень тяжелая ситуация. Посол в Англии Майский встретился с лордом Бивербруком, который возглавлял министерство снабжения,

высказавшим мысль, что, по его мнению, английское правительство поддержит СССР. Майский сообщил об этой беседе в Москву, и Молотов просил посла Криппса поставить перед своим правительством вопрос об оказании нам помощи на северо-западе. Криппс сказал, что политическое решение на его взгляд уже принято и он передаст соответствующие соображения в Лондон. Иден тоже сказал, что не против, — однако не все было так просто: в британском правительстве было большое количество консерваторов, которые были против оказания помощи СССР. Тем более, Комитет начальников штабов доложил после начала войны, что Советский Союз долго не протянет...

ТЮШКЕВИЧ: Это очень серьезный вопрос: насколько в целом негативную роль сыграли неудачи и поражения, понесенные Красной армией в 1941 году? Союзники ведь откровенно интересовались, устоит ли Красная армия, сумеет ли она выдержать натиск фашистской Германии. Сомнения накладывали отпечаток и на ход переговоров, и на само формирование союза...

ХАЗАНОВ: Хотя, на рабочем, так сказать, уровне, контакты установились буквально сразу после того, как война стала реальным фактом. Уже в первых числах июля военный атташе Великобритании полковник Грир и военно-воздушный атташе полковник Хэллауэл рассказывали офицерам отдела внешних сношений НКО о первых результатах боевых действий, сообщив нам то, чего мы тогда еще не знали. В частности, состоялось несколько налетов на Румынию — на объекты нефтепромыслов и нефтепереработки, на Бухарест, и они сообщили, где наши летчики добились реальных результатов: например, взорвали один из арсеналов в Бухаресте, уничтожили большинство прожекторных установок, окружавших столицу Румынии, а вот объекты в Плоешти тогда еще не сильно пострадали. Вскоре они сообщили о недостатке

горючего, который наступающие немецкие части имели в ряде районов Белоруссии, о том, что питание немецких войск ведется из крупной базы в Вильно.

Уже 13 июля стало известно о готовящихся налетах на Москву и о том, что немцы стремятся уничтожить все мосты через Днепр, чтобы не дать возможность эвакуировать группировку с правобережья Днепра... Информация незамедлительно передавалась советскому руководству.

ЯМПОЛЬСКИЙ: 3 июля Черчилль направил Сталину свои соображения относительно сложившейся ситуации. Мол, русские — молодцы, хорошо сражаются, и мы от этого в восторге. Тогда Сталин пригласил Криппса и предложил заключить соглашение об оказании реальной помощи друг другу. Еще раньше он предал Майскому, чтобы тот высказал такие соображения: оказание военной помощи немедленно и незаключение сепаратного мира.

И вот здесь началась тяжба! Сталин должен был встречаться с Криппсом дважды. Криппс по рекомендации Черчилля решил назвать документ «декларацией», а Сталин говорил, что это должно быть «соглашение». Черчилль предлагал оказание помощи без каких-то конкретных ее объемов, и Криппс объяснял, что с точки зрения англичан, если что-то уточняется, то это начинают рассматривать в узком плане, тогда как «всяческая помощь» действительно будет всеобъемлющей. В итоге было принято компромиссное решение: документ был назван «соглашением», но без указания какой-то конкретной помощи. В результате, если Сталин рассматривал его как союзнические обязательства, то Черчилль всячески тянул с какой-либо конкретной помощью.

ЧУРИЛИН: Самое интересное, что объективно элементом этого союза стали и американцы. Тогда еще они не были участником военных действий против Гитлера,

но их военная помощь — из нейтральных, не воюющих США — была куда больше, чем та, которую оказывала воюющая и союзная нам Англия. Во всяком случае, так было и в 41-м году, и в 42-м.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Во всех этих хитросплетениях большую помощь советскому руководству оказала наша внешняя разведка. Сталину как руководителю ГКО докладывали все разведывательные сводки... 4 июля ему доложили, что британские спецслужбы хотят усилить разведывательную работу на нашей территории. В частности, открыть консульства на Дальнем Востоке, в Сибири и на юге — чтобы осуществлять диверсионную деятельность в случае поражения СССР. Сталин воспринял это без восторга... Черчилль пишет Сталину 21, 26, 28 июля, пытается его убедить, что, мол, мы будем оказывать помощь — Сталин просто не отвечает. Зато 30 августа он пишет Майскому примерно следующее: *«Хотят англичане нам помочь? Я думаю, что нет. Если это утверждение верно, то нам следует быть очень осторожными в отношении англичан...»* Так продолжалось по 3 сентября, когда, наконец, Сталин сказал: вы видите, в какой ситуации мы оказались? Все-таки оказывайте помощь — мы ведь спасаем не только себя, но и вас, англичан. Вот так тяжело, со скрипом, происходило становление нашего союза на том этапе.

— Однако именно в это время началась первая совместная операция — «Ориент»...

ЧУРИЛИН: Да, совместными усилиями Красной армии и английских вооруженных сил была осуществлена достаточно масштабная и серьезная операция по занятию территории Ирана. То есть союз уже начал реально формироваться.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Иран не был так враждебно к нам настроен, как Турция, но там значительные позиции за-

нимала немецкая агентура, и вообще, немецкий капитал там превалировал. Поэтому иранское правительство было практически на стороне Германии... К тому же, наша разведка сообщала, что англичане активно подталкивают находящихся в Иране немцев на то, чтобы они спровоцировали восстание оппозиционеров. Это позволило бы ввести в Иран английские войска и таким образом подчинить страну британскому влиянию.

— Британские империалисты очень давно об этом мечтали...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Сталин очень грамотно использовал разведывательную информацию. Он связался с английским правительством, и было решено предупредить иранское правительство, чтобы сменили приоритеты... Безрезультатно. После того как было сделано третье совместное предупреждение, и иранцы опять не среагировали должным образом, было решено ввести войска. 26 августа войска с юга были введены Англией и с севера — СССР.

— Так что ни немцам, ни англичанам не удалось взять Иран под свой контроль?

ЯМПОЛЬСКИЙ: Разумеется. Подобная ситуация сложилась и на основании донесения нашей разведки о том, что Турция активно готовится к выступлению на стороне Германии. Тогда НКВД довел до турецкой стороны информацию, что ни Россия, ни Англия не будут посягать на ее территориальную целостность — и таким образом ее отрицательное отношение к нашей стране было на время локализовано... К тому же, это заявление было сделано в июле, в период, когда под Смоленском затормозилось наступление немцев. Турки почувствовали, что надо вести себя более корректно. Но в сентябре, как только обстановка на советско-германском фронте нача-

ла ухудшаться, советская разведка начала доносить, что турки вновь готовятся к вооруженной агрессии... Впрочем, это уже другая тема.

— А как тогда развивались наши отношения с США?

ЯМПОЛЬСКИЙ: Сталин впервые написал письмо Рузвельту 4 августа 1941 года, в котором просил, чтобы он как-то предупредил финнов, чтобы те не заходили за пределы бывшей своей территории. В общем, попытался бы как-то на них воздействовать, чтобы финны сотрудничали с немцами не столь активно. Из некоторых публикаций можно понять, что Рузвельт довел свою обеспокоенность до финского руководства.

С учетом сложной ситуации на Дальнем Востоке, как Сталин, так и Черчилль просили Рузвельта предупредить руководство Японии, чтобы оно занимало более уравновешенную позицию — постольку, поскольку у нас был заключен договор о ненападении. Но Рузвельт отнесся к этому отрицательно, и не то Хэлл, не то Уэллес заявил, что президент не особенно любит выступать так, чтобы предупреждать кого-то, считая это давлением...

— Мы сейчас говорим об англо-советских и американо-советских отношениях, но ведь между США и Англией явно были и какие-то свои контакты...

ЯМПОЛЬСКИЙ: 14 августа Рузвельт и Черчилль встретились на борту английского линкора «Принц Уэльский» и заключили так называемую «Атлантическую хартию» из семи пунктов, которые, в частности, затрагивали и интересы Советского Союза. Так, после окончания войны должны были пересматриваться все наши территориальные приобретения. Война еще только начата, а тут идет дележ шкуры убитого медведя. Это вызвало возмущение нашего руководства, о чем наш посол Майский сообщил Идену.

НИКИФОРОВ: Хочу обратить внимание на такое обстоятельство: говоря о каких-либо событиях — в данном случае, об «Атлантической хартии», мы видим ее 1-й пункт, 2-й, а дальше внимание как бы немножко пропадает. И мы как-то уже не обращаем внимания на тот пункт, где речь идет об обеспечении после войны свободного доступа к ресурсам для всех стран будущего мирового сообщества. На фоне того, что до войны Англия отказывалась от политики свободной торговли — фритредерства, это интересно, и нуждается в осмыслении.

МЯГКОВ: Нельзя забывать о том, что экономический, а бы добавил — военно-экономический, фактор во взаимоотношениях между союзниками, в том числе — в вопросах территориальных, был в годы войны особенно важен.

НИКИФОРОВ: В последние годы у нас явно ослабел интерес к тому, что называется «экономической историей» — не только войны, но и всего того периода. Разговор о причинах войны ведется в категориях как бы уходящих от рассмотрения экономических факторов. Сегодня предпочитают говорить более расплывчатыми понятиями: о сферах влияния, интересов — вместо терминов «источники сырья», «сбыт товаров», «рынки сбыта». Традиционным штампом является указание на антисоветизм в Англии, на Западе, без должной конкретизации — в чем же его причина? Что конкретно их не устраивало в нашей политике в предвоенный период? В литературе возникает жупел мировой революции, десятки раз упоминается Коминтерн...

А вот посол Майский передает в своем дневнике содержание разговоров с министром торговли Великобритании Хадсоном и другими деятелями, которые намекают или прямо говорят, что англо-советские отношения потеплели бы, если бы СССР стал покупать пальго и ботинки, а не станки и патенты. В одном из случаев посол и сам пишет в Москву, чтобы купили у них на 200 000 — 250 000 фунтов

селетки — это более политический товар, чем промышленное оборудование.

— Вспоминается «Энциклопедия русской жизни» — пушкинский «Евгений Онегин»: «Все, чем для прихоти обильной // Торгует Лондон щепетильный, // И по Балтийским волнам // За лес и сало возит к нам...»

НИКИФОРОВ: Но тогдашнее советское руководство держало курс на самостоятельное промышленное развитие, которое совершалось бы без потери суверенитета над своими недрами и без встраивания в мировую экономику в качестве страны, как сейчас говорят, «периферийного капитализма». Эта задача постепенно решалась, несмотря на все колоссальные трудности.

— Что мы желали получить от союзников — понятно...

ЧУРИЛИН: Давайте уточним, что мы сейчас имеем ввиду только союз с ведущими державами — англичанами и американцами. Нельзя ведь забывать о наших союзниках в Восточной Европе, первоначально незначительном, но все-таки важном вкладе французов, а главное — партизанском движении по всей Европе. Вот кто были нашими союзниками в той войне — это только на европейской территории.

— К этой теме мы еще подойдем, а сейчас мы говорим именно об англо-американцах...

ОРЛОВ: Что нам от них было нужно? Во-первых, когда началась война и наша армия оказалась в трагическом положении, нам была нужна материальная помощь. Вы знаете, как проходила борьба за ленд-лиз, как поставки шли с перерывами — и в 42-м году, и в 43-м, когда нам особенно нужна была помощь, но в это время проводились операции на Средиземном море, которые для Англии

были важнее, чем помощь СССР. Во-вторых — открытие второго фронта, чтобы ударить по Германии с востока и запада и с кратчайших расстояний прийти в Берлин. В-третьих — признание наших границ 1940–1941 года. Эти задачи мы решили успешно.

— Ну а союзникам, в свою очередь, чего было нужно от нас?

НИКИФОРОВ: Когда угроза в Европе стала реальной, «западники» были готовы отвести СССР роль «младшего партнера» в своем союзе — того, который будет делать грязную работу. Как Сталин выразился на съезде в 1939 году: «таскать каштаны из огня». Причем, делать эту работу, не претендуя на какое-то существенное вознаграждение — побрякушки, типа Нобелевской премии мира в счет, конечно, приниматься не могут...

Выскажу такую дискуссионную мысль. Мне кажется, в советское время в историографии сложилась инерция переоценивать роль и место СССР — под влиянием того изменения, которое произошло в положении нашей страны по результатам Второй мировой войны, — в мире в 1930-е годы. До войны великие державы отнюдь не собирались включать Россию, причем, неважно какую — Советскую, не Советскую — в свой клуб и не хотели рассматривать ее в качестве равноправного участника европейских, а тем более — мировых дел.

ХАЗАНОВ: Хотя, конечно, в пропагандистском плане все выглядело совершенно по-иному. Как известно, начало войны на Тихом океане для союзников было крайне неудачным. Потери понесли не только американцы, но и британцы... Поэтому, очевидно, значительная часть выступления Черчилля в палате общин в те дни была посвящена успехам контрнаступления Красной армии под Москвой. И наоборот — когда 28 июня 1942 года началось немецкое летнее наступление и немцы устремились в сторону Ста-

линграда, три четверти листовок, которые сбрасывались с наших самолетов в расположение немецких войск, были посвящены тексту советско-английских соглашений, которые были заключены 12 июня 1942 года...

ОРЛОВ: Но Советское руководство прекрасно понимало, что пока мы не обозначим свои серьезные стратегические успехи — ведь другого у нас ничего не было, только война на фронтах, — союзники считаться с нами не будут. Именно поэтому англичане и американцы не приняли приоритет коалиционной стратегии, что требовало определенного, в небольшой степени, но ущемления национальных интересов, а предпочли другое — периферийную стратегию.

РЯБОЧКИН: Война в Северной Африке и на других второстепенных театрах военных действий даже при самом пессимистическом развитии событий не могла бы поставить коалицию в критическое положение — в отличие от советско-германского фронта...

ОРЛОВ: Действительно, союзники воевали за три-девять земель, и при своем экономическом положении, особенно американцы, могли себе позволить делать это довольно долго. Еще в 42-м году Сталин говорил союзникам: «Чего вы боитесь немцев? Воевать надо!» Те отвечали: «Нет, большие потери!». Если у нас была Победа «одна на всех, мы за ценой не постоим», то у них — «ни шагу вперед без гарантии успеха!».

ЗИМОНИН: Действительно, и на Тихом океане так называемая война против Японии велась в «американской манере»: максимальная экономия сил и средств, максимальное сбережение личного состава, наращивание усилий, превосходящих противника не в два-три раза, а в десятки раз, и только в этой ситуации — ведение боевых действий. Поэтому еще с самого начала войны с Японией союзники просили нас подключаться, но война с Германией нам того не позволяла. Хотя мы держали

здесь тридцать процентов своих боевых сил и средств, и на Дальнем Востоке меньше миллиона человек никогда у нас не было. Другое дело, что они там проходили подготовку, переподготовку, но войска мы там постоянно держали.

— Исключительно по просьбе наших союзников?

ЗИМОНИН: Нет, прежде всего это было в интересах нашей безопасности — хотя объективно вытягивало на себя всю Квантунскую группировку, которая по сути дела не принимала активного участия в военных действиях против китайцев и американцев.

— А сколько союзных войск пребывало на Дальнем Востоке?

ЗИМОНИН: Где-то около 1800 тысяч. С Тихого океана в Европу союзники ничего не перебрасывали. Были моменты, когда они сократили поставки войск на Тихий океан, стали больше направлять на территорию Англии, чтобы совершить высадку в Нормандии... И все равно, постоянно количество войск союзников на Тихом океане было больше, чем в Европе — в 42-м году, и в 43-м, и до самого конца войны. Если бы американцы, англичане и их китайские союзники вели активные боевые действия, то это было бы оправданно. Но получается, что у них войска простаивали, просто сидели без дела. Были какие-то мелкие, по нашим масштабам, операции флота — типа взятия Таравы, освобождения Гуадаканала, но они не всегда дотягивали даже и до оперативного масштаба...

— Была ли для Америки какая-то реальная угроза со стороны Тихого океана?

ЗИМОНИН: В общем-то, была. Ведь японцы захватили и оккупировали часть американской террито-

рии — острова Атту и Кыска, это Алеутские острова, и для американцев это было занозой... Да и главная база, Пёрл-Харбор, находилась на американской территории, на Гавайских островах. Удар по ней был очень серьезный, неожиданный и мощный, он надолго вывел из равновесия военно-морские силы США...

Была ли возможность наступать японцам на территорию США? Ну, это достаточно проблематичный вопрос — даже если бы удалось развить планы Ямамото, главкома объединенного флота... Все-таки по своему экономическому потенциалу Америка была, конечно, гораздо мощнее, чем Япония. Есть «меморандум Танаки» — документ, признанный японцами, хотя у нас почему-то говорят, что его сочинила чья-то разведка — однако у японцев все шло по этому сценарию. В «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии», изданной в Японии в 110 огромных красочных томах, где все до взвода расписано, этот меморандум цитируется. Там по плану был, конечно, и захват Америки. После захвата Китая они планировали скрестить мечи с Россией, после завоевания Монголии — вести не на жизнь, а на смерть войну с американцами. Они вели, но сил у них не хватило...

ОРЛОВ: К сожалению, о японском факторе сегодня уже мало кто говорит. В 1943 году, после Курской битвы и нашего выхода на Днепр, расстановка сил существенно изменилась, так что когда Сталин прибыл на конференцию в Тегеран, он уже мог диктовать условия — и он их продиктовал. Первым конференцию открыл Рузвельт, как самый молодой из президентов. Он начал говорить о войне на Дальнем Востоке и предложил Сталину выступить против Японии. Сталин сказал, что хотя у нас подписан союзнический договор, но мы не можем вести войну на два фронта. Зато как только мы разобьем Германию, мы ударим по Японии вместе. Как только он это сказал, Черчиллю стало плохо: он понял, что Рузвельт теперь найдет

возможность, чтобы быстрее вместе с СССР закончить войну в Европе и чтобы затем Советский Союз нанес главный удар японской сухопутной армии...

ЗИМОНИН: Когда обсуждался вопрос о втором фронте, Сталин уже не выдержал, хотел уйти — мол, сколько можно говорить... В конце концов, удалось прийти к разумному решению: они обещали открыть второй фронт в Европе в мае 1944 года, а мы — вступить в войну против Японии через два-три месяца после разгрома Германии. Это означало, чем быстрее они помогут нам разгромить Германию — тем быстрее мы поможем им в разгроме Японии.

НИКИФОРОВ: Кстати, после этого кризиса на Тегеранской конференции Черчилль, вернувшись к себе, сказал врачу: *«Когда мы разгромим Германию, может разразиться еще более страшная и кровопролитная война»*. Он имел в виду, что у него уже формируется то определенное отношение к нашей стране, которое, очевидно, нашло потом свое воплощение в плане «Unthinkable». Кстати, эта сторона в деятельности тогдашнего правительства СССР нуждается сегодня в особом внимании — с позиций сегодняшнего дня. Не делать уступок там, где их делать просто даже неприлично! Общий вектор предвоенной советской политики нельзя не одобрять.

— Мы уже много говорили про президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля. Известно, что у каждого из них был свой взгляд на СССР и свое видение решения связанных с ним проблем...

РЯБОЧКИН: Черчилль часто говорил, что в отношении своего собственного поколения он является исключением — большая часть его ровесников лежат мертвыми на полях Первой мировой войны, и поэтому он ни в коем случае не может себе позволить повторения той ситуации. Ведь если из строя выйдет еще одно поколение, то суще-

ствование Британской империи станет невозможным. А ведь именно за ее сохранение он и выступал...

МЯГКОВ: Я хотел бы более критично подойти к фигуре такого выдающегося американского политика, как президент Франклин Делано Рузвельт. Вот у нас в историографии сложилось мнение: Черчилль — антикоммунист, ярый антагонист Советскому Союзу; в принципе, отношение к нему со стороны Сталина и нашего руководства было адекватным... Рузвельт уже 24 июня 1941 года выступил с поддержкой Советского Союза, искренне ратовал за установление дружественных отношений с СССР, настаивал на скорейшем открытии второго фронта, на большей помощи нашей стране... Ряд документов, в том числе из американских архивов, обнаруженных в последнее время, несколько корректируют эту картину. Становится ясно, что Рузвельт, собственно говоря, вел свою геополитическую игру...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Когда 8 декабря, сразу после нападения на Пёрл-Харбор, Рузвельту представлялся новый посол СССР Максим Максимович Литвинов, то Рузвельт вдруг спросил: *«Не могли бы вы оказать нам помощь, чтобы мы разместили свои базы на Дальнем Востоке и начали бомбить Японию?»* Посол сказал, что, вероятно, советское руководство не может пойти на нарушение того договора о ненападении, которое у нас есть с Японией. Но Рузвельт впоследствии неоднократно выходил на Сталина, чтобы Сталин поддержал эту идею, а однажды обратился к нему с письмом, предлагая общими усилиями провести инспекцию советских войск и аэродромов на Дальнем Востоке...

Сталин возмущался: *«Вы как государственный деятель должны понимать, что инспекцию своих войск мы должны делать сами, а вы должны делать инспекцию своих войск у себя»*. Рузвельт отвечал, что он не так понят... Сталин занял принципиальную позицию и выдержал ее буквально

до конца войны, основываясь на сообщениях нашей разведки о том, что Япония в той ситуации будет оставаться нейтральной.

МЯГКОВ: Хотелось бы обратить внимание на проблему второго фронта — насколько искренен был здесь президент США? Да, он выступал за открытие второго фронта, но, как представляется, хотел открыть его в оптимально выгодное для США время. Не сделать этого раньше времени, чтобы не перерасходовать свои ресурсы, не ослабить себя, тем самым дав возможность немцам оттянуть войска с Восточного фронта, а России — повести широкое наступление в центр Германии. Не сделать этого и позднее — когда после Сталинграда и Курска уже была видна перспектива поражения Германии, и Россия могла войти в центр Европы. Такие аналитические размышления готовились и в Госдепе США, и в УСС, и в других государственных учреждениях. Поэтому план «Рэнкин», принятый на Квебекской конференции 1943 года, предусматривал скорейшую высадку англо-американских сил в Европе либо в случае поражения России, либо в случае поражения Германии. Мы можем здесь сразу отметить двойственность американской внешней политики — прежде всего в отношении Советского Союза.

НИКИФОРОВ: Мне кажется, что вполне правомерно и обосновано рассматривать высадку союзников в Европе в 1944 году как акцию геополитического содержания. Она уже была направлена против Советского Союза, хотя внешне это выглядело как помощь СССР, как выполнение своих обязательств...

ЧУРИЛИН: Известный историк Валентин Фалин очень обстоятельно изучил вопрос о политике западных держав в период, предшествовавший их вступлению на Европейский континент. Там, в частности, разбираются и все многочисленные версии политических интриг, в том числе и возможность причастности американцев к заго-

вору против Гитлера. Думаю, есть основания пристальнее посмотреть на эту версию, с учетом новых материалов...

— И все же, можно ли сказать, какими президент Рузвельт видел перспективы развития отношений с нашей страной?

МЯГКОВ: К сожалению, мемуаров Рузвельта не осталось — по объективным причинам. Он умер 12 апреля 1945 года, незадолго до завершения войны...

— Ну да, известно, что серьезные политики усаживаются за мемуары только по выходе в отставку...

МЯГКОВ: Разумеется. Но ряд документов — в частности, отложившихся в различных комитетах Госдепа, показывают его суждения и размышления о будущем взаимодействии с Россией. Эти документы достаточно интересны. Уже в мае 1942 года Рузвельт говорит о четырех великих демократиях, которые должны править миром после Второй мировой войны — это США, Великобритания, Россия и Китай, четыре так называемых «полицейских». Но, как отмечает американский историк Кимболл, Рузвельт так и не ответил, кто будет наблюдать за самими этими «полицейскими»? Мы, со своей стороны, можем предполагать, что этим контролером должны быть США. Экономическое преимущество даст США гарантию того, что эти все остальные державы будут находиться под американским контролем...

— К сожалению, этот прогноз оказался недалек от истины. Вот только представлять сегодня Россию в роли влиятельного «полицейского» было бы, мягко говоря, нетактично... Говорил ли Рузвельт более конкретно о перспективах наших взаимоотношений?

МЯГКОВ: Да, он неоднократно высказывается о том, что после войны Соединенные Штаты не смогут воевать с

Россией — ее мощь настолько велика, что США победить ее не смогут. Обратите внимание: Рузвельт, который якобы выступает за дружественные отношения с нами, все-таки говорит о гипотетической возможности войны. Так как сила России велика, то он предлагает следующую схему раздела мира: Россия с Великобританией делят между собой Европу, Китай берет себе Дальний Восток, а США — весь регион Тихого океана, со всеми морскими запасами, со всеми территориями, островами и т. д. — богатейший регион! Как видим, Рузвельт был весьма прозорлив...

НИКИФОРОВ: Но он думал, что Китай будет проамериканским...

МЯГКОВ: Естественно! Прежде всего, он ставил на Чан Кайши, на то правительство, которое будет поддерживать именно американцев. И чтобы закрыть тему, замечу, что весной 1943 года Рузвельт высказывает такую мысль: если Россия не захочет сотрудничать с нами в послевоенном мире, то вся Европа западнее Советского Союза должна быть как один хорошо вооруженный военный лагерь, который будет противостоять СССР. Заметьте также, что на заключительном этапе войны у американцев явно прослеживаются тенденции к тому, чтобы прекратить доверительные отношения с Россией, подходить к ней более формально.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Между тем, и в 42-м, и в 43-м, и даже 44-м году в Швецию шли американские поставки различного стратегического сырья, которые оттуда переправлялись в Германию. Наша разведка, фиксировала все эти моменты, свидетельствовавшие о недобросовестности американского союзника.

НИКИФОРОВ: Интересы этих государств часто непонятны без рассмотрения процессов, происходивших в мировой экономике.

ЧУРИЛИН: Мы почему-то до сих пор не упомянули про феномен ядерного оружия, который, конечно, делал

США значительно более мощными, чем кто бы то ни было. Хотя они и боялись меряться силами с Советским Союзом, но это делало их качественно новым фактором в международных делах.

МЯГКОВ: То, что Рузвельт не сообщил Сталину — официально или доверительно, — о ведущихся разработках в Америке ядерного оружия, показывает, что он однозначно поставил себя выше Сталина, в некую иную плоскость...

РЖЕШЕВСКИЙ: Хотя соглашение между Англией и США о совместной разработке атомного оружия было достигнуто в 43-м году, но оно было в ущерб английской позиции — так уже тогда складывалось соотношение сил между ближайшими западными партнерами.

ТЮШКЕВИЧ: Думаю, все это — тема для нового «круглого стола» о начале «холодной войны».

— Согласен, а потому давайте вспомним и о других наших союзниках.

ЧУРИЛИН: Действительно, когда после Курской битвы сравнительно за короткий срок Красная армия вышла к прежним границам СССР, а потом и пересекла их, то возникли не только другие вопросы, но и другие союзники. Ими стали государства, которые прежде принимали участие в войне против нас или просто поддерживали Гитлера. Кстати, о сотрудничестве с государствами Восточной Европы, с формирующимися армиями этих стран, я думаю, у нас дефицит публикаций. Между тем, тема это в высшей степени интересная! Под нашим мощным воздействием возникли Польские вооруженные силы, под нашим мощным воздействием находилась Югославская армия, которая первоначально возникла вне связи с нашей армией. Под нашим влиянием повернули оружие против фашистов румынские войска...

ТЮШКЕВИЧ: Реалии происходящего, сама военная необходимость заставляла страны изменять свое от-

ношение к СССР. Большинство народов осознало, что это — единственная реальная сила в мире, и если к ней не примкнуть, то добра не видать... Этот момент внес существенные изменения во внешнеполитические, дипломатические отношения, которые были неразрывно связаны с ходом военных действий на советско-германском и других фронтах.

ЧУРИЛИН: А потому на завершающем этапе Второй мировой войны в Европе войска наших новоприобретенных союзников по совокупной численности превосходили миллион человек, хотя в боевых действиях их участвовало около 300 тысяч. Думаю, что вопрос об их участии в боевых действиях также заслуживает большего внимания. Скажем, до Берлина дошли две польские армии — это была значительная сила, мы старались поддерживать их хорошо вооруженными и оснащенными... В нашем руководстве даже обсуждался вопрос о создании Польского фронта, но тема не получила развития только потому, что не хватало командного состава... Поляки достойно выполнили свой воинский долг!

ОРЛОВ: Что не всегда можно сказать о наших главных союзниках. Они провели прекрасную по техническим возможностям Нормандскую операцию, но как только дело коснулось войны на суше, все сразу застопорилось — и в Нормандии, и в Голландии, и, наконец, в Арденнах. Американцы двинулись вперед только тогда, когда Советская армия начисто сокрушила врага... Говорят, 6 января Черчилль написал письмо Сталину, что под Арденнами плохо, и Сталин сказал, мол, начнем раньше ради союзников и т. д. Но главное тут совсем другое — Сталину нужно было прийти на Ялтинскую конференцию в Ялту со стратегическим успехом, который бы сразу сказал союзникам, что с СССР разговаривать этак-так нельзя. В результате Висло-Одерской операции мы за три недели оказались в 60 километрах от Берлина, а союзники, уверявшие в сентябре

44-го что войдут туда первыми, были в полутысяче верст, и потому Сталин опять-таки мог отстаивать наши интересы. Авторитет Советского Союза был тогда крайне высок!

— Но это вряд ли устраивало наших союзников...

РЖЕШЕВСКИЙ: Да, здесь столкнулись противоречивые геополитические интересы, что и послужило европейской основной распада великого, но недолговечного союза — антигитлеровской коалиции. Целью Советского Союза было создание на своих западных границах пояса безопасности из дружественных нам стран — вместо того враждебного «санитарного кордона», который существовал перед началом Второй мировой войны. Противоположной была геополитическая цель Великобритании, которую поддерживали США. Англия мечтала о восстановлении своего господства в Европе, и по этой причине вступила во Вторую мировую войну, формально защищая Польшу...

— Вариант, отработанный еще Наполеоном.

МЯГКОВ: Ну конечно! Однако вопрос о Польше, о ее границах, действительно был коренным вопросом, а потом все более четко вставал вопрос о ее правительстве... В конце концов — вопрос об ориентации Польши. Либо она будет ориентироваться на Запад, либо — на Восток. Мы четко придерживались своей линии, что это должно быть дружественное нам государство, оно должно быть союзником СССР; позиция США и Великобритании была несколько иной — они думали о прозападно настроенной Польше.

РЖЕШЕВСКИЙ: Да, и геополитические интересы СССР и Великобритании здесь столкнулись, и несмотря на очень большие усилия, в том числе самих Сталина и Черчилля, найти компромисс по Польше не удалось. Зато именно на этой почве Черчиллем, и не только им, на рубеже

мая 1945 года был раскручен миф о якобы попытках Красной армии захватить всю Европу и дойти до Бискайского залива. Миф этот и сейчас еще раскручивается в западной историографии, и о нем нередко вспоминают некоторые западные политики. Однако документы и НКВД, и ГКО доказывают, что таких целей у нас не было, мы не могли ставить перед собой такую задачу даже в силу характера своего государства, своей внешней политики. В этом смысле очень характерна, на мой взгляд, та позиция, которую мы заняли в отношении Греции, о чем рассказывалось на прошлом заседании «круглого стола».

ЧУРИЛИН: Кстати, если в начале войны Великобритания имела ясные установки на захват тех же итальянских колоний, то в конце войны — ей нужно было уже защитить то, что есть. От кого? Хотя бы от американцев, которые уже освоились на английских базах вблизи побережья США, на английских территориях в Африке, в английских владениях в Бирме и т. д.

— Война в Европе закончилась, а на Дальнем Востоке она еще продолжалась...

ЗИМОНИН: Да, и по расчетам американцев, англичан и китайцев — у них тут единые взгляды были, она в лучшем случае завершилась бы в конце 1946 года, а то и в 1947 году.

— Кстати, сколько союзников воевали на Тихом океане против японских милитаристов?

ЗИМОНИН: Американцы, Великобритания, голландцы, Китай, все силы сопротивления тоже были на стороне союзников — это и Индия, и Бирма, и Филиппинский народ, и Таиланд, и прочее, и прочее. Австралия — безусловно, Новая Зеландия в меньшей степени, но тоже... Досужие американцы подсчитали, что если бы они добились Японии своими силами, то — даже с учетом ядерного

оружия — погиб бы миллион американцев, полмиллиона британцев, десять миллионов японцев, а китайцев, бирманцев и прочих — вообще без счета...

— Летом 1945 года мы, как и обещали союзникам по Антигитлеровской коалиции, вступили в войну с Японией. Не получилось ли так, что тем самым СССР нарушил пакт о нейтралитете?

ЗИМОНИН: Знаете, мне приходилось трижды бывать в Японии, встречаться и с военными историками, и с офицерами, и с генералами, и японцы часто задают этот вопрос, высказывают претензию: вы нарушили пакт о нейтралитете. В принципе, разговор с ними всегда был простой: во-первых, вы же сами всегда все нарушали — как только где какой договор мешает; во-вторых, кто вам мешал 26 июля 1945 года принять условия Потсдамской декларации? Если бы вы подписались — была бы почетная капитуляция, и никакой войны Советского Союза против Японии, у вас остались бы Сахалин и Курилы... В общем, никаких харакири! А так нам пришлось выполнить свой союзнический долг, в результате чего война закончилась не через полтора-два года, а меньше чем через месяц...

ТЮШКЕВИЧ: Думается, что вопрос о том, как развивались союзнические отношения, не только исторический, он имеет и очень большое значение для понимания того, что происходит в современных условиях. Мы ведь и сейчас не можем правильно объяснить, как должны складываться объективные оценки союзнических отношений для России: кто действительно наш союзник, а кто — нейтральный; кто нас подведет, а на кого можно надеяться по-настоящему...

ЧУРИЛИН: Действительно, у меня сложилось впечатление, что несмотря на хронологическую дистанцию между событиями середины 40-х годов и нашими днями, тема эта не умирает из-за того, что постоянно поступают

новые материалы, новые свидетельские данные, новые фонды открываются. Поэтому тема развивается вглубь, появляются новые грани ее понимания. Даже иногда старые материалы, собранные вместе по-новому, дают новый, как говорится, блик на эту ситуацию.

МЯГКОВ: Вернемся опять к президенту США Франклину Делано Рузвельту. В начале апреля 1945 года на его стол ложится документ, подготовленный директором УСС — Управления стратегических служб, т. е. разведки, — Донованом, в котором подчеркивалась мысль, что сила Советского Союза велика и воевать с ним в Европе достаточно проблематично. Поэтому США необходимо предпринять в отношении СССР какие-то срочные оборонительные шаги. Предлагалось создать блок государств, в который бы входили Великобритания, Франция и, возможно, Австрия, который будет способен противостоять СССР. Война не закончилась, а они уже говорили о блоковой политике в послевоенное время... Реакцию Рузвельта на этот документ нам узнать не удастся — 12 апреля он умер. Но вскоре этот документ оказался на столе у нового президента США — Трумэна...

— И в 1949 году была создана Организация Североатлантического договора, более известная, как блок НАТО.

Заседание десятое:

«Ставка — Победа»

Историческая справка:

«Государственный комитет обороны (ГКО) — чрезвычайный высший государственный орган СССР в период Великой Отечественной войны. Образован совместным постановлением Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30 июня 1941 г. в составе: И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (зам. пред.), К. Е. Ворошилов, В. М. Маленков, Л. П. Берия.

В феврале 1942 г. в состав ГКО дополнительно введены А. И. Микоян, Н. А. Вознесенский, Л. М. Каганович. В ноябре 1944 г. вместо К. Е. Ворошилова включен Н. А. Булганин.

Военно-стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного главнокомандования».

Военная энциклопедия, т. 2. М., 1994.

«Ставка Верховного главнокомандования — высший орган стратегического руководства Вооруженными силами СССР в войне. Образована постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г., первоначально именовалась Ставкой Главного командования. Состав: С. К. Тимошенко (председатель), К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, И. В. Сталин, Г. К. Жуков, С. М. Буденный, Н. Г. Кузнецов.

10 июля 1941 г. преобразована в Ставку Верховного командования, ее возглавил И. В. Сталин, в ее состав введен Б. М. Шапошников. С 8 августа 1941 г. И. В. Сталин назначен Верховным главнокомандующим и с этого времени Ставка стала именоваться Ставкой Верховного главнокомандования.

17 февраля 1945 г. ГКО определил следующий состав Ставки ВГК: И. В. Сталин, Г. К. Жуков, А. М. Василевский, А. И. Антонов, Н. А. Булганин, Н. Г. Кузнецов».

Энциклопедия «Великая Отечественная война», М., 1985.

Вопросы организации и осуществления высшего государственного и военно-стратегического руководства СССР в 1941–1945 годах в той или иной степени обсуждались на каждом из заседаний «круглого стола» «Красной звезды», посвященного событиям Великой Отечественной войны, и каждый раз участники дискуссии говорили о том, что данной теме следует посвятить отдельное заседание. Наконец, на заседании 23 февраля 2005 года его участники — В. А. Кирпиченко, Б. Н. Лабусов, В. Н. Лобов, М. Ю. Мягков, Б. И. Невзоров, Ю. А. Никифоров, С. А. Тюшкевич, Д. Б. Хазанов и А. А. Чурилин — обратились непосредственно к работе Государственного комитета обороны и Ставки Верховного главнокомандования.

ЛОБОВ: На мой взгляд, это самая сложная тема из всех, которые мы обсуждали... Ведь здесь — вся организация жизни страны, ее Вооруженных сил в том необычном режиме, который называется «война». Кстати, само понятие «война» — оно на сегодняшний день крайне неконкретное, совершенно необоснованное.

— Ну, до недавнего времени мы опирались на слова Ленина, несколько переформулировавшего Клаузевица: «Война это продолжение политики средствами вооруженного насилия».

ЛОБОВ: Это искаженная формула Клаузевица! Его ведь сначала перевели на французский язык, а с французского — на русский. Когда сравниваешь тексты, то видишь, что там все перемешано! У Клаузевица сказано, что война — это продолжение государственной политики иными средствами. Подчеркиваю: государственной! На вопрос, кто готовит войну, нападение, Клаузевиц отвечал: «Государство». И отражает нападение тоже государство, с его аппаратом. Ленин, когда прочитал Клаузевица, написал на полях: «А что же такое политика?» И только

потом, уже через несколько лет, он дал определение, что это — сконцентрированное выражение экономики. Еще позже он сформулировал, что это — отношения между классами, народами, государствами. Тогда-то и появилась формула, что война — это продолжение политики иными средствами.

ЧУРИЛИН: Действительно, сегодня очень важно определиться, что же это такое — война? Скажем, применительно к Первой мировой войне это понятно. Но вот наша страна прошла через длительный период «холодной войны», когда мы испытывали разного рода нажимы, давления, военные провокации и даже вторжение на нашу территорию. Это тоже была очень рискованная ситуация, которая требовала исключительно эффективной работы всего госаппарата, чтобы не допустить перерастания отдельного инцидента в большую войну... А сейчас появляются качественно новые средства воздействия на огромные массы людей.

ТЮШКЕВИЧ: Война как явление, — в особенности после Французской революции — все больше и больше становится состоянием всего общества. Мы сейчас говорим, что *«война это особое, специфическое состояние всего общества»*...

ЛОБОВ: Прежде всего, война — явление обоюдное. В ней в обязательном порядке участвуют две стороны, объединенные совместными боевыми действиями, в которых соприкасаются люди, техника, вооружение, идет их взаимное перемалывание. Но в боевых действиях концентрируется только часть жизни, которая продолжается и слева, и справа от линии соприкосновения. Ведь и во время войны рождаются дети, ходят в школу, в институт; во время войны добываются руда и нефть, производятся сталь, чугун и бензин, работает сельское хозяйство, живет наука... То есть война — это жизнь в специфических условиях.

ТЮШКЕВИЧ: В нашей военной теории есть определенные понятия: тип войны и вид войны. Понятие «тип войны» охватывает двусторонний процесс, это война между государствами или коалициями. «Вид войны» — это мы обозначаем одну сторону. Например: «Великая Отечественная война Советского Союза». При этом мы подразумеваем, что другой вид войны — это та война, которую фашистская Германия вела против СССР.

— Можно считать, что с понятием войны мы несколько разобрались. А кто руководит войной как таковой и кто непосредственно руководит боевыми действиями — в глобальном, разумеется, масштабе?

ЛОБОВ: Давайте, опять-таки, сделаем экскурс в историю. 1812 год. Тогда войной — вернее, жизнью страны во время войны, — руководили императоры. С одной стороны — Наполеон, с другой — Александр. Никаких специфических органов управления в масштабе государства не создавалось, всю ответственность нес государь. Для руководства боевыми действиями в России были назначаемы главнокомандующие — не всеми вооруженными силами, а именно теми войсками, которые вели боевые действия.

— Да, Александр I определял стратегическую линию, а его планы претворяли в жизнь главнокомандующие армиями...

ЛОБОВ: Первая мировая война — масштабы уже совсем другие, ресурсы другие, так же как и силы, которые соприкасались во время войны, как и вся жизнь страны... Тогда уже пришли к выводу, что нужен определенный орган, который бы разбирался в боевых действиях, но в то же самое время не упускал из вида и все государственные дела. Поэтому была образована Ставка Верховного главнокомандующего. Верховным сначала

был двоюродный брат царя великий князь Николай Николаевич (Младший), потом он сам... Образовался такой орган, такая сила, которая концентрировала всю экономическую, политическую и, естественно, военную мощь государства — а потом применяла ее в боевых соприкосновениях.

— То есть при создании органов верховного управления во время Великой Отечественной войны советское руководство обратилось к опыту руководства Российской империи?

ЧУРИЛИН: Я думаю, что опыт Первой мировой войны в отношении создания единого и масштабного центра, охватывающего все области жизнедеятельности государства, не был в полной мере усвоен. Он и не мог быть усвоен, потому что в 1914 году Россия была государством, качественно отличавшимся от того, каким был СССР в 1941 году. Россия, несмотря на огромные физические возможности, была, видимо, наиболее слабой и наименее управляемой страной из всех государств Антанты, что проявилось в событиях 1916 и, особенно, 1917 годов. Зато Советский Союз обладал развитой промышленностью, огромными Вооруженными силами, очень мощной системой государственного управления...

ЛОБОВ: В Великой Отечественной войне этот опыт был продолжен, но Ставка, которая образовывалась, или Верховное главнокомандование при тех масштабах — ну и определенная политическая специфика была — теперь уже не могли руководить страной. Пришли к выводу, что надо создавать специальный орган, который бы руководил жизнью СССР во время войны. И ГКО руководил не только обороной, но и всей жизнью страны — всеми ее составляющими. А для руководства боевыми действиями была образована Ставка ВГК, которая занималась теми вооруженными силами, которые участвовали в боевых

действиях. То есть Ставка в руководство страной никоим образом не вмешивалась.

ТЮШКЕВИЧ: Система руководства войной, включающая в себя две стороны — руководство всеми общественными и государственными организациями и непосредственно военными действиями, — возникла в особых условиях. Внезапностью нападения объясняется тот факт, что не были проработаны теоретические вопросы: вначале была создана Ставка Верховного командования, и Сталин был просто членом Ставки...

ЧУРИЛИН: Не надо забывать, что у нас была огромная бюрократическая машина, работавшая, как часы, — ЦК партии. Вот она-то и была тем рабочим колесом, вокруг которого все крутилось как в 41-м, так и в последующих годах.

ЛОБОВ: Да, у нас были и ЦК, и СНК, и наркоматы. Еще был Главный военный совет, который возглавлял нарком обороны. Структура существовала и работала еще перед войной.

КИРПИЧЕНКО: Если попытаться ответить на главный вопрос, насколько эффективным было руководство государством и военными действиями во время войны, то ответ дает сам факт нашей Победы. И то, что во время войны экономика страны работала активно, — это факт: закончилось перевооружение армии, наша армия получила превосходящие противника по ряду позиций самолеты, танки, артиллерию... Но я хотел бы подчеркнуть, что эта эффективность была достигнута в ходе самой войны, а не за счет того, что мы хорошо к ней подготовились.

ЧУРИЛИН: У меня складывается впечатление, что помимо субъективных моментов, характерных для 1930-х и даже 40-го года, очень существенным моментом действительно был вопрос о слабости нашей теоретической подготовки. В том, что касается теоретической разработки проблем начального периода войны, не толь-

ко у наших военных теоретиков, но и у специалистов в области административного управления были большие недоработки.

ТЮШКЕВИЧ: Действительно, накануне войны достаточной теоретической разработки вопросов руководства войной и военными действиями сделано не было...

— Сакраментальный русский вопрос: «Кто виноват?».

ЧУРИЛИН: Думаю, что в какой-то мере эта теоретическая недоработка была вызвана тем, что до войны, на протяжении десятилетий, Советский Союз жил в полной политической изоляции. Было неясно, каким будет для нас конфликт. Ну, в общем плане было ясно, что это будет классовый конфликт между странами, принадлежащими к разным социально-политическим структурам. Но... с кем? С Японией, с Китаем, с басмачами, с финнами? И какой будет его масштаб? Если это будет война, скажем, с северного направления — с англичанами или с кем-то еще, кто будет воевать с нами через Финляндию, это одно развитие событий. Если это будет крупномасштабное наступление через Польшу — другое. В этой обстановке неопределенности было трудно выработать четкий алгоритм, который отвечал бы на все возможные варианты событий.

Наверное, о том, какой станет настоящая война, или боялись думать, или не могли представить ни масштаба, ни драматизма событий — у меня такое ощущение. Эта неясность накладывала отпечаток на то, каким образом представлялась структура управления. Я думаю, что появление в начале войны трех командных центров в какой-то степени отражало эту неопределенность.

ТЮШКЕВИЧ: Хотя, конечно, образование трех направлений сыграло определенную роль — могу сказать об этом по своим воспоминаниям, по Ленинграду, поскольку

был тогда в народном ополчении. Но с точки зрения эффективности руководства оно себя не оправдало — у них не было ни необходимых органов, ни средств, — и вскоре эта система направлений была упразднена...

МЯГКОВ: На мой взгляд, власти непосредственно перед войной не хватило твердости в принятии определенных политических решений. Необходимо было готовить страну непосредственно к тем или иным действиям. Но было колебание — может быть, войну удастся оттянуть. Может быть, она будет вначале не с нами. Может быть, это будет 42-й год, а может быть — 43-й...

ЧУРИЛИН: Действительно, у многих в Москве была иллюзия, что все, что делается в Германии — это подготовка к крупномасштабным акциям против Англии. Из Германии и из Великобритании приходило много информации в том плане, что пока Гитлер не разделается с Англией, он не будет готов к военным действиям на востоке. И действительно, предвоенные военно-политические события показывали, что у немцев очень велик интерес к борьбе с англичанами — скажем, та же эпопея с уничтожением линкора «Бисмарк», которую сейчас как-то все забыли, а ведь тогда это было огромное событие... Десантная операция на Крите тоже, между прочим, в первую очередь была направлена против Англии.

ТЮШКЕВИЧ: Добавлю, что у нас тогда на стратегическом и других уровнях недостаточно рассматривался вопрос о соотношении между обороной и наступлением. Полевой устав 1939 года гласил: *«В том случае, если Советский Союз подвергнется агрессии, то Красная армия будет самой наступающей армией в мире, и она ответит на удар...»* Исходя из этого положения, наша пропаганда декларировала, что мы не будем долго отражать удар противника, а вскоре перейдем в наступление... Кстати, когда говорят, что СССР готовил превентивный удар, то берут вторую часть формулы: *«...Красная армия будет самой на-*

ступающей», отбрасывая первую ее часть: «В том случае, если СССР подвергнется агрессии...».

НЕВЗОРОВ: Большой вопрос был относительно мобилизационной подготовки населения. В предвоенные годы у нас призывной контингент составлял примерно 900 тысяч человек, а призывалось ежегодно около 300 тысяч. Т. е. порядка 600 тысяч каждый год оставались не охваченными военной подготовкой, что за 15 лет составило где-то более 10–11 миллионов человек. За летнюю/осеннюю кампанию 1941 года мы фактически потеряли нашу предвоенную армию, и когда непрерывно шло формирование новых подразделений, частей и соединений, оказывалось, что маршевое пополнение совершенно неподготовлено. Они даже не знали устройства винтовки...

ЧУРИЛИН: Вспомним всем известный случай, когда в ГКО обсуждался вопрос: а где подготовлен командный пункт для Ставки Верховного главнокомандования? Никто раньше даже не подумал, что может потребоваться такой командный пункт — со всеми системами управления, защищенностью, с охраной...

НЕВЗОРОВ: Предусматривалось, что наше командование будет управлять Вооруженными силами с рабочих мест Наркомата обороны, Генштаба. Но получилось, что как только начались налеты на Москву, офицеры оперативного управления брали документы и ехали в метро «Белорусская», где им отвели половину подземного зала; вторая половина заполнялась москвичами — женщинами, детьми... Вопрос оказался непродуманным: не было даже Центрального командного пункта, и это, безусловно, сказывалось на вопросах управления войсками

ЛОБОВ: Позвольте, а как быть с Куйбышевым, где были заранее подготовлены не только командный пункт, но и места для всего правительства? А КП на Чистых прудах, откуда Сталин управлял даже отражениями налетов авиации на Москву? Можно съездить в Измайлово, там

есть стадион, а под ним, на глубине 20 метров, — запасный железобетонный КП. Кабинет Сталина, места для работы всех, так сказать, органов управления... Этого нигде не прочитаешь, а реально — есть! Мне там приходилось бывать — и по долгу службы, и ради любопытства.

— Извините, Владимир Николаевич, а мы сейчас не раскрываем конфиденциальную информацию?

ЛОБОВ: Нет, в Измайлове сейчас все открыли — можно прийти и в кабинет Сталина; в одном из крыльев КП сделали музей Железной дивизии, а там, где был зал, — ресторан... А теперь давайте говорить: было подготовлено или нет? Было продуманно или нет?

ЧУРИЛИН: Но почему же в мемуарах Штеменко рассказывается, о том, как спохватились, где же подготовлен КП для Ставки, и выяснили, что нигде не подготовлен?

ЛОБОВ: Может быть, в то время нельзя было об этом писать?

НИКИФОРОВ: Мемуары наших военачальников создавались под воздействием XX съезда и принятых на нем решений, а потому многие вопросы так и остались не изучены. Нужны источниковедческие работы, которые позволили бы посмотреть, какое и на кого лично оказывалось давление по поводу того, что писать и что не писать. Но эта работа еще впереди...

— Помню, на одном из наших заседаний генерал Кирпиченко говорил, что мемуарная литература в разведке за официальные документы не считается — из-за своего субъективизма...

НИКИФОРОВ: Да, к сожалению, в этой литературе часто встречается подход, который можно характеризовать как «ведомственный», когда те или иные решения, принимаемые на самом верху, оцениваются с определенной, заинтересованной точки зрения. Так что если историк пре-

жде всего опирается на военно-мемуарную литературу, то он попадает в зависимость от тех оценок и интерпретаций, которые давали наши полководцы после войны. Это приводит к зауживанию взгляда.

ЧУРИЛИН: Хотя многие вопросы той поры решались в сугубо устном порядке, и, к сожалению, в других источниках этой информации не найти...

— Насколько же освещены интересующие нас вопросы в серьезной исторической литературе?

ЛОБОВ: О ГКО написано вроде бы много, но везде — одно и то же, причем, к великому сожалению, формы и методы его работы фактически нигде не обозначатся. А ведь в состав ГКО входило много структур, чтобы охватить всю жизнь страны. Деятельность Ставки более раскрыта, на нее ссылаются очень много...

НИКИФОРОВ: Действительно, из-за отсутствия литературы многие важнейшие проблемы до сих пор остаются неисследованными.

ХАЗАНОВ: Кстати, а чем отличались наши органы государственного управления во время войны от наших союзников — США и Великобритании. Что нас объединяло и что разделяло?

МЯГКОВ: Безусловно, механически сравнивать нас с Германией, равно как и с Соединенными Штатами Америки и Великобританией, нельзя — совершенно разные страны, разный потенциал. К тому же мы оказались в разных условиях... А если бы война велась на территории США? Как бы там строились органы высшего управления? Вот, сейчас много критики, что очень многое у нас замыкалось на Верховном главнокомандующем, на председателе ГКО, на наркоме обороны — в общем, на Сталине. Но ведь стремление к централизации в такой глобальной войне, каковой была Вторая мировая, в равной мере была присуща всем странам, в ней участвовавшим. Даже в США —

самом, что называется, свободном и демократическом государстве Антигитлеровской коалиции, все важнейшие вопросы жизни страны, ведения военных действий так или иначе замыкались на президенте Рузвельте. Хотя был Объединенный комитет начальников штабов США и Великобритании, был Комитет начальников штабов США и орган руководства операциями непосредственно на Европейском ТВД, где был главнокомандующий экспедиционными силами Эйзенхауэр...

ХАЗАНОВ: А вот в Германии ставки как таковой не было до самого конца войны. Ставка была только там, где находился Гитлер — в Восточной Пруссии, на Украине...

— То есть наша система государственного и военного управления была более эффективной, чем у противника?

ЧУРИЛИН: Конечно, и это убедительно доказывает наша Победа. Но учтите, что тот орган, который сразу бы эффективно взял под контроль управление страной в условиях военной ситуации, в нашу систему государственного управления встроен не был. Потребовалось какое-то время, чтобы создать Ставку, ГКО,

КИРПИЧЕНКО: Те уроки, которые мы вынесли из Гражданской войны в Испании и из Финской войны, мы усвоить не успели — у нас было недостаточно времени, чтобы подготовиться к новой войне... Хотя было высокое сознание у народа и у руководителей, была военная дисциплина на всех уровнях... Но я бы хотел сказать о недостатках руководства страной на примере нашего ведомства, потому как аналогичные ошибки в большинстве случаев имели место и в других структурах.

Во-первых, в 1937–1938 годах в разведке было репрессировано или уволено около сорока процентов сотрудников. Она была крайне ослаблена: в наших резидентурах, причем, очень важных, работало по два-три работника, а иногда даже по одному... Но раз в разведке обнаружили

«враги народа», то, следовательно, и агентура, которую они привлекли в свое время, считалась ненадежной. Было недоверие и к собственным источникам. И в разведке МГБ, и в военной разведке была чехарда с руководящим составом — у нас, например, были случаи, когда по несколько месяцев некому было подписывать бумаги для доклада в ЦК ВКП(б). То есть репрессии отразились на подготовке страны к войне пагубным образом.

ЧУРИЛИН: Я бы добавил уже на нашем примере: не только из-за отсутствия высококвалифицированных дипломатов, но и из-за специфических нравов, которые были в то время в руководящей среде, политические вопросы решались только на самом высоком или очень высоком уровне. Повседневной политической работе, на мой взгляд, не уделялось должного внимания — то, что должны делать работники посольств на оперативном уровне, делалось на уровне послов, заместителей наркома и даже наркомов. Это, конечно, сужало возможность понимания развития ситуации, делало ее в значительной степени субъективной, завязанной на понимании только тех, кто этим занимался. Поэтому совершенно неверно был истолкован известный разговор Шуленберга с Деканозовым — предупреждение германского посла было воспринято не как личные его действия, а как предупреждение со стороны Германии, попытка шантажировать наше руководство.

КИРПИЧЕНКО: Отмечу, что в предвоенное время и в последние дни перед войной была тенденциозность в докладе информации. Это, опять-таки, относилось как к ГРУ, так и к внешнеполитической разведке. Все исходило из того, что мыслил о войне с Германией и о том, когда она будет, Сталин, — под это некоторые руководители подделывались и не всю информацию посылали.

— А что, разве разведслужбы были обязаны представлять абсолютно всю имеющуюся у них информацию?

КИРПИЧЕНКО: Так ведь ни в разведке, ни вообще в Наркомате госбезопасности не было ни одного информационно-аналитического подразделения. Исходя из этой схемы, мудрые люди были только в Политбюро: им информация направлялась в «живом» виде, и они сами решали, что — правда, что — неправда и что нужно делать. Потока информации, каких-то сводок, которые свидетельствовали бы о подготовке Германии к войне, не было, поскольку некому их было писать — структуры такой не было. Это, конечно, упущение руководства страны, отсутствие опыта государственного управления.

— Но если обратиться к мемуарам — уж извините после всего ранее сказанного! — руководителей гитлеровских спецслужб, то можно узнать, что и у них не было информационно-аналитических подразделений, и фюреру также докладывали всю информацию. Может быть, тогдашние режимы просто не доверяли спецслужбам?

КИРПИЧЕНКО: Мне кажется, что наше руководство недостаточно уделяло внимания разведке. Скажем, центральный аппарат нашей службы составлял по штату немногим более сотни человек. Это смешно — с таким малочисленным аппаратом вести разведку против фашистской Германии! И статус ее был низкий: разведка представляла собой отдел, который входил в другие структуры... К сожалению, те недостатки, о которых мы сейчас говорим, в большой степени были свойственны и другим направлениям жизни и деятельности нашего государства.

ЧУРИЛИН: Абсолютно верно — в МИДе тоже отсутствовали аналитические структуры, что давало возможность конкретным лицам как угодно истолковывать попадавшую к ним информацию. И очень часто информация, имевшая исключительное значение, бывала неверно истолкована. Посол мог получить довольно жесткую — иногда, справедливую, а иногда совершенно несправедливую — критику

за ту информацию, которую он присылал. Как видите, с подобной проблемой сталкивались и у нас в ведомстве, и чекисты, и в Генеральном штабе.

— Но и в этих условиях настоящие советские патриоты продолжали самоотверженно выполнять свои обязанности на любом порученном им посту...

ЧУРИЛИН: Да, и я думаю, что во внешнеполитическом аспекте подготовки к войне это достаточно хорошо просматривается. Ведь, собственно говоря, до самых первых сражений Великой Отечественной войны наша дипломатия активно пыталась завязать диалог с западниками, продолжался очень сложный разговор с немцами... К сожалению, в тех условиях внешнеполитическая структура оказывалась как бы в подыгрывающих — она не имела самостоятельной роли и не участвовала в формировании внешнеполитической стратегии государства в той степени, как была бы должна.

НИКИФОРОВ: А можно ли достаточно хорошо подготовиться к войне заранее? И что это значит — «достаточно хорошо»? Можно ли все предусмотреть? Думаю, что нет. Тем более что Германия, взяв на себя инициативу развязывания военных действий, уже одним этим поставила наше руководство, военное командование, армию в невыгодную позицию — не надо объяснять, почему это так.

Другой вопрос: сумело ли наше руководство — и военное, и политическое, — адекватно реагировать, сумела ли система в целом перестроиться и проявить достаточные гибкость и творчество? Каков был творческий потенциал нашей системы, позволявший совершенствовать руководство военными действиями, а не наступать всю войну на одни и те же грабли?

ХАЗАНОВ: Действительно, говорят, о первой неготовности, а мне кажется, что наоборот. Может быть, за исключением самых первых дней войны...

МЯГКОВ: Может быть, месяцев?

ХАЗАНОВ: Нет, не месяцев, потому что к войне готовились, что она будет — знали. Ну, пытались оттянуть, было действительно у Сталина такое представление, что Гитлер не сможет на нас напасть до того, как он договорится с англичанами о мире. Нам надо было получить союзников — т. е. политические ситуации Сталин проигрывал для себя очень, мне кажется, правильно, и он никогда бы не мог согласиться на какие-то превентивные удары. Наверняка прорабатывались вопросы государственного управления на случай войны. Да, многие наркоматы были не готовы — думали, что, может быть, как-то удастся решить какие-то насущные проблемы, но вот война началась...

ЛОБОВ: Действительно, это очень интересный момент — для того чтобы создать ГКО и Ставку, стране потребовалось всего полтора месяца. Значит, на мой взгляд, эти вопросы были заранее продуманы. Нельзя вот так — взял и сразу сделал ГКО, да еще в условиях войны... Так что давайте подходить к этому вопросу чуть объективнее.

ХАЗАНОВ: Я думаю, что и первое потрясение произошло не от того, что Гитлер напал — буквально через неделю после начала войны стало ясно, как не готова наша армия, и вот именно с этим была связана растерянность и всё, о чем мы сейчас знаем.

НЕВЗОРОВ: Я не согласен, что наши Вооруженные силы были совершенно неподготовлены к войне — в целом, они были способны отразить наступление немецко-фашистских войск. Так и произошло там, где командиры соединений сумели привести войска в боевую готовность. Я имею ввиду, например, 41-ю стрелковую дивизию, в районе Рава-Русской. Перед 22 июня командир собрал всю дивизию в лагерь — под видом того, что ее будет проверять комиссия Генштаба; раздал боеприпасы, НЗ,

ночью все легли спать, не снимая обмундирования. Когда началась война, дивизия заняла боевые порядки в Рава-Русском укрепрайоне, отразила первый удар, удерживала свои позиции до 27-го числа, сковав боем более четырех немецких дивизий, и даже перешла государственную границу с Польшей. Если бы все войска были своевременно приведены в боевую готовность, то война пошла бы по другому пути.

ТЮШКЕВИЧ: Я думаю, что эффективного диалектического взаимодействия политики и стратегии в начале войны все-таки не получилось. Сказались все те же просчеты и неподготовленность... Но ведь известно, что наши будущие союзники, США и Англия, руководствовались принципом: *«Мы должны посмотреть, кто будет побеждать, и тогда будем определять свое отношение»*. То, что Красная армия не сделала первых выстрелов, обошлось нам очень дорого — но это было колоссальным выигрышем для СССР с точки зрения установления последующих союзнических отношений. Сначала в Англии, потом в США увидели, что сами оказываются в очень тяжелом положении, и заявили о поддержке. Это, кстати, тоже наложило отпечаток на формирование наших органов руководства обществом и вооруженной борьбой.

НИКИФОРОВ: Кстати, это интересный вопрос — как связан ход вооруженной борьбы на советско-германском фронте с ходом наших переговоров на любом этапе с нашими союзниками? Хотя он и получил отражение в ряде трудов, но достаточно ли того, что мы об этом знаем, чтобы составить объективную картину? Мне кажется, что особенно по 1941–1942 годам есть резерв для изучения взаимосвязи тех или иных решений. Не зная того, исходя лишь с точки зрения военной целесообразности, какие-то решения, может быть, выглядят ошибочными и неадекватными.

ЛОБОВ: Конечно, это вопрос очень сложный — и выбор союзников, и вера в этих союзников, и вера в тех же немцев...

НИКИФОРОВ: По-моему, на 41-й год пора посмотреть с иной точки зрения, и хотелось бы перевернуть ситуацию с головы на ноги. Любая другая страна треснула бы от такого удара, план «Барбаросса» был бы реализован — и все! А получилось наоборот. Поэтому мы должны понять, как справились общество и государство с тем, что произошло, и говорить об эффективности в данном конкретном случае, а не о просчетах и не неудачах...

ХАЗАНОВ: План «Барбаросса» просчитывал первые четыре — шесть недель, его составители предполагали, что дальше органы государственного управления Советского Союза развалятся, в стране наступит коллапс. Этот план они строили по аналогии с планом войны против Франции. Но управление не рушилось, на фронт перебрасывались все новые и новые части... Шведский ученый — Салстрем, кажется, доказывал в своей диссертации, что если бы лидеры Германии знали, каким потенциалом обладал СССР накануне войны, то еще десять раз подумали бы, стоит ли нападать. Жесткая закрытость нашей страны подтолкнула Гитлера к войне — он нас недооценил. Подобная недооценка характерна для немцев и впоследствии: так, уже в 1943 году они считали, что наши ресурсы исчерпаны и конец войне близок...

— И в первую очередь, очевидно, они недооценили именно систему нашего государственного управления?

ХАЗАНОВ: Конечно! Именно в этих условиях она оказалась очень эффективной. Мне довелось беседовать с директором одного из наших крупных оборонных заводов — он говорил, что сейчас даже трудно себе представить, что такое эвакуация и какими масштабными, глобальными категориями приходилось мыслить. Это же не просто

механически переставить куда-то какой-то завод. Нужно было знать, откуда будут поступать электроэнергия, сырье, древесина, каким потоком будут идти на фронт и обратно эшелоны — и все это следовало просчитывать буквально мгновенно. Конечно, какие-то ошибки были, но в целом наша страна показала себя очень хорошо управляемой — именно с точки зрения единого механизма.

ЧУРИЛИН: Кстати, Косыгин в одной своей статье написал, что во время войны у нас на месте остался только один авиационный завод — в Комсомольске-на-Амуре. Все остальные были или в движении, или в строительстве.

НИКИФОРОВ: Однако это не всем понятно. Сталина критикуют за то, что в 41-м году мы жестко цеплялись за территорию. При этом упускаются из вида, те соображения, которые могли быть связаны с необходимостью проведения эвакуации. Сопrotивляясь, удерживая какие-то определенные рубежи, теряя войска, мы сохраняли тот экономический потенциал, который в дальнейшем позволил одержать победу в войне. В этой связи, мне кажется, имеющихся исследований недостаточно — здесь остается резерв для углубленного осмысления.

ТЮШКЕВИЧ: На мой взгляд, здесь свою положительную роль сыграл тот факт, что буквально сразу и определенно было принято решение о создании ГКО. Зато в военной сфере были не то что шараханья, но отклонения. То же самое создание трех направлений, во главе которых были поставлены маршалы Ворошилов, Буденный и Тимошенко. Они пользовались авторитетом, это назначение в народе было принято положительно, но ведь представления этих «красных маршалов» о современной войне явно не соответствовали реалиям. Однако их несостоятельность как военных руководителей была признана только в 42-м году.

ЧУРИЛИН: И вот здесь нельзя не вспомнить, что в нашей стране был огромный ресурс «свежих людей», как

называл их Сталин. Сначала их не допускали к управлению, потом они появились и стали активно работать...

ЛОБОВ: А не подходим ли мы к оценке нашего Верховного главнокомандования, ГКО и вообще всей государственной власти по старым шаблонам? Мол, пришли новые кадры, и сразу решили проблему. А ну-ка назовите хоть одну «новую кадру» в 41-м году? Не назовете! Кадры были стабильные, вот в чем дело. Работали живые, конкретные люди, которые перешли в ГКО — никого нового вы в ГКО не назовете, также как и в Ставке ВГК.

— Новые кадры в руководство пришли несколько раньше: в 1940 году заместителями председателя СНК стали 38-летний Малышев и 36-летний Косыгин, заместителем наркома — 29-летний Байбаков... Список можно продолжить.

ЛОБОВ: Согласен. Но вот в составе ГКО — чрезвычайном органе управления страной в условиях войны — ни одного «свежего лица» вы не найдете. Были известные, испытанные лидеры, каждый имел тот участок, за который отвечал — это был не просто какой-то совещательный орган. Были созданы комитеты, отделы, назначены уполномоченные ГКО, в каждом крупном городе создавался городской комитет обороны, подчинявшийся ГКО.

ТЮШКЕВИЧ: Говоря современным языком, была обеспечена «вертикаль» снизу доверху...

ЛОБОВ: Но вот вопрос — когда надо было создавать ГКО? Может быть, до войны, вместо Главного военного совета? Сформировать, определить ему задачи — до низов, и то, как работать, как эти задачи выполнять. Вопрос, требующий очень серьезного подхода...

ЧУРИЛИН: Тут фундаментальный вопрос заключается в том, продумана была такая система или нет? Был ли у нас нормативный документ, который определял переход управления государства к ГКО? Я, к сожалению, о нем не слышал. А как было определено, каким образом должны

взаимодействовать в условиях войны органы государственного управления — структуры, которые осуществляют внешнеполитическую деятельность, разведывательную работу... Существовали такие нормативные акты или нет? Я тоже что-то не знаю о них.

ТЮШКЕВИЧ: Кстати, когда мы говорим про руководство военными действиями, не следует забывать одну очень интересную мысль, высказанную в свое время Тухачевским. Он говорил, что управлять военными действиями — это значит не только управлять своими войсками, но и в определенной мере управлять действиями противника. Можно добавить, что коль скоро это коалиционная война, то очевидно, что необходимо в определенной мере управлять и действиями своих союзников. Управлять — в смысле воздействовать на них каким-то образом.

ЛАБУСОВ: Этому есть немало конкретных примеров, связанных с разведкой и внешнеполитической деятельностью — а это две взаимно пересекающиеся, так сказать, линии. Вспомним хотя бы знаменитые «17 мгновений весны» — там есть реальный факт, как было обнародовано письмо Сталина Черчиллю о том, что нам известно о неких сепаратных переговорах, которые ведутся за нашей спиной. Разведкой была получена информация, доложена руководству, которое эту информацию осмыслило и приняло решение: обнародовать в нужное время и в нужном месте. Ее обнародовали тогда, когда надо было в очередной раз подтолкнуть руководство западных стран для принятия неких решений — или для отказа от принятия неких решений — в частности, идти на какие-то сепаратные переговоры.

— Судя по этому, позиции разведки за время войны основательно укрепились. Наверное, был решен и кадровый вопрос?

КИРПИЧЕНКО: Да, все эти недостатки в управлении разведкой, о которых я говорил, успешно преодолевались в ходе самой войны. Разведка не только перестроилась, и была укреплена численно. Известно, что наиболее героическая ее деятельность была связана как раз с военным периодом. Информация, которую разведка докладывала в ГКО и другие адреса, способствовала принятию правильных решений нашим военным командованием. Примеров много — достаточно сказать хотя бы об информации, полученной от одного из наших источников, Кернкроса, о подготовке операции «Цитадель» — наступлении немцев на Орловско-Курском направлении. Мы получили изложение документов вермахта с указанием и численности войск, и сроках наступления, и указании ТТД нового вооружения Германии...

ЧУРИЛИН: Кадровый вопрос был решен и в нашем ведомстве. В течение долгого времени НКВД персонифицировался в его высшем руководстве — Молотов, Вышинский, Деканозов. И все. Это ситуация отражала отсутствие опыта использования соответствующего дипломатического механизма, который у нас уже существовал. И только в годы войны, что оказалось большим подспорьем при формировании нашей внешнеполитической стратегии, на арену вышло целое созвездие, не побоюсь этого слова, удивительных дипломатов, которые служили нашей Родине потом десятилетия. Например, незабвенный наш Андрей Андреевич Громыко — но и не только он...

Суммируя сказанное, хотел бы отметить: готовность к войне — это в значительной степени результат зрелости государственного аппарата, проработанности концептуальной функциональной принадлежности главных его органов, насыщенность этих органов высококвалифицированными специалистами. Все эти элементы должны быть соблюдены — в противном случае начинаются большие проблемы, которые для многих стран вообще нерешимы.

— А вот в состав Ставки ВГК «свежие люди» постепенно вошли: генштабисты маршал Василевский, генерал армии Антонов.

ТЮШКЕВИЧ: Кстати, то, что Генеральный штаб называют *«рабочим органом Ставки»*, — это, по-моему, не совсем правильно. Ведь именно Генштаб осуществляет всю разработку и реализацию оперативных и стратегических планов и замыслов. Это же не просто рабочее дело, это мыслительный процесс. Я думаю, недооценка этой мыслительной деятельности в начале войны сыграла свою негативную роль.

ЧУРИЛИН: Да, роль Генерального штаба пришлось поднимать на новый уровень — я тут не могу не согласиться с замечанием о том, что ГШ был не только исполнительным органом. Конечно же, это была совершенно другая структура. Может быть, у нас она была на совершенно ином уровне, чем у других государств.

ЛОБОВ: Между прочим, в Генеральном штабе во время войны было всего лишь 200 человек. Василевский, будучи начальником Генштаба, являлся также и представителем Ставки и 80 процентов времени проводил на фронте. Однажды он даже сказал Верховному: *«Товарищ Сталин, в наркомате уже говорят, что я не руковожу Генштабом, а все время нахожусь в войсках...»* Сталин говорит: *«Товарищ Василевский, вы езжайте, а если нужно будет оформить карту — мы найдем, кого назначить. Если нужно будет передать вам информацию — у нас с фронтом связь есть. Если мы сочтем необходимым с вами посоветоваться как с начальником Генштаба, — мы вас найдем»*. Вы понимаете, какая заложена энергия даже в этих словах и какая энергия заложена в самой управленческой структуре?

ЧУРИЛИН: У Берии во время войны было всего два заместителя. И у нашего наркома, Молотова, тоже два... Поэтому вопрос о численности людей в том или ином

органа управления — очень непростой. Помимо всего прочего он зависит еще и от качества подготовки и мотивации людей, которые находятся на своих постах. Я, например, не исключаю, что в мирное время 100 человек могут работать так же, как в военное время — десять, и даже допускаю, что в военное время десять могут лучше работать.

ЧУРИЛИН: По-моему, мы все сходимся на том, что государственная система управления, которая существовала в СССР в 1941 году, выдержала испытание войной.

ТЮШКЕВИЧ: Наша система руководства военного времени, на мой взгляд, в полной мере отразила особенности советского руководства в мирных условиях. Первая ее особенность заключается в том, что ядром этой системы была Коммунистическая партия. Принципиальные вопросы решались в ЦК и накануне войны, и в переходе к войне, и во время войны, и оформлялись решением ЦК. ГКО был создан без упразднения Верховного совета, Совета народных комиссаров и других государственных органов — но все они были обязаны выполнять решения ГКО. Тем самым была обеспечена строжайшая, очень жесткая централизация руководства жизнью и страны, и Вооруженных сил. Лозунг *«Все для фронта, все для Победы»* выражает суть той перестройки и того особого состояния, которое сложилось в это время.

ЛАБУСОВ: Это гениальный лозунг — вся экономика, деятельность органов государственного управления, да и вся жизнь носили мобилизационный характер.

— А как все-таки этого удалось достичь? Мы же потом столько замечательных лозунгов выдвигали — но результат, к сожалению, известен. Мягко говоря, лозунги не работали...

ЛАБУСОВ: Мне кажется, причина в том, что, во-первых, наша страна и в мирное время — после установления Советской власти и до начала Второй мировой —

жила практически в условиях если не мобилизационной, то хотя бы предмобилизационной готовности. Мы всё время с кем-нибудь воевали. Во-вторых, присущие государству элементы тоталитаризма, которые в мирное время воспринимаются негативно, тут сыграли определенную положительную роль.

Это прозвучит парадоксально, но нашему успеху в войне способствовали и такие обстоятельства, как сравнительно низкий уровень жизни в нашей стране. Людям нечего было особенно терять, кроме жизни, а за жизнь мы будем сражаться до конца. Ну и добавим наличие высокого патриотизма. Что бы там ни говорили, но наш народ в большинстве своем был настроен патриотично. Сегодня, к сожалению, мы этого не видим.

КИРПИЧЕНКО: А кому хочется защищать интересы олигархов?

ЛАБУСОВ: Вот все эти моменты, вместе взятые, — сравнительно легкая управляемость народом в условиях тоталитарного общества, вера, пусть даже слепая, в своих вождей — способствовали быстрому успеху органов государственного управления.

ЧУРИЛИН: К тому же реально все опиралось на огромный наработанный актив на местах — будь это в Самарканде, в Нарьян-Маре или во Владивостоке, — который моментально выполнял любое указание центра. Они были приводным колесом, которое осуществляло эту работу.

ХАЗАНОВ: Зато в отношении органов управления и военного управления Германии некоторые вещи просто вызывают изумление. Вот, например, какие вопросы, обсуждались в гитлеровской ставке накануне сталинградской катастрофы — Северная Африка, какие-то обстоятельства в Сербии, какие-то трения между Венгрией и Румынией. Хотя, казалось бы, надо бросаться всеми силами на то, чтобы погасить кризисную ситуацию. Но у них такой нацеленности не было.

ЛАБУСОВ: Зато у нас была в полном смысле *«народная война»*. Ведь ни в одной стране, которая воевала с кем-либо, не существовало такого уникального и эффективного органа, как Центральный штаб партизанского движения, который, кстати, был создан сравнительно быстро. Это ведь все миф, что партизанское движение возникло стихийно — мол, все люди встали и пошли с вилами на врага.

— Небезызвестная «дубина народной войны»... Хотя и в 1812 году предостаточно было армейских партизанских — так называемых «летучих» — отрядов.

ЛАБУСОВ: Да, так и теперь практически все серьезные партизанские отряды, бригады и соединения создавались на основе некоего ядра, которое, так сказать, забрасывалось из Москвы. А потом уже это ядро обрастало людьми, отряды увеличивались... Конечно, это патриотическое движение, люди туда шли добровольно, но факт, что именно на государственном уровне сумели создать эффективную форму противодействия, которой враг боялся не менее, а порой и чуть ли не более чем регулярных войск.

МЯГКОВ: Сейчас часто проводят параллели между централизацией, которая была у нас, и тем, что было у немцев. В некоторых книгах даже сравнивают Сталина и Гитлера, а иные авторы заходят еще дальше и говорят о равной ответственности двух лидеров перед человечеством... Но сейчас это не предмет разговора — нас интересуют механизмы принятия решений. Как мне кажется, если применительно к началу войны какие-то параллели еще можно проводить, то к ее концу наше верховное руководство стало более гибким в принятии каких-то решений — более инициативным и дающим инициативу своим подчиненным...

НИКИФОРОВ: То есть политическое руководство имело власть предоставить больше инициативы или

меньше инициативы? Оно было недостаточно квалифицированно в смысле ведения военных действий, а поэтому в начале войны было так, а потом Сталин якобы пошел на какие-то уступки?

Реально же проблема выглядит гораздо сложнее, и она, на мой взгляд, элементарно связана с проблемой квалификации тех людей, которые стояли на том или ином посту, начиная с командира батальона и заканчивая командующими фронтами. Когда человек недостаточно знает и понимает порученное ему дело, когда он недостаточно опытен, и ситуация ставит перед ним сложные проблемы, в которых ему трудно разобраться, инициатива его сковывается уже самим тем фактом, что он недостаточно подготовлен, и он, естественно, полагается на мнение вышестоящего начальника. Когда же человек чувствует себя более профессиональным, он становится способен на инициативу.

МЯГКОВ: Я, конечно бы, согласился, если бы не масса примеров 1941–1942 годов, когда были приняты решения, с которыми определенные командующие могли быть не согласны. Но на этих решениях настаивали. Здесь и битва под Москвой, и весенне-летние события 1942 года... На мой взгляд, командование, в том числе и верховное, тогда еще трудно представляло себе сложности механизма выполнения решения после отдачи того или иного распоряжения — не все совершается как по мановению волшебной палочки от одного телефонного звонка, одного решения. Но требовало.

— А если, как вы сказали, сравнить с Германией?

МЯГКОВ: Можно так выразиться: к концу войны германская армия стала вариантом Красной армии образца 41-го года. Я имею ввиду механизм принятия тех или иных решений. Та определенная самостоятельность, которая поначалу была у главнокомандующих, теперь

уже в немалой степени была подчинена воле Гитлера. Это особенно было видно после Сталинграда — введения определенных институтов и национал-социалистических офицеров в армии и т. д...

НИКИФОРОВ: Все эти изменения связаны с сокращением ресурсов Германии. В 1941 году, когда Гитлер не отобилизовывал экономику и армию, поле для любых маневров и вариантов решений было гораздо шире. А в 1945 году в Германии приходилось все зажимать в кулак — в том числе и генералов... Они были подчинены ситуации и той необходимости, которая диктовалась соображениями использования последних ресурсов и возможностей экономики...

ЧУРИЛИН: Как и ожидалось, тема нашего разговора безгранична. Поэтому хотелось бы обратиться к современности и точно определить, что мы должны извлечь из опыта тех трагических лет. Какие именно общие принципы этой организации, которые оправдали себя, должны быть перенесены в настоящее? В чем должна заключаться система действий в условиях чрезвычайной ситуации? Конечно, все это темы для большого количества историков, которые должны выяснить, что у нас когда было и как мы это делали? Точно, без очковтирательства, без всяких преувеличений и преуменьшений — в том числе и личных

МЯГКОВ: Почему-то, если говорить о военных действиях, мы постоянно натываемся на одни и те же грабли. Я имею ввиду, что в начальный период войны мы, как правило, оказываемся не на высоте — достаточно вспомнить 1812 год, Первую мировую войну, Великую Отечественную... Можно, кстати, вспомнить и первые чеченские события. Каждый раз принимались решения, которые не были как следует продуманы, которые не учитывали реально сложившейся ситуации и в конце концов, вели к большим потерям. Причем, в любом случае эти решения принималось на высшем государственном уровне.

НИКИФОРОВ: Когда мы говорим о подготовке к войне, приходится начинать с коллективизации и индустриализации — именно оттуда...

ЧУРИЛИН: И с культурной, кстати, революции...

НИКИФОРОВ: Да, безусловно! Завершая поднятые вопросы, как мне представляется, мы вынуждены говорить об тех особенностях той системы государственного управления, которая выражается понятием «социалистический строй».

МЯГКОВ: Нужно добавить и Советскую власть. Все-таки общество доверяло этой власти, а власть имеет возможность опираться на общество. Система, безусловно, была эффективна, она работала именно в тех критических условиях.

ХАЗАНОВ: Но она оказалась неэффективна в мирное время!

МЯГКОВ: Это уже другой вопрос — ее неэффективность проявилась уже в 1960–1970 годы...

— Мы слишком отдаляемся от темы разговора!

НИКИФОРОВ: Тогда вспомним Первую мировую войну, когда патриотически настроенные капиталисты сдирали по три шкуры с собственного правительства, которое вынуждено было покупать у них снаряды, а не просто решать эти вопросы другими путями. И невозможно себе представить сегодня карточную систему: как бы мы ни уважали хозяйственные достоинства мэра Москвы как управленца, но если частники не захотят — они не дадут распределять продукты на уравнительной основе... Совершенно ясно, что государство современного типа — раньше бы мы сказали «буржуазного типа», — не справится с теми проблемами, которые встали перед нашей страной в те годы.

НЕВЗОРОВ: Можно добавить, что 90 процентов призывников у нас имеют различные отсрочки. Различные

лазейки! Поэтому вопрос мобилизационной готовности вызывает очень большие сомнения...

МЯГКОВ: Я несколько смягчу: вряд ли сейчас США, Великобритания или Германия были бы готовы к той войне, которую они вели в то время — мир, в общем-то, меняется, меняются и какие-то отношения, в том числе и внутри самих государств.

ЧУРИЛИН: Все же, несмотря на все перемены и как бы при этом ни была благоприятна международная обстановка, в целях подготовки к возможным испытаниям, которые исключить, конечно, нельзя — мы должны делать для себя правильные выводы из событий нашей отечественной истории.

Заседание одиннадцатое:

«Последний бой — он трудный самый»

16 апреля 1945 года началась Белинская стратегическая наступательная операция — финальный аккорд Великой Отечественной войны, — завершившаяся сокрушением фашистской Германии. О ней написано очень много, но до сих пор прояснены далеко не все вопросы, и споров вокруг апрельских событий 45-го идет немало... О Берлинской операции на заседании «круглого стола», проведенного 6 мая 2005 года, в канун празднования 60-летия Победы, беседовали Герой Советского Союза генерал-майор авиации Г. А. Баевский, Б. И. Невзоров, Ю. А. Никифоров, А. С. Орлов, О. А. Ржешевский, Е. С. Сенявская, С. А. Тюшкевич, Д. Б. Хазанов и В. П. Ямпольский.

— Мой первый вопрос — к Георгию Артуровичу, участнику Берлинской операции. Вы помните тот день, когда впервые увидели столицу Германии?

БАЕВСКИЙ: Это было еще в самом начале 1930-х годов, когда мой отец был сотрудником нашего советского посольства — мне тогда было 12-15 лет. Жили мы в Берлине, около аэродрома Темпельхоф, так что все время наблюдали полеты самолетов — в основном спортивных. Конечно, у меня было много знакомых немецких ребят — активных, настырных, весьма задиристых, веселых. Все увлекались спортом. Мог ли я думать тогда, что через

некоторое время встречусь с кем-то из них в воздухе — в небе Великой Отечественной войны?

— Приближение войны тогда еще не чувствовалось?

БАЕВСКИЙ: Мы были там как раз в то время, когда Гитлер приходил к власти... Наши друзья, с которыми мы играли в футбол, ездили на велосипедах, куда-то исчезли. Немецкие ребята вступали в гитлерюгенд; те, кто постарше, оканчивали аэроклубы, планерные клубы и очень этим хвастались. Помню, в кинотеатре показывали фильмы о Первой мировой войне. Подходит к пирсу подводная лодка, потопившая несколько кораблей противника, — в зале просто рев стоит. Все ребята хлопают и топают, выражая свой восторг. Если же побеждает не немец — начинается свист... В 1934 году отец был отозван в Советский Союз.

— То есть Германия к войне готовилась всесторонне?

БАЕВСКИЙ: Я думаю, что и мы готовились. Вот, пару лет тому назад мне позвонили из Службы внешней разведки и сказали, что в экспозиции Кабинета истории разведки есть интересный для меня предмет. Я приехал в Ясенево, где мне показали маузер, именное оружие моего отца, Артура Матвеевича Баевского, с надписью на серебряной табличке: «*За беспощадную борьбу с контр-революцией*». Эту награду он получил в то самое время, когда находился в Германии — сотрудником посольства, как мы считали.

— Надеюсь, «Красная звезда» сможет рассказать о вашем отце. А пока обратимся к событиям 60-летней давности...

ТЮШКЕВИЧ: Мне кажется, что мы должны оценивать битву за Берлин в двух аспектах: и как нашу заключительную, аккордную операцию Великой Отечественной войны, и в рамках коалиционной стратегии.

РЖЕШЕВСКИЙ: Поэтому начнем с краткого обзора международного военно-политического положения, которое сложилось к моменту принятия решения о взятии Берлина. По существу, уже в начале 1945 года было ясно, что финальной битвой, которая завершит войну в Европе, станет сражение за Берлин. Об этом свидетельствовало положение на фронтах, яростное сопротивление немецких войск, отсутствие перспектив какого-то иного выхода Германии из войны.

— Но понимало ли гитлеровское руководство, что перспектив у них нет? Зачем же они пытались начать сепаратные переговоры с нашими союзниками?

ХАЗАНОВ: Генерал-фельдмаршал Кейтель дал такие показания: *«Начиная с лета 1944 года Германия вела войну только за выигрыш времени. В войне, в которой с различных сторон участвовали различные государства, различные полководцы, различные армии, различные флоты, в любое время могли возникнуть совершенно неожиданные изменения обстановки в результате комбинации этих различных сил. Эти неожиданные события нельзя было предсказать, но они могли возникнуть и оказать решающее влияние на всю военную обстановку. Таким образом, мы вели войну в ожидании тех событий, которые должны были случиться, но которые не случились»*. Понятно, что Кейтель имел в виду раскол между странами антигитлеровской коалиции.

— Мог ли Берлин стать «яблоком раздора»?

РЖЕШЕВСКИЙ: Да, потому что вопрос, кто первым достигнет столицы Германии — войска западных союзников или Красная армия, оставался открытым. Стремление каждой из ведущих держав антигитлеровской коалиции решить эту задачу было естественным как для государственного руководства и командования, так и для рядовых солдат и граждан этих стран.

СЕНЯВСКАЯ: Желание закончить войну в сердце фашистской Германии, там, откуда она вышла «на горе и проклятье людям», было весьма характерным настроением последних месяцев и дней войны. Бойцам казалось, что именно те, кто возьмет Берлин, первыми встретят Победу...

ТЮШКЕВИЧ: Было понятно, что взятие Берлина будет означать окончание Второй мировой войны в Европе.

РЖЕШЕВСКИЙ: Взятие Берлина не только приносило лавры победителя в решающем сражении войны за правое дело, что очень повышало авторитет причастных к тому политических и военных лидеров внутри страны и на международной арене, но и укрепляло позиции конкретного государства в решении вопроса послевоенного устройства Германии и, в общем-то, Европы. Словом, ставки были достаточно высоки...

— А когда и кто первым заговорил о конкретных планах взятия Берлина?

ОРЛОВ: Еще в сентябре 1944 года об этом писали и верховный главнокомандующий силами союзников в Западной Европе Эйзенхауэр, и командующий 21-й группой союзных армией в Европе Монтгомери. Мы тогда стояли под Варшавой, а наши союзники — на западной границе Германии. От Берлина нас с ними отделяло примерно одинаковое количество километров.

РЖЕШЕВСКИЙ: Насколько можно судить по документам, которыми мы сейчас располагаем, первым вопрос об этом поставил президент Рузвельт. 19 ноября 1943 года на борту линкора «Айова», по пути в Каир на англо-американо-китайскую конференцию, которая предшествовала встрече глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране, Рузвельт, мотивируя необходимость открытия второго фронта, отмечал, что советские войска

находятся всего лишь в 60 милях от польской границы и в 40 — от Бессарабии. Если Красная армия форсирует реку Буг, что она может сделать в ближайшие две недели, то окажется на пороге Румынии. Президент указал на необходимость оккупации — совместно с Англией — как можно большей части Европы.

Под английскую оккупацию он отдавал Францию, Бельгию, Люксембург и южную часть Германии. *«Соединенные Штаты, — сказал Рузвельт, — должны занять северо-западную Германию. Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а так же в порты Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина. Пусть Советы занимают территорию к востоку от него, но Берлин должны взять Соединенные Штаты!»* Вопрос о взятии Берлина и создании для этого необходимой группировки войск интенсивно обсуждался политическим и военным руководством трех держав в феврале-марте 1945 года и приобрел характер соперничества.

ОРЛОВ: Однако весной 1945 года военно-политическая обстановка складывалась уже совершенно по-иному...

РЖЕШЕВСКИЙ: Вот именно! Поэтому 1 апреля в Москву, в Ставку, были вызваны маршалы Жуков и Конев, и Сталин задал им вопрос: кто же будет брать Берлин — мы или союзники? Поводом для такой постановки вопроса были полученные сведения о том, что для взятия Берлина западные союзники создают группировку войск под командованием Монтгомери и что уже развернулись все подготовительные мероприятия. *«Берлин будем брать мы, — ответил Конев, — и возьмем его раньше союзников!»* Жуков сказал, что это готовы сделать войска 1-го Белорусского фронта, который имел достаточно сил и был нацелен на Берлин с кратчайшего расстояния.

ОРЛОВ: Еще в феврале мы оказались в 60 километрах от Берлина, имея на правом берегу Одера Кюстринский плацдарм, а союзники после Арденнской операции, из ко-

торой мы им помогли кое-как выкарабкаться, находились от Берлина в 500–450 километрах. Ближе всего к нему была 21-я группа армий Монтгомери, включавшая канадскую, 2-ю английскую и 9-ю американскую армии...

РЖЕШЕВСКИЙ: Но по стечению, как это бывает в истории, совершенно непредсказуемых обстоятельств, в тот же самый день 1 апреля Черчилль направил Рузвельту телеграмму: *«Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления, как нападение на Берлин. Для германского народа это будет самым убедительным признаком поражения. С другой стороны, если предоставить лежащему в руинах Берлину выдержать осаду русских, то следует учесть, что до тех пор, пока там будет развеяться германский флаг, Берлин будет вдохновлять сопротивление всех находящихся под ружьем немцев. Кроме того, существует еще одна сторона дела, которую вам и мне следовало бы рассмотреть. Русские армии несомненно захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу? И не может ли это привести их к такому умонастроению, которое вызовет серьезные и весьма значительные трудности в будущем? Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на восток, и в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы несомненно должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения».*

ОРЛОВ: Однако еще 28 марта Эйзенхауэр внезапно пишет письмо Сталину, сообщая свое решение, что в нынешней обстановке союзники не должны идти на Берлин. Им следует нанести главный удар американской 12-й группой армий по оси Эрфурт — Лейпциг — Дрезден, т. е.

рассечь германскую армию, и как можно быстрее встретиться с советскими войсками.

ТЮШКЕВИЧ: В общем, несмотря на противоречия на споры, главнокомандующий силами союзников соглашается на то, что овладеть Берлином должен Советский Союз.

ОРЛОВ: Возникает вопрос — а почему? В это время началась Рурская операция, в которой участвовали и 12-я группа армий, и 9-я армия из 21-й группы. Но 4 апреля Рузвельт передает 9-ю армию в распоряжение Эйзенхауэра и пишет гневное письмо Черчиллю, что, мол, мы не изменим решения и пойдем южнее Берлина, потому как скорее закончить войну можно только встретившись с русскими где-то в районе Эльбы.

— Можно, конечно, предположить, что американский президент устал от войны в Европе... Ну а реально, почему он фактически решил отдать Берлин русским?

ОРЛОВ: Все предельно просто: в феврале на Ялтинской конференции Сталин дал обещание, что Советская армия вступит в войну с Японией через три месяца после окончания войны в Европе. Уже была весна, американцы заканчивали воздушную и морскую войну на Тихом океане, подходили к берегам метрополии, война уже шла на территории Китая... То есть начиналась сухопутная война, что для американцев было очень неприятно. Когда они потеряли в Арденнской операции 19 тысяч убитыми, Эйзенхауэра чуть не сняли; впоследствии потеря 13 тысяч при взятии Окинавы решила вопрос об ударе атомной бомбой. Им нужно было быстрее кончить войну в Европе, чтобы СССР принял на себя с севера удар фанатичной японской армии. Американцы полагали, что без помощи Советского Союза на Дальнем Востоке они будут воевать еще минимум год, потеряют полтора миллиона человек. Поэтому для Эйзенхауэра важно было

встретиться с Советской армией как можно быстрее... Между тем, основные силы Германии находились в Померании — миллионная группировка «Висла», и вокруг Берлина — миллион.

ТЮШКЕВИЧ: А чтобы одержать победу над противником, прежде всего нужно уничтожить его живую силу...

— То есть джентльмены любезно предоставляли нам честь разгромить основные силы вермахта, чтобы потом иметь честь разгромить и Квантунскую армию.

ОРЛОВ: Между тем, следовало спешить: в Германии народ уже колебался — может быть, бросить Берлин и уйти в «Альпийскую крепость», в Австрийские, Швейцарские и Итальянские Альпы. Там, в горах, при фанатичности немцев, оснащенных фаустпатронами и другим оружием, которое позволяло сражаться даже с тяжелой техникой, можно было продержаться еще, может быть, полгода...

— Не знаю, как тогда было, но вот сейчас Швейцарские Альпы очень похожи на настоящую крепость. Опытным взглядом замечаешь скрытые входы в какие-то тоннели, амбразуры... Там, наверное, можно было сидеть и годами.

ОРЛОВ: Но Антигитлеровская коалиция, вся разъедаемая противоречиями, могла распасться и за полгода...

ХАЗАНОВ: Гитлеровское руководство очень надеялось, что после смерти президента Рузвельта между союзниками уже не будет таких тесных взаимоотношений — но они просчитались.

ОРЛОВ: Действительно, 25 апреля на Эльбе, в районе Торгау, встретились 1-я американская и наша 5-я гвардейская армии. Это сразу оторвало северные группировки немецких войск от южных и лишило всяких оснований разговоры об «Альпийской крепости»... И в тот же самый

день советские войска взяли в кольцо Берлин. Сталин торопил Конева и Жукова, чтобы те быстрее осуществили это окружение, потому как происходили очень многие события: переговоры генерала Вольфа в Швейцарии, переговоры Гимmlера, переговоры в Швеции — сепаратные переговоры на односторонней основе, имевшие целью сдаться союзникам.

РЖЕШЕВСКИЙ: Повторю, что в связи с Берлинской битвой день 1 апреля — это какая-то магическая дата: разговор Сталина с Жуковым и Коневым, письмо Черчилля Рузвельту... И так же 1 апреля Сталин дал ответ Эйзенхауэру, и это письмо очень любопытное. Сталин поддерживает точку зрения, которую Эйзенхауэр высказывает относительно военных планов западных союзников — наступление на Дрезден, Лейпциг и т. д. К этому времени уже определялись контуры и сроки нашей Берлинской операции, но Иосиф Виссарионович немножко лукавил. В ответе Эйзенхауэру не указал ни направления нашего главного удара, ни примерных сроков начала операции.

ЯМПОЛЬСКИЙ: В Берлинской операции в основном принимали участие три фронта: 1-й Белорусский — Жукова, 1-й Украинский — Конева и 2-й Белорусский — Рокоссовского. По характеру выполняемых задач было три этапа: прорыв Одерско-Нейсенского рубежа обороны, окружение и расчленение войск противника, уничтожение окруженных группировок и взятие Берлина...

ХАЗАНОВ: Вот очень интересный документ: обращение военного совета 1-го Белорусского фронта к бойцам, сержантам офицерам и генералам фронта накануне наступления — приказ был отдан 15 апреля, подписан Жуковым. *«Боевые друзья! Верховный главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ Сталин от имени Родины и всего советского народа приказал войскам нашего фронта разбить противника на ближних подступах к Берлину, захватить столицу фашистской Германии — Берлин и*

водрузить над ней Знамя Победы. Пришло время нанести врагу последний удар и навсегда избавить нашу Родину от угрозы войны со стороны немецких разбойников. Пришло время выволить из ярма фашистской неволи томящихся у немцев наших отцов и матерей, братьев и сестре, жен и детей наших. Пришло время подвести итог страшных злодеяний, совершенных гитлеровскими людоедами на нашей земле и покарать преступников. Пришло время добить врага и победно закончить эту войну».

БАЕВСКИЙ: Наш 5-й гвардейский Краснознаменный истребительный авиационный полк входил в состав 1-го Украинского фронта. 16 апреля, перед началом боевых действий, личный состав полка был построен на аэродроме под развернутым гвардейским знаменем и начштаба гвардии подполковник Калашников зачитал обращение Военного совета фронта: «*Пришло время нанести врагу последний удар... Решительным и стремительным штурмом мы возьмем Берлин...*» В тот день полк выполнял полеты на сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков в районы Котбус, Пейтц, Огрозен, и с каждым последующим днем наша авиация переносила свои удары все ближе к Берлину. Мы понимали, что это уже завершающие бои, которые неминуемо закончатся разгромом гитлеровских войск...

СЕНЯВСКАЯ: Вообще, это уникальное явление — психология победителей в Великой Отечественной войне. Это психология тех же самых людей, которые пережили начальный период войны — с тяжелыми поражениями и отступлениями, ее не менее трудные последующие этапы с невиданными по масштабам сражениями, когда еще не было окончательно ясно «кто кого». И вот уже нет никаких сомнений: наша Победа близка...

БАЕВСКИЙ: Я окончил Серпуховское училище: учился около шести месяцев, получил звание младшего лейтенанта. Потом я и еще двое были оставлены инструк-

торами, а все остальные оказались в частях на Западной Украине и в Западной Белоруссии, на полуострове Ханко. После войны я встретил только трех из них, все — Герои Советского Союза... Рассказывали, как им довелось встретить первые удары опытных немецких войск. Из тех, кто начинал в 41-м, единицы остались.

— А вы когда на фронт попали?

БАЕВСКИЙ: Узнав о войне, мы написали рапорта, чтобы нас отправили на фронт, на что получили короткий и очень жесткий ответ: «Никаких фронтов, вы летчики-инструкторы. Ваше дело готовить, усиленно готовить наших летчиков!» Конечно, я считал, что обязательно должен попасть на фронт, но мы там оказались только апреле 1943 года, на стажировке.

РЖЕШЕВСКИЙ: Позволю себе опять обратиться к документам. Мы говорили о том, что относительно взятия Берлина имел место элемент серьезного соперничества между нами и западными союзниками. Но элемент соперничества был очень силен и между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтом, между Жуковым и Коневым. Вот наиболее показательные приказы Жукова и Конева, которые были отданы в один и тот же день — 20 апреля 1945 года.

*«Приказ командующего войсками
1-го Украинского фронта командующим
3-й и 4-й гвардейскими танковыми армиями
о вступлении в Берлин раньше войск
1-го Белорусского фронта.*

№ исх. 167. Войска маршала Жукова в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми. Исполнение донести.

Конев. Крайнюков».

*«Приказ командующего войсками
1-го Белорусского фронта
командующему 2-й гвардейской
танковой армии с требованием
первыми ворваться в Берлин.*

№ исх. 10624. 2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Мною Вам поручено организовать исполнение.

Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно донести для доклада т. Сталину и объявления в прессе.

Жуков. Телегин».

— Сегодня у кого-то эти документы могут вызвать улыбку, но кто из полководцев не стремился связать свое имя с победой? В прежние времена это вообще было буквально: генералиссимус Суворов — князь Италийский, граф Рымникский, маршал Ней — герцог Эльхингенский и князь Московский...

СЕНЯВСКАЯ: Штурмовать Берлин хотели не только военачальники. Известно, что те, кто воевал на других фронтах, не на главном направлении, высказывали свое недовольство: «Как же так, а Берлин? Мы на Берлин хотим! Воевали, воевали, а Берлин без нас брать будут? Ведите нас на Берлин!». Вот как вспоминал об этом сложном психологическом настрое адмирал Б. С. Сысоев: «Все, кто в те дни служил на Черноморском флоте, помнят, что серьезных боевых действий у нас уже не было, и мы, что называется, заскучали. Боевой дух черноморцев был так высок, что они завалили командование рапортами с просьбой списать на берег и дать возможность бить врага в его же логове. Потери в последних боях были немалые, поэтому

многие рапорты удовлетворялись. Так что солдаты в бескозырках дошли до Берлина и нагоняли на врага такой же страх, как под Одессой и Севастополем».

РЖЕШЕВСКИЙ: Кстати, откуда появилось чувство соперничества между 1-м Белорусским и 1-м Украинским фронтом? Предыстория дела такова: когда в Ставке давались последние указания на Берлинскую операцию, то должна была быть проведена разгранлиния между фронтами. Сталин взял карандаш, вел эту линию и остановился около Люббена, не доведя до Берлина. Конев, Жуков и Рокоссовский посмотрели друг на друга и поняли — это Конев так пишет, — что в этом был намек на соперничество. Тут разные могут быть мнения. Может, и действительно так было...

ОРЛОВ: А может, просто карандаш сломался...

РЖЕШЕВСКИЙ: Возможно... Но мне кажется, что Верховный, человек дальновидный, понимал, что неизвестно, как развернутся события — ведь в ходе операции разгранлиния всегда уточняется. А в результате, как минус, было то, что наши войска в Берлине перемешались, и Генштаб, Ставка, несколько раз по ходу дела меняли разгранлинию... Но документов, что задача штурмовать Берлин была поставлена именно перед Жуковым, нет.

— То есть 1-й Белорусский фронт не был тогда как-то особо усилен, каким-то особенным образом подготовлен?

ТЮШКЕВИЧ: Но я бы сказал, что подготовка к решающей Берлинской битве происходила на протяжении всей войны. Такого превосходства, которое было здесь обеспечено над противником, не было ни в одной из предыдущих операций. Например, в Сталинграде при примерном равенстве сил были определенные колебания. А здесь мы имели превосходство в личном составе в два с половиной раза; в орудиях и минометах — в четыре; в танках и САУ — в четыре; в самолетах — почти в 2,3 раза...

Ранее такого преимущества мы еще не наблюдали. Можно сказать, что эту операцию проводила совершенно новая армия, ни в количественном, ни в качественном отношении совершенно не похожая на прежнюю Красную армию. В 41-м году армия составляла 5,4 миллиона человек, а в 45-м — 12, при том ее техническая оснащенность возросла в разы... Если в начале войны 75 процентов командного состава было призвано из запаса, то в конце ее офицерский состав был подготовленный, прошедший и теоретическую, и, в основном, практическую школу.

БАЕВСКИЙ: Мои товарищи по училищу отправлялись в войска, имея по 35–55 часов налета. Когда же я оказался в 5-м гвардейском истребительном авиационном полку, которым командовал дважды Герой Советского Союза Василий Александрович Зайцев, то налет у меня был несколько сот часов. Поэтому в Курской битве мне удалось сбить 12 самолетов противника — в том числе даже несколько тяжелых «Хенкель-111». Хотя и у нас потери были значительные: за 1943 год мы потеряли 36 своих товарищей — притом что по штату в полку полагалось иметь ровно тридцать летчиков. Но мы все время получали пополнение.

ТЮШКЕВИЧ: Отмечу еще, что изменился моральный настрой личного состава. В нем как бы аккумуляровались морально-боевые качества, необходимые и в обороне, и в наступлении. Под Москвой, Сталинградом, Курском нужны были прежде всего такие качества, как стойкость и мужество, без которых нельзя было выстоять и устоять. В наступлении были необходимы смелость, отвага, напор и т. д. В Берлинской операции, учитывая особенности этого театра и укреплений, ожесточенное сопротивление, нужно было быть и стойким, и смелым, и храбрым, и мужественным. Теперь наше моральное превосходство, как в боевом отношении, так и в политическом, и в идеологическом отношении, было бесспорным.

СЕНЯВСКАЯ: Безусловно, весь боевой путь Красной армии был испытанием духовных и нравственных качеств советского воина в условиях постоянного риска, в обстановке, которая требовала огромного напряжения всех человеческих сил, а порой и самопожертвования. Каждый период Великой Отечественной войны, имевший особую морально-психологическую доминанту, определял изменения в духовном облике фронтовиков, в отношениях личности к разным областям действительности и жизненным ценностям. Для заключительного этапа войны было характерным ощущение близости Победы, что вызывало целый комплекс мыслей и чувств, сложный психологический настрой...

ТЮШКЕВИЧ: Кстати, возникает аналогия. Вот, мы спрашиваем, а почему немецкая армия в 41-м году имела такие успехи? Именно потому, что она приобрела определенный опыт: возникла инерция наступления, инерция боевых действий, приобретенные в течение двух лет. Красная армия, в особенности после Курской битвы, приобрела огромную инерцию напора, инерцию наступления. Ту силу напора, с которой нельзя было не считаться.

ХАЗАНОВ: Наша армия накануне Берлинской операции представляла могучую силу, наши бойцы и командиры многому научились — речь идет и о массировании сил и средств в направлении главного удара, и об успешном взаимодействии родов войск, централизованном управлении войсками.

ТЮШКЕВИЧ: Главное, надо подчеркнуть, что наши научились опережать противника и в мыслях, и в действиях, что очень способствовало завершающему успеху...

ХАЗАНОВ: 9 марта командующий Берлинского укрепрайона генерал Рейман отдал приказ о приготовлениях к обороне имперской столицы. В нем говорилось, что надо считаться с возможностью наступления на Берлин с различных сторон: охват, окружение, использование

советскими войсками десантов, быстрое продвижение танков с посаженным на броню десантом. Рейман ставил задачу: обороняться до последнего человека, до последнего патрона. С фанатизмом готовились к упорной обороне каждого дома. Были подготовлены возможные объявления тревог: сигнал «Клаузевиц» — приближение противника, т. е. советских войск; «Кольберг» — предполагаемое начало атаки; «Блюхер» — поднятие всех войск по тревоге.

— Понятия, взятые из военной истории... Как тут не вспомнишь: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков...»

БАЕВСКИЙ: Гитлеровцы заглядывали не только в прошлое, но и, в буквальном смысле, в будущее. Во время битвы за Берлин многие из летчиков нашего полка видели, как в воздухе, среди сотен наших самолетов, буквально заполонивших, казалось, все небо, порой появлялся на большой скорости двухдвигательный самолет необычной формы со стреловидными крыльями. Это был Me-262, первый в мире боевой реактивный самолет. Быстро сближаясь, он пытался сходу внезапно атаковать какой-нибудь из наших самолетов и тут же, используя преимущество в скорости, уйти, не ввязываясь в бой. Однако ни одной успешной атаки этих самолетов мы не видели — атакуемый наш самолет успевал сделать маневр. Но и нам не удавалось атаковать Me-262... Когда же немцы стали использовать эти самолеты против танков идущей к Берлину 4-й гвардейской танковой армии — подлетая сзади, они открывали огонь из своих четырех пушек и поджигали боевые машины, нашей дивизии была поставлена задача прикрыть танки и сбить Me-262. Через пару дней звено гвардии старшего лейтенанта Ивана Кузнецова из 107-го гвардейского истребительного полка атаковало «мессер», заходивший на большой скорости и малой высоте с

хвоста танковой колонны. Наши самолеты спикировали из-под облачности, открыли огонь — и Me-262 был сбит. Пилот выпрыгнул с парашютом, но на земле его нашли уже мертвым — это был летчик-испытатель, с высокими наградами на мундире.

— А как развивались в это время действия на земле?

СЕНЯВСКАЯ: Битва за Берлин стала последним большим сражением, разыгравшимся на советско-германском фронте. Наступление советских войск началось 16 апреля. В результате их могучего удара уже через два дня были прорваны все три оборонительные полосы немецкой обороны, прикрывавшие Берлин, а 21 апреля бои завязались в пригородах.

— Понятный вопрос: кто же был первым?

РЖЕШЕВСКИЙ: Первыми в южную окраину Берлина вошли войска Конева. И он первым направил донесение — что он вступил. Но в Ставке видели, что основную роль играет Жуков, и в приказе его фамилия стоит первой.

НЕВЗОРОВ: Сейчас некоторые любят порассуждать о том, что маршал Жуков очень плохо показал себя в этой операции — мол, приказал атаковать Зееловские высоты в лоб, понес ни с чем не сравнимые потери. Давайте рассмотрим эти утверждения. Известно, что в полосе наступления 1-го Белорусского фронта была самая глубокая, самая сильная оборона противника. Если в полосе 2-го Белорусского фронта глубина обороны была 40 км, 1-го Украинского — 30, то в полосе наступления войск Жукова глубина обороны составляла 100 км. Войскам непрерывно, в течение всей операции, приходилось преодолевать мощнейшее сопротивление противника, так что даже танковым армиям пришлось действовать в боевых порядках пехоты...

А что было сделано здесь войсками 1-го Белорусского фронта под командованием Жукова? Главная ударная группировка была сосредоточена на Кюстринском плацдарме; кроме того, наносилось два вспомогательных удара, которые должны были обеспечить фланги главной группировки... В начале была очень успешно проведена разведка боем, которая позволила изменить план операции и внести такие коррективы, как внезапное наступление на врага, используя темное время суток. И вот, после артиллерийской подготовки, в момент начала атаки, противника ослепили 143 зенитных прожектора...

СЕНЯВСКАЯ: А 23 апреля сражение разгорелось уже на улицах немецкой столицы...

ХАЗАНОВ: Длительная подготовка Берлина к обороне безусловно сказалась, причем особенность обороны немцев состояла в том, что к центру города она становилась все более плотной. Немцы оборонялись там особенно упорно; здания, в том числе и разрушенные бомбардировками союзников, были максимально подготовлены к обороне — времени для этого было достаточно. Надо также сказать, что в Берлине было очень много подземных ходов и путей сообщений. Иногда гарнизоны, казалось бы, полностью уничтоженные, уходили по ним из окружения. И наоборот: отдельные группы автоматчиков, фаустников, снайперов проникали в наши тылы, неожиданно открывали огонь по автомашинам и танкам, выводили из строя солдат и офицеров, нарушали связь. Такая борьба продолжалась до первых чисел мая.

СЕНЯВСКАЯ: А вот о какой «психической» атаке рассказал участник штурма Берлина Гельфанд: *«Под барабанный бой, строевым шагом, с автоматами и прижатыми штыками приближался женский батальон: девушки лет по 16-18 — «мстительницы», видимо один из последних резервов врага. Сзади, метрах в двухстах-трехстах, шла группа офицеров СС с ручными пулеметами, направлен-*

ными им в спины. Так сказать, для «подстраховки». Наши бойцы, только что стойко отразившие натиск «тигров», глядят тревожно, с недоумением. Такого еще не было! Куда вы, одурманенные? Они идут на нас с оружием и вот-вот пустят его в ход. Но не воюет советский солдат с женщинами! Наше командование немедленно вызвало огонь артиллерии и «катюш» по офицерам. Один точный залп — и весь их отряд был сметен. Рыдая, с остановившимися от ужаса глазами, «мстительницы» легли на землю. Их батальон избег уничтожения и был взят в плен». Конечно, это все-таки было уже не мирное население, а вооруженный противник, но советские воины сделали все возможное, чтобы избежать лишнего кровопролития, спасти обреченных гитлеровским командованием на смерть немецких девушек...

ХАЗАНОВ: При наступлении в центре города бойцы Красной армии использовали на отдельных направлениях тактику усиленных подразделений — это было своеобразное вбивание клиньев во вражескую оборону. После этого подходили вторые эшелоны, очищали район, но в нашем тылу часто и достаточно долго действовали отдельные подразделения и даже части. Эта тактика была очень похожа на ту, которую применили при штурме Севастополя, буквально годом раньше.

Временами была создана очень большая артиллерийская плотность: в войсках 1-го Белорусского фронта она, судя по документам, достигала 610 стволов на километр фронта. Причем, что является особенностью Берлинской операции, для разрушения каменных зданий огнем прямой наводкой использовались орудия большой мощности, чему вряд ли можно найти аналогии в истории Великой Отечественной войны. Так, по имеющимся материалам, 6–8 прямых попаданий снарядов 203-мм гаубицы было достаточно для разрушения трехэтажного каменного дома.

— Года два тому назад мы проводили «круглый стол» в Санкт-Петербурге, в Михайловской артиллерийской академии. Генерал, участник боев в Берлине, рассказывал, что в уличных боях пришлось применять даже «катюши» — они действовали очень эффективно, хотя, к сожалению, эти громоздкие и ничем не защищенные боевые машины были очень уязвимы. Отправляя расчет в бой, командир знал, что фактически отправляет людей на верную смерть. И они это тоже понимали...

ХАЗАНОВ: В личном составе советской крупнокалиберной артиллерии также были необычно высокие потери...

СЕНЯВСКАЯ: Думаю, что людям, прошедшим через всю войну, через все опасности и испытания, в самые последние ее дни требовалось особое мужество, — впереди был мир, за который они воевали, ради которого стольким было пожертвовано, столько перенесено. И так хотелось жить в этом мире, в котором не будет войны... Участник штурма Берлина Герой Советского Союза Василий Быстров говорил: *«Нас, разведчиков, всегда такими бесстрашными представляют, но все мы люди. Всем жизнь один раз дается. И все мы смерти страшимся. До озноба. Сколько раз тебе на огонь идти, столько раз надо побороть, задушить в себе страх смерти. А если это твой последний бой, если завтра войне конец — тут и говорить нечего...»* Но вопреки всему поднимался в атаку советский воин и шел под смертельный огонь, и падал, сраженный пулей или осколком, за месяц, за неделю, за день, за час до Победы, и жизнью и смертью своей утверждая верность Родине и воинскому долгу.

НЕВЗОРОВ: О том, какие потери понесли войска 1-го Белорусского фронта... Это можно узнать в статистическом отчете Генерального штаба «Гриф секретности снят». Впрочем, «голые» цифры мало что скажут — чтобы понять, нужно взять сравнимые величины. Сравнимым здесь мо-

жет быть только удельный вес безвозвратных потерь по отношению ко всему личному составу данного фронта. Так вот, 1-й Украинский фронт — безвозвратные потери 5 процентов; 1-й Белорусский — 4,14 процента.

Сравним условия наступления: если в полосе 1-го Белорусского фронта одна дивизия противника приходилась на три километра, то в 1-м Украинском — на 10. Плотность артиллерии противника у Жукова была в шесть раз больше, чем у Конева. Если возьмем количество танков и штурмовых орудий, то против войск Жукова их было в 8,5 раз больше. И глубина обороны, и количество сил и средств, и плотность — все, казалось бы, работает против войск Жукова. Однако безвозвратные потери в 1-м Белорусском фронте все равно оказались ниже, чем в 1-м Украинском.

Почему? А мы вспомним, что, например, в первый день наступления главных сил 1-го Белорусского фронта на голову врага был обрушен 1 миллион 236 тысяч снарядов и мин — это в 103 раза больше, чем расходовали три фронта под Москвой за один день. Вот такая мощь артиллерии и авиации, умелые действия войск, инициатива и т. д. способствовали тому, что войска под командованием маршала Жукова и в этой операции понесли меньшие потери, чем утверждают некоторые... Кстати, безвозвратные потери в Венской стратегической наступательной операции составили почти 6 процентов, а в Восточно-Прусской — 7,5 процентов...

СЕНЯВСКАЯ: Всего же безвозвратные потери советских войск в Берлинской операции составили 78,3 тысяч человек, санитарные — 274,2 тысячи.

ХАЗАНОВ: Немцы построили в Берлине очень много баррикад, но оказалось, что 122-миллиметровые кумулятивные снаряды очень эффективны для их сжигания и разрушения. Особенностью применения артиллерии можно считать использование зенитных орудий под большими

углами для обстрела верхних этажей зданий — вряд ли где-нибудь еще было нечто подобное... Поскольку у немцев было очень большое число фаустников, в том числе юнцов, очень трудно было использовать танки без поддержки пехоты — были созданы специальные небольшие подразделения из пехотинцев, саперов... Вообще, роль саперов в боях за Берлин очень высока, так же как и дорожных частей, которые расчищали улицы, убирали завалы, разбирали разбитую технику. Причем эта работа велась еще до завершения битвы за Берлин.

СЕНЯВСКАЯ: А вот еще один просто-таки жуткий эпизод тех боев, рассказанный бывшим замполитом стрелкового полка Падериным: *«Из Тиргартена вдоль Колоненштрассе двигались квадраты юнцов — четыре квадрата, в каждом до сотни человек. Все в школьных черных кителях, с ранцами. На плечах — фаустпатроны. Они спешили в засады против наших танков. Что с ними делать? У наших пулеметчиков и артиллеристов просто не поднималась рука открыть огонь по этим юнцам... Решили обезоружить их и пустили в ход дымовые шашки. Поднялась плотная дымовая завеса, юнцы замечались. Падавшие навзничь взрывались: в ранцах вместо книг они несли тротил со взрывателями. Остальные повернули обратно... Гитлер бросил их против наших танков, но “живые мины” не сработали. Мы избавили их от верной гибели. Наверное, многие из них сегодня живы и не могут не помнить об этом...»*

— Не знаю почему, но мы очень любим перед всеми извиняться за свои подлинные и мнимые грехи, зато чужие проступки и даже преступления очень «тактично» замалчиваем. А стоило бы иногда напоминать... Впрочем, вернемся к боевым действиям.

ХАЗАНОВ: Ну вот, что касается авиации, то в уличных боях штурмовая авиация оказалась недостаточно

эффективна для разрушения городских оборонительных сооружений — ни 50-, ни 100-килограммовые бомбы не были эффективны. Поэтому большая роль принадлежала бомбардировочной авиации, хотя использовать ее было нелегко: город горел, цели надо было отыскивать в дымах.

БАЕВСКИЙ: Признаюсь, что когда 26 апреля я в первый раз вылетел ведущим четырех Ла-5 на Берлин, то имел заветную мечту: найти с воздуха аэродром Темпельхоф, улицу Кайзеркорзо, что была с ним рядом, и тот дом, где в начале 1930-х я жил с родителями и младшим братишкой. Погода была хорошая, видимость — отличная, но весь город был в густом дыму, местами были видны крупные очаги пожаров... Аэродром, однако, я нашел сразу — там, судя по многочисленным вспышкам орудийного огня, шел бой. «Свою» улицу, к сожалению, я не нашел...

В последующие дни мы выполняли полеты на сопровождение бомбардировщиков Пе-2 и Ту-2, штурмовиков Ил-2 и Ил-10 для ударов по войскам противника, по отдельным кварталам и улицам города, подавляя очаги сопротивления.

ХАЗАНОВ: Воздушные бои над Берлином велись исключительно напряженно и упорно. Так, 16 апреля только одна 16-я воздушная армия потеряла в воздушных боях и от обстрела с земли 87 самолетов.

— Это, как сказал Георгий Артурович, три истребительных авиационных полка...

ХАЗАНОВ: А общие потери советской авиации в Берлинской битве составили 573 самолета. Если учесть, что время, в течение которого шли бои, достаточно короткое, то цифры очень большие. Однако на голову противника было сброшено почти 15 тысяч тонн бомб; из 43 тысяч вылетов 90 процентов было связано с непосредственной поддержкой наступающих войск. Когда же бои закончились, и

наши командиры докладывали об успехах и подсчитывали потери, то по сводкам трех фронтов значилось, что их войсками захвачено свыше 4,5 тысяч немецких самолетов. Это свидетельствует, что противник упорно готовился к воздушной битве за Берлин, используя последние запасы техники и горючего.

БАЕВСКИЙ: Кстати, за участие в этих боях наш полк получил почетное наименование Берлинского.

— **Георгий Артурович, сразу вопрос — вы после окончания войны бывали в Берлине?**

БАЕВСКИЙ: Да, в 2000 году — в качестве туриста. Тогда я уже нашел тот дом, где мы когда-то жили... Узнал, кстати, что соседняя улица сменила свое историческое название Хохенцоллернкорзо на имя Манфреда Рихтгофена, ведущего немецкого аса Первой мировой войны, идеолога истребительной авиации. Невольно вспомнил, что у нас в Москве бывшая улица легендарного Чкалова ныне носит звучное название Земляной вал...

Побывал я в музее в Карлсхорсте, в доме, где в ночь с 8-го на 9-е Жуковым подписывалась безоговорочная капитуляция Германии. И когда журналисты меня спросили, участвовал ли я в последних боях, я показал им надпись на стене — наименование частей и соединений, отличившиеся при штурме Берлина. «Участвовал, — ответил я. — Вот, посмотрите, полк, в котором я служил, указан здесь в числе лучших».

ХАЗАНОВ: В последние дни апреля — начале мая немецкие войска, оборонявшие город, находились просто в катастрофическом положении, порой у них не хватало самого необходимого. Склады преимущественно размещались на окраинах — немцы боялись, что иначе они будут разрушены ударами авиации...

ОРЛОВ: Между тем, 22 апреля — Сталин это предвидел — Гитлер отдал приказ снять все войска с запада и все

бросить на восток, на оборону Берлина, против Советской армии. Когда американцы, как они пишут, начали преследование — преследовать было некого. Один журналист тогда писал: *«Мы проехали 150 километров, не слыша ни одного выстрела. Города падали, как кегли. Кассель сдался по телефону. Мангейм — при помощи бургомистра, с ключами на подносе».*

ТЮШКЕВИЧ: Согласно теории, значение победы, насколько она крупная, определялось в зависимости от того, насколько войска смогли пройти вглубь территории противника. Но если на западном фронте союзники просто продвигались, то на советско-германском фронте к концу апреля — началу мая 1945 года, по существу, было уничтожено три четверти всей военной техники и живой силы противника.

ОРЛОВ: 7 апреля Сталин писал Рузвельту — это было последнее письмо, — что немцы имеют на нашем фронте 147 дивизий. Они спокойно могли бы перебросить на Западный фронт несколько десятков дивизий, но они бьются здесь за несчастную деревню Землянице, которая им совершенно не нужна, а вам запросто, без боя, сдают города.

ЯМПОЛЬСКИЙ: А вот другая телеграмма, отправленная Черчиллем Идену 26 апреля 1945 года. Она была добыта нашей внешней разведкой — агентурным путем. Черчилль предлагает Идену сделать все возможное для того, чтобы США дали указания Эйзенхауэру ускорить продвижение его войск по Чехословакии в целях вступления в Прагу до того, как это сделает Красная армия. Черчилль подчеркнул, что если именно англо-американские войска освободят Прагу, то вся политическая ориентация Чехословакии и чехословацкого правительства в послевоенный период будет иной. Вспомните, сколько мы прилагали усилий для того, чтобы они пораньше вступили в войну, а теперь они спешат иметь навар.

СЕНЯВСКАЯ: Одновременно с развитием боев в Берлине, к 25 апреля советские войска завершили его окружение.

ХАЗАНОВ: В названном уже мною приказе командующего Берлинским укрепрайоном генерала Реймана отдельный раздел назван «Народная война в тылу противника». В приказе есть такие слова: *«Противник нигде не должен находить себе покоя. Кто действует в глубоком тылу противника, кто защищает родину, империю в борьбе против врага, причиняя ему урон, несмотря ни на что, тот выполняет высший солдатский долг».*

ЯМПОЛЬСКИЙ: Вероятно, немцы оценили эффективность партизанской борьбы, организованной нашей партией на временно оккупированной территории Советского Союза, и решили перенять этот опыт, создав свое партизанское движение под руководством национал-социалистической партии Германии.

— Очевидно, наши органы государственной безопасности могли предполагать, что гитлеровцы попытаются создать свои партизанские отряды?

ЯМПОЛЬСКИЙ: Скажем точнее: уже где-то в конце 1944 года в ГКО начали поступать сведения о том, что немцы готовят свою партизанскую войну. Информация поступала от нашей разведки.

— А кто у нас противостоял проискам германской разведки и различной ее агентуре в период Берлинской операции?

ЯМПОЛЬСКИЙ: Напомню, что органы госбезопасности вступили в войну в составе 3-го управления НКВД, созданного в результате реорганизации органов в апреле 1941 года. Существуют различные мнения относительно правильности этого решения. Если рассматривать нашу предвоенную стратегию как наступательную, то,

вероятно, нужно согласиться, что введение органов госбезопасности в структуру НКО было правильным. Если же рассматривать ситуацию, которая сложилась после нападения Германии на СССР, то, вероятно, нужно согласиться с теми, кто говорит, что это было неправильно.

В наступательной операции органы госбезопасности должны быть вместе с Вооруженными силами, что позволяет более эффективно решать все задачи. Поэтому в июле 1941-го эти 3-и управления были введены в НКВД в качестве особых отделов НКВД СССР. Но в апреле 1943 года по решению ГКО была создана военная контрразведка «Смерш», введенная в состав НКО, поскольку началось наступление. Начальник «Смерша» Абакумов являлся заместителем наркома обороны. Фактически военная контрразведка была автономна, а юридически — входила в состав НКО. Так вот, после того как сообщение о подготовке немцев к партизанской борьбе поступило в ГКО, Сталин дал Абакумову указание разработать эффективную систему мер по борьбе с этой партизанской деятельностью...

СЕНЯВСКАЯ: Кстати, вам не попадались документы, свидетельствующие о том, что у немцев были специально подготовленные группы, которые, переодевшись в форму бойцов Советской армии, совершали зверства над собственным гражданским населением для того, чтобы побудить их к партизанской войне?

ЯМПОЛЬСКИЙ: Такие документы мне не попадались. Но попадались другие, о том, что отдельные наши военнослужащие-дезертиры объединялись в какие-то банды, терроризировали местное население, вызывая тем самым отрицательное отношение к Красной армии. Органам госбезопасности приходилось решать и эту проблему... Хотя, я думаю, не исключено, что есть и такие документы, о которых вы говорите.

СЕНЯВСКАЯ: В политсводках, в политдонесениях мне попадались специальные предупреждения нашим бойцам на фронте, что могут встречаться вот такие группы.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Конечно, ведь немцы имели большой опыт провокаций. Они так действовали и на территории СССР с началом войны, когда передевались в красноармейскую форму, захватывали мосты, уничтожали линии связи — это было подразделение «Бранденбург-800». Думаю, приобретенный опыт они использовали и на своей территории.

СЕНЯВСКАЯ: Просто парадоксальная ситуация — когда против своих же зверствовали...

ТЮШКЕВИЧ: А вспомните, как в Гляйвице они своих же перестреляли, изобразив нападение поляков на немецкую радиостанцию? Фактически это послужило поводом к началу Второй мировой войны.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Да, тогда они своих уголовников переделали в польскую форму — и всех перебили...

СЕНЯВСКАЯ: Я почему спрашиваю об этом? Сейчас, когда усиленно поднимают вопрос о том, что наша армия якобы творила на территории Восточной Пруссии, возникает встречный вопрос: а в какой мере здесь были задействованы и собственные диверсионные группы немцев?

— Думаю, узнать об этом будет очень непросто — ведь это только мы, опять-таки, чуть ли не с радостью вешаем на себя всех собак. Другие, повторюсь, каяться не спешат...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Итак, ГКО решил разработать эффективные меры борьбы с этой возможной партизанской деятельностью на территории Германии. Еще 3 февраля 1945 года начальник главного управления военной контрразведки НКО СССР — он же уполномоченный НКВД СССР по 3-му Белорусскому фронту...

— Уточним, что уполномоченными НКВД на фронтах были поставлены крупные руководители органов госбезопасности и внутренних дел. Вы сейчас говорите о Викторе Семеновиче Абакумове...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Да, конечно. Так вот, он сообщал в НКВД СССР об аресте немецких диверсантов в тылу 3-го Белорусского фронта. Это было на территории Восточной Пруссии. Он сообщал, что немцы, как военнослужащие вермахта, так и отдельные активные члены национал-социалистской партии, начинают организовывать в тылу советских войск подрывную деятельность, готовят диверсии и террористические акты. Перед отступлением немецкие войска вырывали в лесистой местности соответствующие убежища, хранилища, куда закладывали большое количество вооружения для своих партизан...

ХАЗАНОВ: Однако Германия капитулировала, после чего активное централизованное сопротивление прекратилось.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Думаю, не только поэтому. Для локализации подрывной деятельности немецких спецслужб на территории Германии Главным управлением ВКР «Смерш» было сделано немало. Конечно, пойманных террористов и диверсантов уничтожали на месте преступления — но, думаю, более действенной была организация профилактической работы. Так, на территории всех фронтов все мужчины от 17 до 50 лет, годные к труду и способные носить оружие, были мобилизованы в трудовые колонны. Были созданы лагеря, где собирали мобилизованных, для чего давался определенный срок. После этого в лагерях проводились профилактические мероприятия, и тех, кто был уличен в преступлениях и подрывной деятельности, заключали в соответствующие лагеря, а остальных сводили в трудовые батальоны, 700–1200 человек, для восстановления разрушенного.

— Таким образом их не только изолировали от возможного воздействия нацистской пропаганды, но и давали им реальную возможность приносить пользу своей родине...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Несколько подробнее скажу о работе управлений военной контрразведки фронтов, которые участвовали в Берлинской операции. Вот докладная записка УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта, в которой сообщается, что за период с 1 января по 17 апреля в полосе фронта задержано 88 тысяч 814 человек. *«В том числе шпионов и диверсантов — 562 человека, агентов контрразведывательных органов — 308, комсостава РОА — 84, изменников Родины — 1196»*. Перечисляется изъятое оружие: пулеметов — 277, винтовок — 3145, автоматов — 139... УКР «Смерш» 1-го Украинского фронта перед штурмом Берлина было арестовано 53 агента немецкой разведки и выявлены характерные особенности ее подрывной деятельности — выброска диверсантов, заброска связников к окруженным группировкам противника. В числе агентов немецкой разведки, арестованных УКР «Смерш» 2-го Белорусского фронта, были четыре человека, выброшенных на побережье с заданием выявить дислокацию наших подводных лодок и контролировать перемещение войск. Было выяснено, что еще в конце марта 1945 года немецкая разведка забрасывала свою агентуру в глубокие тылы Советского Союза. Кстати, в последующем немцы передали всю свою агентуру на связь американцам... Контрразведчики 2-го Белорусского фронта также узнали, что для выполнения задания гитлеровцы перебросили на самолетах на территорию Померании мальчиков-подростков. Всё, война заканчивается, а они детей на смерть посылают...

СЕНЯВСКАЯ: Сейчас на Западе, особенно в самой Германии, пытаются переставить акценты в оценке роли советского солдата-освободителя. В этой связи все чаще поднимают вопрос о якобы жестоком обращении совет-

ских военнослужащих с немецким гражданским населением. Да, поначалу отдельные эксцессы имели место, но они были быстро и решительно пресечены советским командованием. Но главное, что для армии-победительницы была характерна ненависть к сражающемуся врагу и великодушие к поверженному, и уж тем более — к мирному населению. Фронтовик Перфильев, вспоминая о боях за Берлин, говорил: *«Бились за каждый коридор, каждую комнату... Гитлеровцы превращали обычно дом в крепость, которую приходилось штурмовать. И помню, во время одного из таких штурмов, когда бой грохотал вверху, на этажах, мне и еще нескольким солдатам нашего батальона пришлось в крошечной тьме, почти вповалку, вытаскивать немецких детишек, женщин, стариков из затопленного фашистами подвального помещения. Там бой, а мы детишек спасаем. Не могли мы, советские люди, смотреть на гибель детей... Чужих детей, стариков, женщин. Уж так воспитаны мы...»*.

ТЮШКЕВИЧ: Действительно, Красная армия проявляла подлинный гуманизм. Я уже не говорю о том, какая была оказана помощь населению. Но ведь потом в плен сдались 480 тысяч — можно же было обращаться с ними так, как они обращались с нашими пленными, но этого же не произошло...

СЕНЯВСКАЯ: 30 апреля, ломая упорное сопротивление врага, советские воины штурмом взяли рейхстаг и водрузили над ним Знамя Победы.

НЕВЗОРОВ: Кстати, ходит много различных слухов о том, что неправильно приписывают этот подвиг Егорову и Кантарии, что и до них над рейхстагом были водружены знамена. Да, были, но Знамя Егорова и Кантарии — это одно из девяти знамен военного совета 3-й ударной армии, которое они сумели пронести через весь Берлин. Кстати, первым знаменем, водруженным над рейхстагом, было красное сукно, сорванное с гестапов-

ского стола. Можно ли было принять такое «знамя», как Знамя Победы?

— Представляете, как были бы счастливы иные «разоблачители»? До поросячьего визга...

СЕНЯВСКАЯ: К слову, мне несколько раз приходилось слышать — может быть, это военный миф, а может, тщательно скрываемая информация — что американские войска все же рванулись к Берлину, прошли через оговоренную черту, и нам пришлось их не только сдерживать, но и отбрасывать, так что они бежали до самой Эльбы. При этом наши якобы оправдывались тем, что приняли союзников за немцев... Так ли это?

РЖЕШЕВСКИЙ: Очень часто мифы оказываются в той или иной степени достоверными. Но скажу откровенно, я такой версии не слышал. Хотя на ряде участков американские войска действительно зашли за те зоны, которые были установлены европейской конституционной комиссией, и затем неохотно, особенно под давлением Черчилля, эти зоны освобождали. Но, по-моему, никаких вооруженных столкновений не было. Хотя мне известно, что между нашей эскадрильей и американскими самолетами был воздушный бой в Венгрии. И нашим там попало, но больше американцев потрепали...

ХАЗАНОВ: Я тоже думаю, что в полной мере версия не подтверждается, но что некоторые столкновения были — на последнем периоде войны, когда линии фронта были уже близки. Известен один из самых тяжелых случаев, когда американцы нанесли удар по нашей наступающей колонне, и были большие потери...

— Однако вернемся к Берлинской операции.

ЯМПОЛЬСКИЙ: Так уже, наверное, и все: 2 мая в ГУКР «Смерш» НКО СССР поступило спецсообщение УКР «Смерш» 1-го Белорусского фронта о капитуляции

частей Берлинского гарнизона и самоубийстве Гитлера. Сообщалось, что в ночь на 1 мая на участке 8-й армии из окруженной группировки немецких войск прибыл генерал-лейтенант Кребс и предложил нашему командованию вступить с ним в переговоры о заключения мира. Он рассказал о завещании Гитлера, покончившего с собой. Ему было сказано, что никакого заключения мира не будет... В 6 часов утра 2 мая в расположение 8-й армии прибыл командующий войсками гарнизона Берлина генерал артиллерии Вейдлинг. Он согласился дать указание гарнизону о капитуляции и подготовил соответствующий приказ, который разбросали над Берлином с самолета листовками. К 11 часам в Берлинском гарнизоне сложили оружие 20 тысяч человек, к 15 часам — 40 тысяч...

СЕНЯВСКАЯ: Однако еще продолжались бои в Чехословакии, в Курляндии, и части СС пытались прорваться на запад... Но уже через шесть дней, 8 мая, представители немецко-фашистского командования подписали акт о безоговорочной капитуляции Германии.

НЕВЗОРОВ: К 19 мая были взяты в плен, кроме тех 480 тысяч, чтобы были взяты непосредственно в Берлинской операции, 1 400 000 солдат и офицеров и 101 генерал.

СЕНЯВСКАЯ: Наша любимая «Красная звезда» писала: *«Сегодня день всенародного торжества — Праздник Победы. Мы ждали его долго и самозабвенно. Мы видели его во сне и наяву. Мечтали о нем, торопили его. Но он пришел не поэтому. Наш Праздник Победы пришел потому, что мы сражались за него. Он пришел потому, что мы проливали за него пот и кровь. Он пришел потому, что многие из наших братьев и сестер отдали свою жизнь за его приход»*. А вот что спустя десятилетия скажет фронтовой корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов: *«Да, счета не было — ни дорогам, ни ранам, ни смертям, и Победа была концом пути многих смертных людей, четыре*

года сменявших друг друга, выбывавших из строя, возвращавшихся, погибших. Но война соединила все их судьбы в одну судьбу бессмертного солдата, который все-таки дошел до Победы».

ОРЛОВ: Между тем, как только был заключен мир, сразу же спала активность американских войск на Дальнем Востоке. А чего воевать? Сейчас отсчитаем три месяца — и пойдет Советский Союз, который возьмет на себя главное, фанатическое ядро японской армии... Мне кажется, что говоря о проблеме Берлина, конца войны, не следует сбрасывать со счетов этот «Японский фактор». Для американской общественности война с Японией была более болезненной, чем война где-то в далекой Европе. Потому Америка с восторгом приняла решение Эйзенхауэра быстрее закончить европейскую войну и заставить СССР принять на себя основной удар на сухопутном фронте на Дальнем Востоке.

Заседание двенадцатое:

**«Сорок лет ждали мы,
люди старого поколения, этого дня»**

Завершающее заседание двенадцатого, заключительного «круглого стола» редакции «Красной звезды», посвященного событиям 60-летней давности, приурочено к 60-летию разгрома милитаристской Японии. Оно прошло 20 октября 2005 года. Участие в заседании приняли генерал армии М. А. Гареев — участник Маньчжурской операции, В. А. Гаврилов, А. А. Кошкин, М. Ю. Мягков, А. С. Орлов, О. А. Ржешевский, Е. С. Сенявская, С. А. Тюшкевич, Д. Б. Хазанов и В. П. Ямпольский.

ГАРЕЕВ: Кстати, вы задумывались, как соотносится война с Японией с Великой Отечественной войной? Когда мы говорим, что война с Германией — это одно, а война с Японией — другое, то исключаем из числа участников Великой Отечественной войны людей, которые все время находились на Дальнем Востоке и там воевали... Хотя, конечно, тому есть формальный повод — 9 мая 1945 года Иосиф Виссарионович Сталин сказал, что Великая Отечественная война против фашистской Германии завершилась. Но не мог же он сказать, что «теперь мы с Японией воевать будем», — это ж элементарно! Поэтому с точки зрения замысла обороны страны, общего стратегического замысла, война против Германии и Японии — двуединые, неразрывные события.

ТЮШКЕВИЧ: Этот вопрос не новый. В 6-томной истории Великой Отечественной войны, в последующих однотомниках, была такая формулировка, что с окончанием войны против Японии закончилась Великая Отечественная война, а вместе с ней — и Вторая мировая. Однако когда готовилось 12-томное издание «Истории Второй мировой войны», этот вопрос обсуждался, и была найдена очень удачная, как мне кажется, очень историчная формулировка, что война против Японии стала логическим продолжением Великой Отечественной и одновременно — составной частью Второй мировой войны. Эта формулировка все ставит на свои места.

ГАВРИЛОВ: Действительно, это, скорее, логическое продолжение: Япония на СССР не нападала, поэтому война является самостоятельной...

ТЮШКЕВИЧ: Достаточно сопоставить политические цели войны с Германией и войны с Японией, чтобы понять, что они не совпадают. В Великой Отечественной войне вопрос шел о жизни и смерти Советского государства — о защите суверенитета, жизни людей и т. д. В результате Советский Союз был спасен, он освободил не только свою страну, но и другие страны в Европе, оказал помощь союзникам...

ГАРЕЕВ: А что, когда мы с Японией воевали — речь не о том же самом шла? Она также шла о жизни Советского государства, куда входят и Сибирь, и Дальний Восток, о помощи нашим союзникам и оккупированным странам Азии. Некоторые «любители истории» вообще договорились, что наше наступление до границы советской территории — это была Великая Отечественная война, а вот освобождение Польши — это уже оккупация.

СЕНЯВСКАЯ: По моему мнению, Дальневосточная кампания, которую вели советские войска против Японии в августе 1945 года, являлась частью, завершающим этапом Второй мировой войны. По масштабу и театру военных

действий она являлась региональной войной в рамках Мировой войны.

ТЮШКЕВИЧ: Если же считать, что война с Японией является составной частью Великой Отечественной войны, то выходит, что, воюя с Германией, мы находились в состоянии войны и с Японией. А как же тогда пакт о нейтралитете? Хотя, конечно, мы были готовы к отражению агрессии...

ГАРЕЕВ: Много не афишировалось, о многом не писали, но еще в ходе боевых действий на Западе шла огромная работа по планированию операций на Востоке, по накоплению материальных запасов, по переброске войск... Известно, что всего было переброшено 400 000 человек, много тысяч танков, самолетов, артиллерийских орудий. Шла перегруппировка войск и подготовка этих боевых действий. Хотя нет активных боевых действий, но война-то идет, и потому я уверен, что это — составная часть Великой Отечественной войны! К тому же, на Дальнем Востоке мы все время находились в состоянии военного положения.

— А почему, вообще, существовала напряженность на Дальнем Востоке?

СЕНЯВСКАЯ: Япония была давним противником России — и особенно это проявилось в первой половине XX века, начиная с Русско-японской войны...

ЯМПОЛЬСКИЙ: Да, Япония всегда рассматривала наше государство в качестве объекта для экспансии. Так, 4 апреля 1918 года японские спецслужбы, как обычно, устроили провокацию: их же агентурой были убиты два японских гражданина, что послужило поводом адмиралу флота Като высадить десант во Владивостоке — для «охраны порядка». Затем, чтобы продвинуться в Сибирь, японские спецслужбы установили контакт с Колчаком... Для оккупации японцы выделили около 70 тысяч человек,

прихватив с собой для солидарности несколько тысяч американцев. Оккупация закончилась в 1922 году, но до 1925 года японцы оккупировали Северный Сахалин — потом были установлены дипотношения, и они ушли. Пришедший в 1927 году к власти премьер-министр Танака в своем меморандуме императору говорил, что следует готовиться к войне с СССР, однако в 1929 году японские спецслужбы предложили вести против нас не особенно агрессивную политику. Потом, в 1931 году, они устраивают диверсию в районе Мукдена и вступают на территорию Маньчжурии. Некоторые историки считают, что с этого и началась Вторая мировая война.

— Почему?

ЯМПОЛЬСКИЙ: Это спорное положение, но прислушаться стоит: была проверена реакция мирового общественного мнения, позиция великих держав. Оккупация прошла спокойно, и японцы продолжили свою политику по выдавливанию России из северного Китая...

СЕНЯВСКАЯ: В 1938 году была японская агрессия на озере Хасан, в 39-м — боевые действия на реке Халхин-Гол, которые в Японии называются «Второй японско-русской войной».

— Однако вскоре ведь наши отношения наладились?

СЕНЯВСКАЯ: Да, потому как этот разгром японских войск нанес серьезный удар по пропагандистскому мифу о «непобедимости императорской армии», об «исключительности японского воинства». Американский историк Дж. Макшерри писал: *«Демонстрация советской мощи на Хасане и Халхин-Голе имела свои последствия, она показала японцам, что большая война против СССР будет для них катастрофой»*. Вероятно, понимание этого оказалось для Японии основным сдерживающим фактором в период 1941–1945 годов, одной из причин того, что с началом

Великой Отечественной СССР был избавлен от войны на два фронта.

ГАРЕЕВ: Хотя и замысел обороны страны — еще до Великой Отечественной войны, и все стратегические планы Генштаба строились на том, что у нас есть два вероятных противника: Германия на западе и Япония на востоке...

ЯМПОЛЬСКИЙ: После провала авантюры 1938–1939 годов японские спецслужбы приходят к выводу, что нужно усиливать свои разведывательные органы. Харбинская японская военная миссия, основная на территории Китая, прекращает агентурную работу и передает эти функции вновь созданному информационно-разведывательному управлению Квантунской армии. По периметру северной Маньчжурии создаются японские разведывательные миссии, которые занимались активной подготовкой к войне против СССР.

Для активизации подрывных действий японцы направляют представителей своей разведки на Запад: в Польшу, Финляндию, в Эстонию... В 1941 году они пытаются зондировать позицию Германии на тот случай, если Япония будет осуществлять более активные действия на Дальнем Востоке. В марте 41-го министр иностранных дел Мацуока едет в Берлин — через Москву. Сталин и Молотов предлагают ему заключить пакт о нейтралитете — он предлагает пакт о ненападении. Сталин предлагает ему подумать.

В Берлине Мацуока встречается со своим коллегой Риббентропом, который намекает о возможности войны с Россией. То же говорит ему и Гитлер... Мацуока сказал, что если Германия нападет на Россию, то никакой премьер-министр, никакой МИД не остановит выступление Японии против СССР...

КОШКИН: Как потом говорил Гитлер, «японцы заключили пакт со Сталиным с нашего согласия». Но

Риббентроп все же предупреждал: «Не заходите далеко с русскими...» Им этот пакт был нужен: пусть японцы договариваются со Сталиным, и идут на юг, оттягивая английские и американские силы.

ЯМПОЛЬСКИЙ: К тому же, этим своим заявлением Мацуока позволил Риббентропу воспользоваться в трудную минуту и требовать от Японии выступления на стороне Германии.

ХАЗАНОВ: В общем, при заключении пакта о нейтралитете между Советским Союзом и Японией в апреле 1941 года обе стороны преследовали свои цели, стремясь обезопасить определенную часть своих протяженных границ.

— Насколько же нам это удалось — если не говорить в глобальных масштабах, что, мол, была достигнута главная цель и война не началась?

ХАЗАНОВ: Отношения между СССР и Японией трудно было назвать теплыми: советские источники подчеркивали многочисленные провокации «японской военщины», незаконные задержания и досмотры торговых судов в международных водах, другие недружественные действия... Наше руководство знало, что Япония снабжает Германию стратегическим сырьем, передает ей разведывательной информации — но до поры до времени с этим приходилось мириться, ограничиваясь нотами протеста.

СЕНЯВСКАЯ: По мнению японского руководства, пакт о нейтралитете между двумя странами носил временный характер, дающий Японии возможность обезопасить свои северные границы, «следить за развитием обстановки» и спокойно «набираться сил», чтобы «в нужный момент» нанести Советскому Союзу внезапный удар. Об этом свидетельствует вся внешняя политика Японии, в особенности активное сотрудничество с союзниками по Тройственному пакту.

Военный министр Тодзио неоднократно подчеркивал, что вторжение должно произойти тогда, когда Советский Союз *«уподобится спелой хурме, готовой упасть на землю»*. То есть СССР, ведя войну с Гитлером, ослабнет настолько, что не сумеет оказать серьезного сопротивления на Дальнем Востоке. Однако генерал Ямасита, прибывший в начале июля 41-го из Европы и убежденный в неизбежной победе Германии, был настроен более решительно: *«Время теории «спелой хурмы» уже прошло, — заявлял он. — Даже если хурма еще немного горчит, лучше стрясти ее с дерева»*. Он опасался, что Япония может опоздать к «разделу пирога»: ненасытный союзник сам захватит Сибирь и Дальний Восток, ранее обещанные азиатской империи в качестве платы за открытие «второго фронта».

— Мы были осведомлены в планах японского руководства?

ЯМПОЛЬСКИЙ: Эффективность работы нашей разведки подтверждают документы. 25 июня 1941 года состоялось заседание японского правительства, а уже 26-го наши резиденты из Токио сообщали, фактически один к одному, содержание его решений. 27-го Мацуока решил надавить, поскольку на него давил германский посол Отт, чтобы Япония выступила против Советского Союза — но военные категорически возражали... В результате был кризис правительства, и в новое правительство не вошел только Мацуока, а Япония начала проводить более взвешенную политику. Сообщения разведки позволили нашему военно-политическому руководству занять более твердую позицию в отношении Японии.

КОШКИН: Мы более-менее свободно вздохнули только после 3 сентября, когда решением императорской конференции нападение на СССР было перенесено на весну 42-го года. Считаю, что эта информация была самым большим достижением и заслугой Зорге и его группы.

ГАВРИЛОВ: До сих пор спорят, была ли его информация решающей для переброски 14 дивизий с Дальнего Востока и из Забайкалья под Москву и Ленинград. Есть такая точка зрения, что она вообще ничего не решала... Но мы недавно нашли шифровку, которая за подписью Хрулева была послана генералу армии Апанасенко 15 сентября 1941 года — о сокращении количества пайков Дальневосточному фронту с 870 тысяч до 550. Апанасенко тут же начал бомбардировать Сталина телеграммами: мол, Япония вот-вот нападет... Но это количество — 320 тысяч — соответствует количеству войск, которое было переброшено на Западный фронт.

ХАЗАНОВ: Однако ситуация на дальневосточных рубежах неоднократно становилась взрывоопасной. Так, в начале марта 1942 года участились случаи нарушения нашего воздушного пространства японскими разведывательными самолетами, наблюдались перегруппировки вблизи границы...

СЕНЯВСКАЯ: Япония в нарушение пакта о нейтралитете, задерживала и даже топила советские пароходы! В период с 1941 по 1945 год наше правительство 80 раз выступало с заявлениями и предупреждениями по поводу японских провокаций. Зная о коварстве соседа, мы держали на дальневосточных рубежах несколько армий в полной боевой готовности — в то время, когда на западе на счете была каждая свежая дивизия.

ТЮШКЕВИЧ: В течение всей войны на Дальнем Востоке находилось примерно 25 процентов войск от общего состава...

ГАРЕЕВ: Но вообще, в этот период интенсивность действий на Дальнем Востоке была гораздо выше, чем во время «странной войны» в Европе — когда англичане и французы воевали с Германией после ее нападения на Польшу.

ХАЗАНОВ: 16 марта 1942 года Ставка ВГК разослала директивы командующим Дальневосточным и Забайкаль-

ским фронтами о задачах и способах действий на случай внезапного нападения Японии. Военные советы фронтов получили указания разработать планы оборонительных операций объединений и к 5 мая представить их в Генштаб. Ставка требовала *«упорной обороной не допустить противника на территорию СССР»*, а, отразив нападение, на ряде направлений — например, в Маньчжурии и Приамурье, перейти в решительное наступление, широко использовать Тихоокеанский флот и авиацию, предусмотрев решение такой сложной задачи, как бомбардировки Токио силами дальних бомбардировщиков ВВС Тихоокеанского флота.

ГАВРИЛОВ: Еще в 41-м году была создана 88-я бригада специального назначения. Она состояла из китайских коммунистов, бывших партизан, которых готовили для действий во время войны...

ХАЗАНОВ: И все же к открытию активных боевых действий на Дальнем Востоке Советский Союз не готовился: сложная обстановка на советско-германском фронте не позволяла стране разделять военные усилия между Западом и Востоком.

— Но, наверное, наши западные союзники этого хотели?

МЯГКОВ: Генерал Макартур считал, что в 41-м году СССР обязательно должен вступить в войну против Японии — и тем самым помочь США спасти американские жизни...

РЖЕШЕВСКИЙ: Скажу больше: нас все время подталкивали к вступлению в войну против Японии — как можно раньше, в условиях, когда нам это было абсолютно противопоказано. И особенно настойчивы в этом отношении были американцы. Они требовали создания на Дальнем Востоке авиационных баз, чтобы американские бомбардировщики могли с советской территории бомбить

Японию, куда они никак не могли добраться... Американцы очень сильно давили на нас — прежде всего военные, — но это спровоцировало бы немедленные ответные действия, а у нас летом 42-го возникла критическая обстановка на фронте.

— Когда же советское руководство приняло решение о вступлении в войну с Японией?

РЖЕШЕВСКИЙ: Фактически — в 1941 году. Находившийся тогда в Москве министр иностранных дел Великобритании Иден спросил, не сможет ли Советский Союз помочь англичанам на Дальнем Востоке — а положение у них там было критическое, — и Сталин дал следующий ответ: *«В этом случае СССР пришлось бы вести серьезную войну на суше, море, и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Япония могла бы объявить Бельгии или Греции. В настоящее время СССР еще не готов к войне с Японией, значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуются не менее четырех месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах»*. Сталин далее сказал, что лучше бы, если бы Япония напала на СССР — это создало бы благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы популярна и создала монолитное единство в рядах советского народа... Это нападение он считал возможным и даже вероятным. Затем, так или иначе, этой теме касались на переговорах с союзниками на протяжении всех последующих месяцев и лет войны...

СЕНЯВСКАЯ: Но только в ноябре 1943 года в Тегеране, в ряду других, уже конкретно решался вопрос о ликвидации очага войны на Дальнем Востоке. Советская делегация дала союзникам согласие вступить в войну

против Японии сразу после разгрома гитлеровской Германии. На Ялтинской конференции в феврале 1945 года это согласие было закреплено секретным соглашением, согласно которому СССР возвращал себе Южный Сахалин и прилегающие к нему острова, восстанавливал права на аренду Порт-Артура и эксплуатацию КВЖД. Таким образом, Портсмутский мирный договор 1905 года полностью терял свою силу.

ХАЗАНОВ: 15 октября 1944 года в Москве, беседуя с Черчиллем, Гарриманом, Иденом, другими видными политиками и дипломатами, Сталин заявил, что СССР выступит против Японии через три месяца после поражения Германии — при условии, если США окажут помощь в создании необходимых запасов и прояснятся политические аспекты участия Советского Союза в той войне. Сталин представил американцам список советских заявок на поставки, которые вошли в основу программы под кодовым наименованием «Майлпост», предусматривающую создание запасов в Сибири — для использования в войне против Японии.

— Можно предположить, что, вступая в войну, Советский Союз прежде всего добивался возвращения утраченных территорий?

КОШКИН: Из материалов, которые я получил в японских архивах, следует, что для того чтобы получить Курильские острова и вернуть Южный Сахалин, нам совсем не обязательно было вступать в войну. Японцы сами — через наше посольство, средствами разведки, — предлагали отдать эти территории в обмен на то, что СССР не вступит в войну. Более того, японцы даже сообщали нашим посольским работникам, что если Советский Союз захочет, то они могут ему отдать и Хоккайдо.

ГАРЕЕВ: Так что если подходить прагматически, так сказать — по-американски, то Советский Союз мог решить

все территориальные вопросы, не вступая в войну. Но это было бы что-то в виде заговора, а мы считали нужным до конца выполнять свой союзнический долг. К тому же, без вступления в войну мы не могли оказать помощь в освобождении китайского и корейского народов — а с геополитической точки зрения нам было очень важно, чтобы американцы не вышли на границы с Кореей и Китаем.

ТЮШКЕВИЧ: В общем, тут надо рассматривать два круга обстоятельств: один непосредственно связан с геополитическим положением СССР, второй — с тем что, что Вторая мировая война была войной коалиционной, мы несли перед союзниками определенные обязательства...

КОШКИН: Невступление в войну было бы предательством этих обязательств, привело бы к очень негативным последствиям. Это могло сорвать идею создания ООН, да и вообще всех договоренностей. Под вопрос могли быть поставлены ситуация в Европе, выход советских войск на территории зарубежных стран. Ведь если мы требуем выполнения выгодных, так сказать, нам условий и договоренностей и отбрасываем то обещание, которое нами было дано в плане помощи США и Великобритании, то тут наши вина и ответственность очевидны. Я считаю, что при окончательном принятии решения об участии в войне против Японии Сталин преследовал глубокие геополитические цели: в первую очередь, он не хотел быть отстранен от послевоенного политического процесса в Восточной Азии — особенно в Китае. Он понимал, что американцы готовы занять господствующее положение в этом обширном районе. Причем, вытеснив оттуда все другие государства, — в том числе и своих недавних союзников.

МЯГКОВ: Действительно, уже в сентябре 1943 года Рузвельт очерчивает, что называется, геополитические контуры будущего мира. Европа — это ответственность Англии и СССР, но Дальний Восток, Азия, прежде все-

го Тихий океан, — это ответственность США. Рузвельт считал, что американцы могут разделить эту ответственность с Китаем — конечно, с чанкайшистским. Хотя уже в 1944–1945 годах и Госдепартамент, и сам президент стали наводить мосты и в сторону китайских коммунистов...

КОШКИН: Во время Каирской конференции 23 ноября 1943 года Рузвельт в беседе с Чан Кайши с глазу на глаз предложил китайскому лидеру заключить после войны военный союз, предусматривающий размещение по всей территории Китая — в том числе у советских границ — военных баз США. Это по сути, то, что мы сейчас имеем в Средней Азии... Чан Кайши принял это предложение с энтузиазмом. Порт-Артур и ряд других важных районов отдавались под прямое американское управление, Корейский полуостров предусматривалось оккупировать американскими и китайскими войсками; Франция лишалась своих колоний в Юго-Восточной Азии. Рузвельт обещал сотрудничать с правительством Чан Кайши в устранении английского влияния в Китае — Гонконге, Шанхае, Кантоне; Малайя, Бирма и Индия должны были стать зонами преобладающего влияния США. Со своей стороны Чан Кайши ставил вопрос о помощи США во включении МНР в состав Китая — Рузвельт соглашался вести переговоры по этому поводу с СССР.

ГАВРИЛОВ: «Китайский вопрос» стал одной из главных причин, почему Сталин решил вступить в войну против Японии. Кстати, для наших западных союзников это решение все-таки было достаточно неожиданным — хотя он и обещал в Тегеране это сделать ровно через три месяца после окончания войны...

Уже с начала 20-х годов Сталин постоянно и лично занимался проблемами Китая и его компартии. Когда же в 43-м произошел перелом на советско-германском фронте, обозначилась перспектива окончательной победы, укрепился международный авторитет СССР — Сталин стал

активнее развивать отношения с руководством компартии и именно с Мао Цзэдуном. Он сделал ставку на Мао и не питал никаких иллюзий в отношении Чан Кайши. Естественно, Сталин был полностью информирован о переговорах в Каире, и то, о чем там говорили, его совершенно не устраивало.

КОШКИН: Так мог ли Сталин сидеть и ждать, пока американские войска выйдут на наши границы и устроят военные базы на территории Китая и Кореи? Конечно, главным обоснованием нашего вступления в войну было выполнение союзнического долга, освобождение многострадальных народов Азии — в том числе, кстати, и японского, — но Сталин, как стратег и геополитик, очень далеко просчитал. Если бы СССР не вступил в войну, то ситуация на Дальнем Востоке была бы кардинально изменена. Не знаю даже, получили ли бы мы в данном случае обратно Курильские острова, Южный Сахалин и прочие наши территории?

ГАВРИЛОВ: Сталин, исключительно прагматик, взял курс на создание вокруг СССР буфера «дружественных государств». На западе это уже произошло, а на Дальнем Востоке, по мысли Сталина, дружественным государством должен был стать Китай, на территории которого, разумеется, не должно было быть никаких иностранных баз, враждебных СССР. Так что когда принималось решение о вступлении в войну с Японией, уже был взят дальний прицел на то, чтобы после разгрома Квантунской армии вооружить китайских коммунистов трофейным японским оружием. Фактически так и произошло: «Маньчжурская революционная база» была создана на базе этого оружия...

ОРЛОВ: Американцы тоже пересматривали свои первичные установки — по Корее ведь сперва как было ими сказано? Вы, русские, завоевываете всю корейскую землю, а мы поддерживаем вас с моря и с воздуха. А потом было

решено: нет, 38-я параллель! Мы вышли на 38-ю параллель 24 августа, американцы — только 7 сентября. И никаких братаний, как на Эльбе, тут уже не было.

МЯГКОВ: Между тем, в 1943 году на заседании политического комитета Госдепа президент Рузвельт высказывал мысль о том, что на самом деле Советскому Союзу в результате войны против Японии должен отойти не только Южный Сахалин, но и все Курилы... Эта мысль подтверждалась и в других документах.

— Но точка зрения постепенно «корректировалась»?

МЯГКОВ: Да, тот же самый Макартур, главнокомандующий союзными силами на Тихом океане, в 1945 году уже считал, что теперь невыгодно вступление Советского Союза в войну против Японии, поскольку американцы добились больших стратегических успехов, а вступление СССР в войну даст ему дополнительные политические, военно-политические, территориальные преимущества. Но было мнение Рузвельта, мнение Маршалла...

ОРЛОВ: Как известно, Вторая мировая война велась на суше, на море и в воздухе. Самые кровопролитные, тяжелые, но и самые результативные бои были на суше. Четырехлетняя морская и воздушная война американцев на Тихом океане закончилась победой, они вплотную подходят к континентальной части, к самой метрополии, где придется сражаться уже не на жизнь, а на смерть, потому что японцы сдаваться не собираются. Они говорят, что перевезут имперское правительство на территорию Китая, создадут армию в 28 миллионов человек, уже сформировали 57 новых дивизий — т. е. будут биться до конца. А это японцы умеют... Сколько это может продлиться? По американским подсчетам, война могла продлиться еще год и стоить полтора миллиона американских жизней. А свои жизни они очень не любили терять! Кто же должен будет воевать в континентальном Китае?

— То есть им стало ясно, что без нашей помощи не обойтись. Но ведь СССР с Японией связывал договор о нейтралитете...

ГАРЕЕВ: Нет, еще 5 апреля Советский Союз этот договор денонсировал. Все было сделано в соответствии с международными правовыми нормами.

СЕНЯВСКАЯ: Причем 26 июля на Потсдамской конференции от имени США, Англии и Китая было опубликовано обращение, в котором Япония призывалась к безоговорочной капитуляции. Требование было отклонено. Премьер-министр Судзуки заявил: *«Мы будем неотступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны»*.

— Почему же мы не подписали Потсдамскую декларацию?

КОШКИН: В тот день не подписали! Мы ее потом подписали...

ОРЛОВ: А если бы мы ее тогда подписали, то после ударов по Нагасаки и Хиросиме и вступления в войну СССР, японцы подняли бы руки, и победителями оказались бы американцы!

— Разве мы знали, что американцы готовят атомную бомбардировку?

ОРЛОВ: У нас пишут, ссылаясь на Черчилля, что когда Трумэн сказал Сталину, что *«у нас есть оружие большой мощности»*, тот, вроде бы, не понял. Но это так Черчилль решил! Трумэн же пишет, что Сталин сказал: *«Я поздравляю вас, и думаю, что хорошо применить его против японцев»*. Это было сказано 24 июля. Так что Сталин знал, что они нанесут удар...

— Какова же была роль «оружие устрашения» для достижения победы?

МЯГКОВ: В так называемой американской «ортодоксальной историографии» конца 40-х — начала 50-х годов присутствовала мысль о том, что именно атомные бомбы привели к капитуляции Японии. Но если обратиться к документам — например, к аналитическому обзору Объединенного комитета изучения стратегических бомбардировок ВВС США от конца 1945 года, то там говорится, что стремление к миру было особенно ярко выражено на императорском совещании в ночь с 9 на 10 августа, и самой главной причиной тому было вступление в войну СССР. Так что не одни бомбы привели к тому, что Япония капитулировала. Зато атомные бомбардировки можно считать одним из самых больших преступлений, совершенных в годы Второй мировой войны. Причем, совершенных уже не фашистским блоком, а одной из стран антигитлеровской коалиции США.

КОШКИН: Кстати, в Японии было два варианта действий в случае высадки американских войск на территорию Японских островов. Первый вариант: сюда перебрасывалась Квантунская армия и вела войну на территории метрополии до последнего японца. Второй вариант: императорская семья и все руководство на подводных лодках перевозится в Маньчжурию, и там продолжается священная война за императора. Расчет был на то, что американцы не посмеют бомбардировать атомными бомбами территорию своего союзника Китая.

ОРЛОВ: Да и вообще, удары атомных бомб годятся только для мегаполисов. А для сельскохозяйственного Китая, для деревень — это ерунда. Не зря же Сталин говорил, что это оружие для слабонервных. А Мао Цзэдун в 1951 году, когда Макартур пригрозил атомной бомбой, рассмеялся и сказал: *«Мы вашей бомбе противопоставим полтора миллиона ручных гранат».*

КОШКИН: Но Рузвельт и его спецпропагандисты блефовали, убеждая японцев, что они имеют огромное

количество бомб, которыми забросают Японию. Их было всего две, и по документам выясняется, что только к концу года можно было создать еще одну-две бомбы. Поэтому, если бы Советский Союз не вступил в войну, то я глубоко убежден, что японцы не капитулировали бы. Они же не сдались в результате ковровых бомбардировок Токио, Осака, Нагои, где жертв было гораздо больше, чем в Хиросиме и Нагасаки. На это тоже надо обращать внимание...

ГАРЕЕВ: Да, надо исходить из фактов объективной действительности. 6-го американцы применили ядерную бомбу, 9-го, а японцы продолжали воевать. Даже после того, как 14 августа император распорядился — они все равно продолжали воевать. Значит реальный факт состоит в том, что не бомба прекратила войну. Ее завершили только последующие действия нашей армии.

— Тогда самое время и обратиться к этим действиям...

ГАРЕЕВ: Вы знаете, что до поры до времени по этому вопросу, вроде, двух мнений не было. А сейчас появляются десятки статей, где люди, по причинам, о которых можно только догадываться, пишут откровенные мерзости. Мол, никакой войны с Японией у СССР не было — Япония просто капитулировала по приказу своего микадо. Кстати, японцы ведь не признавались, что они военнопленные: *«Мы в плен никогда не сдавались! — заявляли они. — Мы выполняли приказ своего императора!»*

— Железная логика... Кстати, когда в 1702 году при штурме Шлиссельбурга генералу князю Голицыну передали государев приказ отступить, тот отказался: *«Сейчас я нахожусь не в царской, а в Божьей воле!»* Но это так, к слову — у всех свои традиции...

ГАВРИЛОВ: Война на Дальнем Востоке легкой прогулкой не была. Документы свидетельствуют об очень тяжелых и ожесточенных боях, которые шли в районе

Хутоуского укрепрайона, очень непростой была Курильская десантная операция... Красная армия ценой немалой крови завоевала эту победу и внесла клад в окончательный разгром Японии.

— Обратимся к началу — когда началась непосредственная подготовка к проведению операции?

ХАЗАНОВ: Интенсивное планирование Дальневосточной кампании началось после Ялтинской конференции — с 11 февраля 1945 года, хотя некоторые важные решения были приняты до указанного срока. Маршал Василевский вспоминал: *«Ть, что мне придется ехать на Дальний Восток, я впервые узнал летом 1944 г. После окончания Белорусской операции И. В. Сталин в беседе со мной сказал, что мне будет поручено командование войсками Дальнего Востока в войне с милитаристской Японией... Как только закончилась Восточно-Прусская операция, я был отозван Ставкой с 3-го Белорусского фронта, а 27 апреля включился в работу над планом войны с Японией»*. Василевский, в то время начальник Генштаба, отмечал, что первоначальные расчеты сосредоточения войск в Приамурье, Приморье и Забайкалье были сделаны осенью 44-го, тогда же постарались оценить в первом приближении необходимые ресурсы для ведения войны на Дальнем Востоке. *«Но до Ялтинской конференции никакой детализации плана войны против империалистической Японии не производилось»*, — подчеркивал Александр Михайлович.

ГАРЕЕВ: Скажу, что в этой операции нашел отражение весь сгусток нашего опыта, который мы приобрели в войне с Германией — и в области военной науки, и в области военного искусства. На Восток с Запада перебрасывались опытные военачальники и командиры... Но ведь и здесь, на Дальнем Востоке, находились генералы и офицеры, они все время писали рапорта: оправьте нас воевать! Им

говорили, что они здесь выполняют боевую, военную задачу, накладывали партийные взыскания за непонимание значения важности Дальневосточного фронта.

И вот они дождались, что на западе война кончилась, настанет война с Японией — теперь, значит, они будут командовать дивизиями и армиями. Но тут их почти всех заменили — назначили заместителями командиров и командующих... Кстати, несколько генералов тогда застрелились. С точки зрения человеческой — конечно, обидно, несправедливо. Но в интересах дела, в интересах народа — зачем же давать возможность «потренироваться» неопытным кадрам и нести за этот счет потери, если уже есть вышколенные, приобретшие большой боевой опыт военачальники?

СЕНЯВСКАЯ: Контингент, участвовавший в боевых действиях на Дальнем Востоке, четко делился на две основные категории: участников боев против фашистской Германии и «дальневосточных сидельцев», которые в большинстве своем не имели боевого опыта, но являлись свидетелями многочисленных японских провокаций, были лучше информированы о потенциальном противнике и его реальной силе, опыте и коварстве. Лучше разбирались они и в природно-климатических условиях, особенностях местности и т. п. Ветераны боевых действий на западе в местных особенностях не разбирались — у них был самый высокий боевой дух, но он нередко переходил в «шапкозакидательские» настроения. Они вышли победителями из тяжелейшей войны с таким могучим противником, как фашистская Германия, поэтому японцы, которых наши уже били на Хасане и Халхин-Голе, в массовых армейских представлениях не рассматривались как враг достаточно серьезный...

— Нет смысла уточнять, что на войне одно из самых опасных заблуждений — недооценивать противника.

ХАЗАНОВ: Поэтому, кстати, «в верхах» постарались учесть предыдущие наши ошибки, тщательно продумать операцию, начиная со стадии планирования. Так, было решено перебросить сюда 39-ю армию, сыгравшую важную роль в штурме Кёнигсберга — ей надлежало преодолеть почти столь же хорошо оборудованный в инженерном отношении Халун-Аршанский укрепленный район в полосе наступления Забайкальского фронта. Столь же ценный опыт взлома оборонительной полосы неприятеля в Восточно-Прусской операции накопили войска 5-й армии — им предстояло наступать на главном направлении 1-го Дальневосточного фронта...

Замысел Дальневосточной кампании обсуждался в Ставке ВГК в марте и окончательно определился в апреле 45-го. Суть его состояла в одновременном вторжении Красной армии из Забайкалья, Приморья и Приамурья в пределы Маньчжурии, разгроме Квантунской группировки, освобождении от японских оккупантов северо-восточных провинций Китая и Северной Кореи. Предполагалось нанести два главных удара — с территории Монголии и советского Приморья, а также несколько вспомогательных, чтобы изолировать Квантунскую армию от сосредоточенных в Китае Экспедиционных сил и от метрополии... Параллельно с ведением стратегического планирования операции Генеральный штаб утвердил мероприятия по развертыванию войск на Дальнем Востоке, их материально-техническому обеспечению. Начался процесс перевооружения находившихся здесь частей и соединений современной боевой техникой: танками Т-34 и ИС-2, самоходными установками СУ-100 и ИСУ-152, истребителями Як-9 и Ла-7, бомбардировщиками Пе-2 и Ту-2, а также другими новыми образцами...

Однако имевшиеся в составе нашей дальневосточной группировки войска все же не имели достаточно сил самостоятельно разгромить Квантунскую армию, поэтому

была поставлена задача: в предельно сжатые сроки провести стратегическую перегруппировку сил и средств с Западного театра военных действий на Восточный. Без преувеличения, это был грандиозный план! Предстояло перебросить на расстояние от 9 до 11 тысяч километров столь значительные силы и средства, что транспортную операцию можно смело считать беспрецедентной в истории.

— Да, с подобной задачей в начале XX века не справилась царская Россия. Известно, что неспособность русского командования в сжатые сроки перебросить на Дальний Восток резервы, вооружение и боеприпасы явилась одной из главных причин поражения в войне 1904–1905 годов... Какое в результате оказалось соотношение между нашими войсками и японцами?

ХАЗАНОВ: Группировка наших войск в начале августа 1945 года насчитывала 1,75 миллиона человек, а противостоящая ей японская, получившая название Квантунская армия, состоявшая из двух фронтов и двух отдельных армий, располагала примерно 1,1 миллиона солдат и офицеров. Советская сторона превосходила противника в численности самолетов в 2,7 раза, боевых кораблей — 3,6 раза, танков, орудий и минометов — 4,5 раза.

— А если сравнить по качеству вооружения?

ХАЗАНОВ: В распоряжении японского главнокомандующего генерала Ямада и начальника штаба генерала Хата — в прошлом военного атташе в СССР, — имелись только устаревшие танки и танкетки. Недоставало японцам современных самолетов: большинство машин построили в конце 30-х годов, не оснастили бронированием, вооружили лишь пулеметами винтовочного калибра. Уровень подготовки личного состава, особенно в танковых и авиационных частях, оставлял желать лучшего...

— А как можно оценить боевые качества японской армии?

СЕНЯВСКАЯ: Превосходство советской стороны над противником оказалось безусловным — не только в техническом обеспечении, боевом опыте, но и в моральном духе войск. Армия на Дальний Восток пришла опытной, отоброшенной, с настроением победителя и желанием как можно быстрее вернуться к мирной жизни. Однако бои ей предстояло вести в глубине чужой территории, преодолевать десятилетиями создававшиеся укрепления, продвигаться в незнакомой местности с неблагоприятными климатическими условиями. Да и противник был значительно опытнее, чем в конце 1930-х годов: уже много лет японская армия вела успешные боевые действия на море, на суше и в воздухе против американских, британских и других вооруженных сил. Кстати, Квантунской армией командовал генерал Отодзо Ямада, имевший опыт войны 1904–1905 годов — в качестве командира эскадрона.

ХАЗАНОВ: Сосредоточения советских войск осуществлялось тайно, на значительном удалении от госграницы, все передвижения выполнялись только ночью. Чтобы ввести неприятеля в заблуждение, приграничные поселки и города продолжали жить подчеркнуто мирной, беззаботной жизнью. Было резко ограничено прибытие генералов и старших офицеров для рекогносцировки. Так, маршал Василевский долго не получал от Сталина разрешения выехать в район будущих боев и прибыл в Читу лишь 5 июля — в форме генерал-полковника с документами на имя Васильева...

Конечно, полностью скрыть сосредоточение огромных масс войск от глаз японской разведки было невозможно, однако японское командование не смогло установить сроков завершения сосредоточения войск, численности ударных группировок, основных направлений наступле-

ния. В начале августа оно полагало, что русским необходимо перебросить как минимум еще 10–15 дивизий, на это уйдет один-два месяца.

ТЮШКЕВИЧ: 8 августа, выполняя союзнические обязательства, Советский Союз заявил о своем присоединении к Потсдамской декларации и сообщил японскому правительству о том, что с 9 августа будет считать себя в состоянии войны с Японией. Началась Маньчжурская наступательная операция...

ХАЗАНОВ: Дорого стоили японцам их заблуждения. Как раз накануне 9 августа они начали проводить перемещение штабов и перегруппировку войск — а в это время передовые и разведывательные отряды всех трех фронтов уже пересекли границу. Вскоре в наступление перешли наши главные силы.

ГАРЕЕВ: Вообще, у нас про эту операцию ходит очень много сплетен и домыслов. Вот, книга написана про генерала Мерецкова — мол, вышел он в час ночи, и ему говорят: дождь, ничего не видно. Он и говорит: «Ну, давайте начнем без артподготовки!»

— Действительно, начинали без артподготовки — но это чтобы обеспечить внезапность. Именно такова была часть оперативного замысла.

ГАРЕЕВ: Да, конечно. Но автор книги совершенно не понимает, что такое война или бой! Если вы тщательно и заранее не подготовите бой передовых батальонов, которые должны переходить границу — разве что-нибудь получится? Кто-нибудь куда-нибудь дойдет? А тут, якобы, — сплошной экспромт...

СЕНЯВСКАЯ: Нет, эта военная кампания отнюдь не оказалась для нашей армии легкой «двухнедельной прогулкой», как пытаются представить в западной, а сегодня нередко и в нашей историографии. Следует отметить, что японцы были готовы, но не успели применить против со-

ветских войск разработанное и уже использованное ими против китайцев бактериологическое оружие.

— Зато, насколько известно, они широко использовали своих знаменитых «камикадзе»...

СЕНЯВСКАЯ: Да, этот факт свидетельствует об особой жесточенности войны... Но учтите, что явление «камикадзе» в нашей и японской трактовке имеет различное толкование: если для нас это любой японский «смертник», то в действительности движение добровольцев-смертников подразделялось на ряд категорий. К собственно «камикадзе» относились элитные летчики-самоубийцы, призванные топить боевые корабли противника — кстати, эффективными оказались не более 20 процентов вылетов «камикадзе». В конце войны получило широкое распространение и движение «тейсинтай» — «ударные отряды», к которым относились человеко-торпеды «кайтэн», управлявшиеся вручную, начиненные взрывчаткой катера «сине», парашютисты-смертники, человеко-мины для подрыва танков, пулеметчики, приковывавшие себя цепью в дотах и дзотах, и т. п. Наши войска преимущественно сталкивались с «сухопутными» категориями японских смертников.

— Вопрос, который кому-то может показаться крамольным: в чем разница между «камикадзе» и нашим бойцом, закрывающим грудью амбразуру дзота или бросающимся с гранатой под танк?

СЕНЯВСКАЯ: Вот как уже после войны оценивали в своих мемуарах феномен «камикадзе» советские военные: *«Смертники — чисто японское изобретение, порожденное слабостью техники Японии. Там, где металл и машина слабее иностранных, Япония вталкивала в этот металл человека, солдата, будь то морская торпеда, предназначенная для взрыва у борта вражеского судна, или магнитная мина,*

с которой солдат бросается на танк, или танкетка, нагруженная взрывчатым веществом, или солдат, прикованный к пулемету, или солдат, оставшийся в расположении противника, чтобы, убив одного врага, покончить с собой. Смертник в силу своего назначения может произвести лишь какой-то один акт, к которому готовится всю свою жизнь. Его подвиг становится самоцелью, а не средством достижения цели...»

Сравнивая действия «камикадзе» с подвигами советских солдат, сознательно жертвующих собой ради спасения товарищей, мемуаристы подчеркивают, что для нашего воина важно было *«не только убить врага, но и уничтожить их как можно больше»*, и, будь у него хоть какой-нибудь шанс сохранить жизнь *«во имя будущих боев»*, он, безусловно, постарался бы выжить. Делается вывод: *«Японский смертник — самоубийца. Жертвующий собой советский солдат — герой. Если же учесть, что японский смертник до осуществления своего назначения получает повышенное содержание, то окажется, что его смерть — оплата расхода, произведенного на него при жизни... Смертник — это пуля, она может сработать только один раз. Смертничество — свидетельство авантюриности, дефективности японской военной мысли»*. Хотя, такая оценка феномена «камикадзе» несколько упрощена: это явление связано со спецификой национальных традиций, культуры, менталитета, религиозных установок японцев, не вполне понятной представителям российской культуры...

— Порадуемся, что теперь у японцев техника на высоте, и вернемся к событиям 45-го года.

ХАЗАНОВ: Японцы воздвигли серьезные укрепления на территории наиболее пригодных для маневров районов. Были оборудованы многочисленные доты и дзоты; у границ с СССР и Монголией построили 17 укрепрайонов,

каждый из которых включал 20–25 опорных пунктов — на глубину до 50 километров. Особенно мощные оборонительные позиции находились на восточных границах марионеточного государства Маньчжоу-Го.

ГАРЕЕВ: Так что боевые действия были очень трудными, напряженными. Но так как все было хорошо подготовлено, то они в основном были успешными, эффективными. Хотя обстановка в целом была очень сложная: взаимоотношения чанкайшистов и коммунистов, отношение определенных групп населения...

ХАЗАНОВ: Конечно, и эта блестяще проведенная кампания имела отдельные недостатки и упущения. Так, при наступлении на Гирин в начальной фазе операции большие потери в танках понес 10-й мехкорпус — 70 процентов вышедших из строя боевых машин или увязли в болотах, или имели поломки ходовой части. При захвате южной части Сахалина на заключительном этапе боевых действий отмечались слабое управление десантом со стороны вышестоящих штабов, медленные и нерешительные действия самих моряков-десантников...

Отдельного рассказа требует местность, по которой двигались наши войска: тут была и опоясанная горными хребтами огромная Маньчжурская равнина; и полноводные реки Амур, Аргунь и Уссури, ставшие естественными преградами для войск Красной армии; и территория так называемой Внутренней Монголии, представлявшая полупустыню или песчаную степь, практически лишенную дорог...

СЕНЯВСКАЯ: Однако всем трудностям вопреки и наперекор прогнозам западных стратегов о том, что на разгром Квантунской армии СССР потребуются не менее шести месяцев, а то и год, советские войска покончили с ней за две недели.

ХАЗАНОВ: В этой хорошо подготовленной кампании проявились боевой опыт и военное искусство, накоп-

ленные в ходе Великой Отечественной войны. Прорвав главную линию обороны, войска двигались походными колоннами. Широко применялись передовые мобильные отряды. Созданные во всех трех фронтах, они сбивали японские заслоны, неожиданно захватывали важнейшие узлы обороны. Разделенные зачастую сотнями километров, они умело взаимодействовали между собой.

ГАРЕЕВ: Между тем сейчас пишут, что боевых действий не было, что подавляющее большинство японцев, которых взяли в плен, не сделало ни одного выстрела и не воевало против Красной армии... Ерунда! В ходе операции наши потери составили 12 000 тысяч человек убитыми и 24 тысячи ранеными. Только безвозвратные потери японцев — 84 тысячи. Если не было боевых действий, откуда это все взялось? Я же свидетель этих боевых действий! Я знаю, что при каждой возможности японцы сопротивлялись.

ОРЛОВ: Конечно, они не ожидали, что блестяще подготовленная и проведенная Маньчжурская операция будет проведена в столь кратчайшие и стремительные сроки и со столь небольшими потерями. А для нас, конечно, это был огромный выигрыш...

ХАЗАНОВ: 18 августа японское командование отдало приказ о безоговорочной капитуляции на континенте. В этот и четыре последующих дня советское командование выбросило воздушные и высадило морские десанты в Харбине, Мукдене, Порт-Артуре и других крупных центрах. В их задачу входило взятие под охрану промышленных и военных объектов, недопущение их разрушения. Лишь на Хоккайдо десант высажен не был — советское командование учло негативное отношение к этой операции со стороны американцев и опасалось спровоцировать военное столкновение...

В исторической литературе неизменно высоко оценивалось военное искусство Красной армии и Военно-морского флота в Дальневосточной кампании. Действи-

тельно, никогда ранее наши войска не соответствовали в такой степени понятию «профессиональная армия», как в августе 1945 года. Это отмечали также зарубежные историки. Так, британец Д. Эриксон полагал, что данная операция заслуживает серьезного изучения, поскольку заложила основу для «послевоенной стратегии и доктрины советского командования».

Не менее интересно мнение китайской стороны. В монографии «Вторая мировая война» Хуан Юйчжан отмечал такие черты советского военного искусства, как *«принятие всех возможных мер для оперативной внезапности»*, *«создание сильных первых эшелонов для нанесения мощного первоначального удара»*, *«нанесение одновременных ударов на нескольких операционных направлениях, сходящихся к центру, при централизованном управлении»*, *«высокие темпы наступления»* и др.

ГАВРИЛОВ: Красная армия не только взяла в плен свыше 600 тысяч японских солдат и офицеров, но и освободила около двух тысяч союзных военнопленных, которые содержались в концлагерях на территории Китая. Естественно, они содержались в совершенно ужасных условиях... После оказания медицинской и прочей помощи их передали союзному командованию.

— Можно считать, что этим парням очень крупно повезло...

СЕНЯВСКАЯ: Конечно, ведь уже потом, в ходе процесса Международного трибунала по рассмотрению дел японских военных преступников в Токио, выяснились чудовищные подробности расправ, которые устраивались в японской армии над пленными: *«Людей обезглавливали, четвертовали, обливали бензином и сжигали живыми; военнопленным вспарывали животы, вырывали печень и съедали ее, что являлось якобы проявлением особого самурайского духа»*. Секретная директива японского командования от

1 августа 1944 года требовала тотального уничтожения всех пленных, попавших в японские застенки. *«Неважно, как будет происходить ликвидация: индивидуально или группами, — говорилось в ней, — неважно, какие методы будут использоваться: взрывчатка, отравляющие газы, яды, усыпляющие препараты, обезглавливание или что-либо еще — в любом случае цель состоит в том, чтобы ни одному не удалось спастись. Уничтожены должны быть все, и не должно остаться никаких следов».*

ГАВРИЛОВ: Союзники не ожидали такого стремительного продвижения Красной армии, когда буквально в считанные недели она продвинулась к Порт-Артуру и Даляни. В начале сентября, по донесению командования 1-го Дальневосточного фронта, американская эскадра в составе четырех авианосцев и восьми эсминцев, подошла к Порт-Артуру. При этом в воздухе появилось около 300 самолетов. На вопрос нашего командования к американскому представителю, он ответил, что это — поход солидарности, а самолеты, которые появились в воздухе — это салют доблестной Красной армии.

— Кстати, мы заговорили о пленных союзниках... Но ведь вопрос о японцах, оказавшихся в нашем плену, сейчас является одним из, скажу так, наиболее спекулятивных...

ГАРЕЕВ: Да, нас обвиняют в том, что мы незаконно использовали японцев для работы. Но они работали не только у нас: их заставляли работать везде, где они капитулировали. Кстати, идея расплачиваться трудом военнопленных возникла в императорских кругах Японии.

КОШКИН: Дело в том, что люди, которые представляют этот факт как сталинские преступления, плохо знают историю. А дело состоит в следующем. Еще в сентябре 44-го, когда японское правительство предпринимало попытки заинтересовать Советский Союз возможными уступками в обмен на сохранение СССР нейтралитета,

МИД Японии подготовил документ под названием «*Принципы проведения мирных переговоров с правительством СССР*». В документе, наряду с другими предложениями, предусматривалась и готовность правительства Японии предложить в качестве репараций использование японских военнослужащих как рабочей силы.

Пройти мимо этого потрясающего по своему цинизму факта не смогли даже американцы. В недавно вышедшей книге «Хирохито» — это японский император — американец Бикс процитировал японский документ, приведя из него такие слова: «*Мы демобилизуем дислоцированные за рубежом вооруженные силы и примем меры к их возвращению на родину. Если подобное будет невозможно, мы согласимся оставить личный состав в местах его настоящего пребывания*». А в пояснительной записке есть комментарий к данному положению: «*Рабочая сила может быть предложена в качестве репарации*». И американец Бикс делает вывод: идея интернировать японских военнопленных для использования их труда при восстановлении советской экономики, осуществленная на практике в сибирских лагерях, возникла не в Москве, а среди ближайшего окружения императора. Вот вам и цена публикаций авторов, которые пытаются повесить всех собак на СССР и Сталина. Сами японцы хотели этого!

ГАРЕЕВ: Дело еще и в том, что китайцы и корейцы страшно ненавидели японцев, которые очень жестоко осуществляли оккупационный режим в Китае и Корее... Это предопределило решение многих других вопросов. Вот, говорят, почему же вы этих пленных в Сибирь увели — их можно было в Маньчжурии оставить, китайцам передать. В районе Дуньхуа мы временно один лагерь китайцам передали — так китайцы все продовольствие отобрали, а любой китаец, если мимо лагеря шел, обязательно стрелял в сторону японцев. Японцы само умоляли, чтобы их не оставляли с китайцами...

— Можно сказать, что они сами predeterminedили свою судьбу: начиная от тех, кто решился продолжать войну после капитуляции Германии, и заканчивая теми, кто зверствовал над беззащитными пленными...

СЕНЯВСКАЯ: 2 сентября 1945 года на американском линкоре «Миссури» состоялось подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии. Сотни людей на дворцовой площади в Токио рыдали и бились головой о камни. Прокатилась волна самоубийств. Среди тех, кто *«исполнил завет Анами»*, было более тысячи офицеров, не считая сотен военных моряков и гражданских лиц. Покончил с собой и сам военный министр, и несколько других крупных правительственных чиновников...

Однако даже после объявления капитуляции еще долго сохранялись отдельные очаги сопротивления японских фанатиков. Известны случаи, когда японские солдаты на заброшенных островах продолжали сохранять верность присяге своему императору в течение многих послевоенных лет и даже десятилетий, порой просто не зная об окончании войны, а иногда отказываясь признать и принять поражение.

— Ну да, ведь и минувшим летом обнаружили еще двух таких бойцов — из числа последних солдат Второй мировой войны.

СЕНЯВСКАЯ: Но все-таки Вторая мировая война закончилась еще в начале сентября 45-го...

ХАЗАНОВ: Она продолжалась шесть лет и один день. 3 сентября 1945 года в Советском Союзе было объявлено Днем Победы над Японией.

РЖЕШЕВСКИЙ: А почему эта дата исключена из перечня Дней боевой славы нашего народа? И ветераны, и люди молодого поколения не понимают, почему мы сами у себя отнимаем важнейшую победу, за которую сложили

головы десятки тысяч наших соотечественников? Думаю, что рано или поздно, но это вопрос будет справедливо решен, истина будет восстановлена! А то ведь так можно все перечеркнуть в нашей истории! Тут надо слово благодарности сказать «Красной звезде», что она выступает по этому вопросу.

КОШКИН: Да, а то ведь целый ряд центральных изданий эту дату почему-то замалчивает... Это просто недопустимо — исключение из календаря даты 3 сентября, как Дня Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны.

— Действительно, к нам в редакцию приходит немало писем с вопросом, когда же этот день будет восстановлен. Люди его помнят.

СЕНЯВСКАЯ: Неудивительно! В своей речи, произнесенной по радио вечером 3 сентября, Иосиф Виссарионович Сталин напомнил об истории непростых взаимоотношений нашей страны с Японией с начала XX века, подчеркнув, что у советских людей имеется к ней «свой особый счет». *«...Поражение русских войск в 1904 году в период Русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания, — заявил Верховный главнокомандующий. — Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот этот день наступил».* Эта оценка, данная лидером Советского государства в условиях его высшего военно-политического триумфа, в тот момент была полностью созвучна настроению страны. И в официальной пропаганде, и в массовых настроениях идеи защиты и торжества национально-государственных интересов СССР как преемника тысячелетнего Российского государства были доминирующими.

Заключительная кампания Второй мировой войны, проведенная Советской армией на Дальнем Востоке, не только приблизила завершение войны, обеспечила принципиально иной расклад стратегических сил в послевоенном мире, но и способствовала окончательному изживанию комплекса побежденной страны, который все еще сохранялся в исторической памяти советских людей, будучи унаследованным от царской России и в какой-то мере подкрепленным в период японской оккупации Дальнего Востока в годы Гражданской войны. По этому комплексу был нанесен удар еще в конце 1930-х годов, но сам факт сохранения за Японией отторгнутых еще в начале века российских земель, а также постоянно нависавшая угроза удара в спину, сохраняли в массовом сознании образ этой страны как коварного и сильного потенциального врага. И этот образ был вполне адекватен реальному положению вещей: японские стратеги активно готовились к войне и не решились напасть лишь потому, что риск был слишком велик. Оценка Сталиным значения разгрома милитаристской Японии была политически абсолютно точной и созвучной настроениям общества.

Вместо послесловия

Великая Отечественная война — объединяющий фактор нашей истории

Наш собеседник — Академик Российской академии наук Александр Оганович Чубарьян, директор Института всеобщей истории РАН.

— Александр Оганович, можно сказать, что минувшее столетие было перенасыщено событиями, и многие из них, в общем-то, нами уже позабыты. Однако Великая Отечественная — Вторая мировая война и сейчас вызывает огромный интерес как профессиональных историков, так и любителей истории. Чем вы объясните нынешний интерес к той далекой уже войне?

— Я думаю, нельзя говорить, что этот интерес возник только сейчас. Наблюдения показывают, что тема минувшей войны не уходит со страниц как научной литературы, так и периодической печати. Объяснений несколько. Первое — сугубо научное. За последние годы введено в оборот очень много, я бы сказал, огромное количество, новых материалов, и они продолжают накапливаться. Поэтому, естественно, у исследователей появляется желание побыстрее их осмыслить.

— Вы имеете в виду профессиональный интерес, а ведь тема войны вызывает и громадный общественный резонанс...

— Да, это второй момент — может быть, даже более важный: не угасает общественный интерес к войне. Он связан с полемикой и дискуссиями, которые не только не утихают, но приобретают все более острый характер. Особенно ярко это проявилось в связи с 60-летием Победы в Великой Отечественной войне, которое отмечалось в 2005 году. Я думаю, что сейчас, по мере приближения к 2010 году, интерес к этой теме будет только усиливаться. Связано это, кроме всего прочего, и с позицией наших коллег в странах Балтии, а сейчас — и на Украине, в ряде стран Восточной Европы.

— До объединения Германии в нашей прессе бытовало клише о желающих «пересмотреть итоги Второй мировой войны». Как с этим сейчас?

— Сейчас, прежде всего, речь идет о предыстории Великой Отечественной войны. Как вы знаете, активно обсуждается период 1939–1941 годов. А в последнее время остро встал вопрос о националистических организациях в годы Второй мировой — Великой Отечественной войны. В частности, о пересмотре оценок Украинской повстанческой армии и тех лиц и объединений в странах Балтии, которые сотрудничали с нацистами. Все это поднимает большую волну общественного резонанса.

— Не получается ли, что нынешний интерес к теме Великой Отечественной войны как бы навязан нам из-за рубежа?

— Нет, так, конечно, говорить нельзя, но определенная взаимосвязь тут есть. Естественны как реакция России на все эти процессы «пересмотров» и «реабилитаций», так и ответные усилия с другой стороны. Получается заколдованный круг, а в результате, действительно, возрастает интерес к событиям Великой Отечественной войны уже на общественном уровне.

— Выходит, что тема той войны, в которой представители всех советских республик вместе сражались за Родину, теперь нас разделяет?

— Мировой опыт показывает, что любые конфронтации неконструктивны. Помните, несколько лет назад мы пытались сформулировать нашу национальную идею, определить нашу национальную идентичность? А сейчас этим заняты все страны на постсоветском пространстве. Здесь очень важно — при всех разногласиях, при всех различиях — найти консенсус в оценке общих, наиболее значимых явлений. С моей точки зрения, таким явлением и могла бы стать Великая Отечественная война как объединяющий фактор нашей общей истории. К сожалению, на практике это не всегда получается, но все-таки такая идея должна быть — особенно в учебниках. Очень многие это понимают, и это также вызывает повышенный интерес к Великой Отечественной войне.

— Этот интерес как-то «материализуется»? Или так и остается — огромное количество разрозненных публикаций и разнообразных книг, в которых каждый, в общем-то, может найти удовлетворяющую его точку зрения?

— Как вы знаете, в этом году был подписан указ относительно подготовки нового десятитомного труда по истории Великой Отечественной войны. Думается, этот труд может подвести итоги научных дискуссий последних десяти-пятнадцати лет, ответит на некоторые животрепещущие вопросы.

— А как вы считаете, всякая ли дискуссия приносит пользу? У нас ведь не столь давно с дискуссиями был явный переизбыток ...

— В принципе, дискуссия любого рода не вредна, это фактор развития науки. Какая острая полемика разворачивалась, скажем, вокруг «суворовских» книг! Обратите внимание, интерес к событиям Великой Отечественной

войны у нас в стране из-за этого заметно возрос. А что теперь? «Суворовские» дискуссии сошли на нет — интерес к автору «Ледокола» исчерпан. Хотя его книги и вышли огромными тиражами, но все они, в общем-то, повторяют друг друга, серьезной доказательной базы у него нет. Вот все и закончилось, тема полностью себя исчерпала.

— Так стоило ли когда-то копыя ломать? Действительно, всякая дискуссия может принести пользу.

— Нет, пользу приносит именно научная дискуссия! А что качается многих дискуссий, которые идут сейчас в разных странах даже на самом высоком уровне, то уж очень они политизированы. Фактически выходят за рамки научных споров — это чисто политические дискуссии в контексте сегодняшнего развития событий. Вместо поиска истины события прошлого подгоняются под интересы определенных политических групп, партий и лидеров ряда стран. Эти дискуссии, конечно, мало конструктивны — более того, деструктивны. Поэтому, как мне кажется, очень правильна позиция руководства нашей страны: когда такие дискуссии навязываются, переводить их из сферы политики в сферу науки. И спокойно все рассматривать на историческом материале, сопоставляя аргументы и точки зрения. И если все делать так, то это будет полезно.

— Историческая наука строится на документальной основе. Могут ли в наше время быть найдены по-настоящему новые документы по Второй Мировой войне?

— Думаю, не исключается открытие даже очень важных документов. Во-первых, все-таки у нас недостаточно документов о процессе принятия решений. Всем известно, что решения часто принимались без составления документов. Сейчас у меня выходит книга «Канун трагедии. Сталин и международный кризис 1939–1941 годов». Построена она на архивных материалах, и я могу вам точно сказать, что в те годы многие решения по внешней полити-

ке принимались устно, узким кругом лиц — либо вообще согласовывались по телефону. Протоколов очень мало. Хотя есть мифология, что такое-то заседание Политбюро якобы состоялось тогда-то, потом — тогда-то, но это все неустановленные факты...

— То есть какие-то документы, записи об этих событиях еще могут быть обнаружены?

— Не исключено, так что процесс принятия решений остается очень существенной темой. Как и где, если говорить о нашей стране, происходили эти совещания, какие решения на них принимались? Это касается и внутренних вопросов. Например, оценивались ли где-то первые итоги войны? По документам я не видел нигде, чтобы было совещание у Сталина или в ГКО или еще где-то по неудачам первого периода войны. Или вот международные вопросы — крайне необходимы документы о том, как оценивались, намечались какие-то меры в области взаимоотношений с союзниками...

— Где же все это может быть, как вы считаете?

— Может быть, что-то отложилось в архиве Президента. В архиве Сталина этого нет, но архив Сталина, который входит в Государственный архив современной политической истории, он все-таки выхолощенный, неполный... Архив Политбюро — очень краткий, там по всем заседаниям только «слушали — постановили», и все! А как слушали, какие были точки зрения, какие мнения? В общем, это один пласт вопросов. Второй связан с документами, касающимися наших союзников, — их архивов, переговоров, которые ими велись.

— Они тоже не очень доступны для исследователей?

— Ну, скажем, есть и доступные материалы заседаний британского Кабинета, но по Соединенным Штатам — гораздо меньше. Вот это — второй пласт. Третий — тот, что

начали сейчас все больше раскрывать, — это разведка в годы войны. Недавно в Лондоне состоялась большая конференция, и на ней были представлены новые, неизвестные ранее документы. Разведка — очень интересная тема!

— К сожалению, по многим причинам, полностью ее не раскроют никогда...

— Да, и есть еще просто тайны войны, которые тоже открывать не спешат. Вроде, скажем, визита Рудольфа Гесса в Англию. Основные материалы, конечно, закрыты в Англии — но, может быть, что-то можно поискать? Очень серьезный, интересный вопрос — взаимоотношения нашего руководства с польским правительством в Лондоне, с другими эмигрантскими правительствами. Не до конца прояснен вопрос, связанный с польским восстанием 1944 года... Есть еще очень много вопросов, по которым, я думаю, впереди еще могут быть открытия.

— Но почему же нередко остаются засекреченными документы, особенной тайны не содержащие, вреда никому причинить не могущие?

— Сложность в том, что у нас чрезвычайно медленно производится процесс рассекречивания. Нельзя сказать, что он не идет — он идет, но столь медленно и так затянут, что, мне кажется, превратился в серьезную государственную проблему, которая требует скорейшего решения. Это, кстати, даже подрывает доверие к нашей исследовательской работе — ведь мы не можем раскрыть документы, в которых нет каких-то особых секретов.

— Почему же так получается?

— У нас исторически так сложилось, что засекречен весь пласт документов. Весь, понимаете? Вот, как пример — секретные решения, принятые на каком-то заседании Секретариата ЦК КПСС. Но что на этом заседании обсуждалось? Не только какие-то действи-

тельно важные вопросы, но и выделение, допустим, сверхнормативных материалов для какого-то там завода. И на всех этих решениях стоит гриф «Секретно». До сих пор нет такой практики, чтобы из этой серии документов одни отложить и оставить под грифом, а другие — рассекретить.

— С вашей точки зрения, что в этом направлении следует сделать прежде всего?

— Мне кажется — это не с моей точки зрения, а в интересах государства — необходимо выделить какие-то спорные, дискуссионные, важные и актуальные в научном и политическом отношении вопросы и ускорить рассекречивание, связанных с ними документов.

— Например?

— Например — деятельность националистических организаций на Украине. Это очень острый вопрос, это один из камней преткновения в наших отношениях украинскими историками. Они всецело оправдывают деятельность УПА, мы представляем ее исключительно негативной. Но ведь она действительно имела разные этапы, имела разные цели и различные средства их реализации... Поэтому открытие таких архивов было бы очень полезно.

— В общем, перед историками Второй мировой и Великой Отечественной войны открываются большие перспективы. Но рассчитывать найти документы, которые перевернули бы наши представления о войне, не приходится.

— Мне кажется, что нет. Мне не видятся такие принципиальные вопросы, которые бы в корне изменили оценку тех или иных этапов, крупных, эпохальных событий. Более-менее это все уже известно.

Содержание

Предисловие	5
ЗАСЕДАНИЕ ПЕРВОЕ:	
«22 июня 1941 года. Могло ли все быть по-иному?»	11
ЗАСЕДАНИЕ ВТОРОЕ:	
«Еще полгода, еще, может быть, годик...»	35
ЗАСЕДАНИЕ ТРЕТЬЕ:	
«Парад планет» — «Уран», «Марс» и «Малый Сатурн»	65
ЗАСЕДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ:	
«Возможности реальные, но не реализованные»	94
ЗАСЕДАНИЕ ПЯТОЕ:	
«После Курска в войне произошел решительный поворот» ...	122
ЗАСЕДАНИЕ ШЕСТОЕ:	
«Цель номер один» на картах люфтваффе	150
ЗАСЕДАНИЕ СЕДЬМОЕ:	
«Красная Армия в Европе: освободитель или оккупант?» ...	176
ЗАСЕДАНИЕ ВОСЬМОЕ:	
«Ясско-Кишиневская операция — эталон военного искусства»	200
ЗАСЕДАНИЕ ДЕВЯТОЕ:	
«Антигитлеровская коалиция — союз великий, но недолговечный»	230
ЗАСЕДАНИЕ ДЕСЯТОЕ:	
«Ставка — Победа»	262
ЗАСЕДАНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ:	
«Последний бой — он трудный самый»	292
ЗАСЕДАНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ:	
«Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня» ...	326
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:	
Великая Отечественная война — объединяющий фактор нашей истории	360

**Бондаренко Александр Юльевич
Ефимов Николай Николаевич**

ТАЙНЫЕ СТРАНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

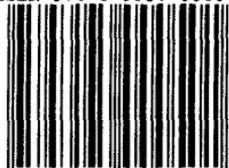
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсenko*
Корректор *М. В. Лушина*

Издательство «Кучково поле»
123022 г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Подписано в печать 07.04.09. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 19,22. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 1654.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

ISBN 978-5-9950-0050-1

9 785995 000501 >